ПИОНЕР

АПРЕЛЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1958 год 4

Всегда готов!

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 35-й.

Сегодняшнее собрание клуба, посвященное «комсомольскому характеру», открывает человек с настоящим «комсомольским характером» — АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ МАРЕСЬЕВ, Герой Советского Союза, член Центрального Совета Пионеров.

На переднем крае

Недавно я был на комсомольском собрании в одной из московских школ. Речь зашла о том, каким должен быть настоящий комсомолец.

Выступало много ребят. Говорили о смелых подвигах, о любимых героях, которым нужно подражать. Упоминались имена Зои Космодемьянской, Гастелло, Талалихина.

Ребята говорили горячо, с волнением. Но мне показалось, что большинство из них совершает одну и ту же ошибку. По их словам, получалось так: хочешь быть похожей на Зою — иди на казнь, хочешь подражать Гастелло — непременно делайся военным летчиком...

Иные утверждали, что настоящий комсомолец обязательно должен делать самое трудное. Поминалось тут и мое имя. Дескать, Маресьеву труднее всего было вернуться к летному делу, а он все-таки вернулся. Так, мол, и следует поступать.

Все это заставило меня глубоко призадуматься.

Спору нет: преодоление трудностей воспитывает характер. И надо научиться преодолевать их.

Но надо ли выискивать трудности только ради самих трудностей? Ломать себя, чтобы доказать, что у тебя сильный характер?

По-моему, это лишнее. Не ломать себя надо, а искать себя. Найти себя для молодого человека и важно и непросто. Только тот, кто правильно определил свои склонности и способности, сможет полностью себя проявить. Он будет радоваться своему труду и порадует трудом других. А это важно для всякого человека, для комсомольца же в особенности.

И если говорить о себе, так разве я потому вернулся к летному делу, что хотел что-то кому-то доказать? Нет, я снова стал пилотом потому, что любил свое дело. И главное, я считал: в ту пору, в пору войны, я, опытный пилот, в этом деле нужнее всего.

Вот это, по-моему, и необходимо помнить комсомольцу: делай не то, что труднее всего, а то, что сейчас нужнее всего. Будь на самом главном участке жизни.

«Как же так? — спросите вы.— То вы говорили, что надо найти себя. А теперь утверждаете, что надо делать самое нужное... А если эти вещи не совпадают? Скажем, я по призванию самолетостроитель, а сейчас нужнее всего строить дома?»

Верно, может быть такое противоречие. Но это противоречие только кажущееся, временное. Целеустремленному человеку не страшно на какое-то время отклониться от своего пути. Он все равно вернется к нему, вернется обогащенным.

Мне вспоминаются мои друзья по Комсомольску-на-Амуре. В те годы перед комсомолом была поставлена задача — построить новый город на Дальнем Востоке, и сюда, на Амур, съехались комсомольцы из разных мест. Были среди них такие, которые мечтали стать инженерами, биологами или же, как я, летчиками. А приходилось попросту рубить лес. Ну, что ж, мы рубили лес...

Первое время в Комсомольске не было ни аэроклуба, ни одной учебной машины. Но парни, влюбленные в летное дело, не оставляли своей мечты. Едва только в городе стали работать заводы, мы начали выпрашивать там ненужные, бракованные детали.

Собирали мы их исподволь, одну за другой и стали собственными силами конструировать учебную машину.

Днем все работали — и как работали! — а вечером собирали машину. О том, как медленно и трудно подвигалось это дело, судите хотя бы по тому, что вначале нас было семьдесят два человека, а под конец осталось двенадцать. Но эти двенадцать достроили машину. А как только мы достроили машину, нам дали инструкторов и начали учить нас летать. Аэродромом нам служил тогда замерзший Амур. И, по-моему, это не случайно, что обучаться любимому делу я начал здесь, в строящемся городе, куда приехал по комсомольской мобилизации. По-моему, так оно и должно было быть, это закономерно.

— Будь на главном участке жизни! — говорит Алексей Петрович Маресьев.

До того, как стать пилотом, я был токарем, лесорубом, механиком-дизелистом. Считаю ли я это время потерянным?.. Ни в коем случае! В каждом из этих как будто случайных для себя дел я старался работать в полный накал, и выдержка, дисциплина, знания, которые я приобрел, мне потом как еще пригодились!

Думая о своих учителях, я всегда вспоминаю сурового мастера «дядю Колю». Он обучал меня совсем не летному, а токарному делу. Но от него первого я узнал, что значит требовательная, настоящая любовь к своей профессии.

Найти себя и не потерять ни при каких обстоятельствах — вот что, по-моему, важнее всего. Таких людей я уважаю.

Возвращаюсь к тому, с чего начал. И Зоя и Гастелло делали то, что Родине тогда было нужнее всего; в этом и надо им подражать. Эти герои были на переднем крае жизни. Передний край может перемещаться, он может быть не только на фронте, а и на заводе, на целине, на строительстве домов, даже у вас в школе... Но где бы он ни был, настоящий комсомолец обязан находиться там, на главном участке, в самой гуще жизни.

И не только находиться, но отдавать себя. В этом отношении, ребята, не надо экономить, не нужно беречь свои силы! Почему-то обязательно выходит так: чем больше отдаешь, тем больше получаешь взамен. Так, по крайней мере, случается у нас в стране. Таков закон нашей советской жизни.

После выступления А. П. Маресьева члены клуба посмотрели документальный фильм «Комсомольск-на-Амуре». Кадры из него вы видите на следующей странице.

Тут в клуб пришла журналистка НИНА АЛЕКСАНДРОВА, сотрудница газеты «Комсомольская правда», и рассказала вот о чем.

Она еще пионерка

Не знаю, к месту ли будет то, о чем я хочу рассказать. Ведь речь в нашем клубе идет сегодня о «комсомольском характере», а девочка из Гродно, встреченная мною, еще пока пионерка. Но все-таки мне хочется рассказать о ней.

Не каждый день встречаются такие девочки... Да и вообще, если подумать, нельзя же представлять себе дело так, будто сильным и убежденным человек становится только с той минуты, как получит комсомольский билет. А как же пионеры? Ведь, собственно, в пионерские годы люди и растут.

Решено? Рассказываю.

Зовут эту девочку Жанной. Учится она в шестом классе шестой школы. Жизнь ее идет сейчас сравнительно спокойно.

Но не так было года два назад.

КИНОЗАЛ КЛУБА

Комсомольск строится. Первые трудные годы. Разгружаются баржи. Наводятся мосты.

Дело в том, что мать у Жанны очень религиозная, и она хотела, чтобы ее дочка тоже верила в бога. Но Жанна представить себе не могла, как это она, пионерка, станет ходить в церковь, а под красным пионерским галстуком будет носить «божий крестик».

— Мама, пожалуйста, не заставляй меня,— кротко сказала однажды девочка.— В бога я не верю и в церковь не пойду.

Мать только усмехнулась: «Блажь!»

Это было как раз перед началом лагерной смены. Видя, что никакие уговоры на Жанну не действуют, мать решила пригрозить:

— Вот что, дочка, или ты пойдешь со мной на исповедь и станешь молиться так, как тебе должно, или же ни в какой лагерь не поедешь.

Жанна заплакала. Она всю зиму мечтала о лагере.

— Мамочка, милая. Я так хочу в лагерь!

— Ну, что ж... У тебя есть выход.

Жанна заплакала еще сильнее.

— Нет! — сказала она.

Все уехали в лагерь, и с их двора и с соседнего, а Жанна осталась. Она думала о зеленом лесе, где играли ребята, о речке, где они купались, об их веселых играх, а сама уныло смотрела на серые стены. Даже в «классы» не с кем было попрыгать. Сами знаете, как это весело — торчать летом в городе!

Но мама Жанны была человеком твердого слова и от своего решила не отступаться.

Так прошло лето.

У мамы было несколько подруг — пожилых женщин. Все они укоряли Жанну:

— Ай-яй-яй! Какая нехорошая девочка! Боженька ее на ножки поставил, а она вон как...

А с «боженькой» у Жанны действительно было связано одно событие в жизни. Мама называла его «чудесным исцелением», и Жанна, когда была маленькая, тоже думала так...

Она болела и долго-долго лежала. Слабые ноги не держали ее. Ее все время лечили.

Однажды — это было весной — мать собралась в церковь, и девочка с тоской подумала, что останется сейчас дома одна. Комнатка у них была маленькая, душная, а за окном уже бушевала сирень и слышались по-весеннему веселые голоса.

Девочка попросила:

— Мама, возьми меня с собой.

— Как ты пойдешь сама? — испугалась мать.— А я тебя, пожалуй, не донесу.

— Попробую...

Жанна тихонько поднялась, с помощью матери оделась и пошла. Пошла, как будто у нее были здоровые ноги. И дошла до самой церкви, только несколько раз останавливалась по дороге.

Мама от счастья плакала и молилась. «Божья благодать»,— говорили в один голос верующие. И мама, вся в слезах, без конца рассказывала, как ребенок сам попросился в церковь и бог дал ему силу встать. О врачах, которые каждый день ходили к Жанне и лечили ее, никто не думал.

— Бог тебе чудо явил,— поминала теперь мать этот случай.— А ты, гаденыш, молиться ему не хочешь.

— Мама, но ведь меня вылечили врачи, а вовсе не бог,— отвечала Жанна.— Помнишь, они говорили, что мне уже вот-вот можно будет встать? И другие дети тоже хоть в церковь не ходят, а выздоравливают.

Мать и слушать не хотела. И вот в маленькой комнате началась ожесточенная борьба — невидимая никому, кроме маминых подруг, не замеченная никем, борьба между взрослой, сильной женщиной и слабенькой, едва окрепшей девочкой. Мать даже не думала о здоровье Жанны, била ее, по целым дням не давала есть.

— Нет, я тебя заставлю! Не хочешь носить крест, так вот на тебе, на!..— Она била Жанну всем, что попадется под руку.

У Жанны глаза не высыхали от слез, но она все-таки не сдавалась. Даже удивительно, как она день за днем выдерживала такую жизнь.

В школе Жанна никому не говорила о своих бедах. И там никто не обратил внимания на ее заплаканные глаза. Мало ли отчего плачут девчонки!

Как-то Жанна не сделала урока. Учительница спросила, почему, подошла к ней и погладила девочку по голове, заметив, какие у нее несчастные глаза. И вдруг она почувствовала, что голова у Жанны вся в шишках.

— Тебя кто-то бил?

Жанна кивнула головой и тут же упала на парту без сознания. Оказывается, она уже два дня ничего не ела.

К матери пришла делегация из школы.

— Мы заберем у вас дочку, если вы будете ее мучить!

— Ну и забирайте! — крикнула мать.— Не нужна она мне!

Крикнула, но тут же испугалась. Она все-таки

Эту фотографию 1925 года принесли в клуб юные историки. Комсомольская живая газета «Комсоглаз» высмеивает отсталых парней, которые любят пиво.

любила свою непокорную, непослушную дочку. Она боялась потерять ее.

— Хорошо. Я не буду бить ее. И молиться не стану заставлять, — мрачно согласилась она.

Нет, не сразу, конечно, все пришло в порядок. Случалось, что мать снова пыталась сломить сопротивление Жанны. Но Жанна уже знала, что ее поддержат. И иной раз она робко пыталась читать маме вслух. Про то, как люди живут, как строят свою жизнь, как их когда-то обманывали монахи. Вдруг и мама перестанет верить!

Самое важное в этой истории, мне кажется, то, что Жанна не хотела изменить своему пионерскому долгу. Она не соглашалась даже «по секрету», тайком ходить в церковь, как предлагала мать, или надевать крестик хотя бы на ночь, когда никто не видит. Вот это и есть то, что мы называем цельной натурой, то есть самым лучшим качеством в человеке, маленьком и большом.

Ни на шаг от убеждений, ни на шаг от своего долга!

На проводе — Змиев

— Алло! Алло! Клуб «Пионера»?.. Говорит город Змиев, Харьковской области. У аппарата инструктор райкома комсомола **Владимир Васильков.**

Мы узнали, что у вас идет собрание, посвященное «комсомольскому характеру», и я подумал, вам будет интересно узнать, что случилось у нас в поселке Зидьки.

Девятилетняя Вера Омельченко вечером осталась одна дома. Она стала разжигать печку и не заметила, что искра упала ей на платье.

Платье начало тлеть, а затем вспыхнуло ярким пламенем. Вера с криком заметалась по комнате. От быстрых движений огонь только сильнее разгорался. Девочка выбежала на улицу, платье на ней пылало.

Прохожие погасили огонь, но все тело девочки было покрыто сильными ожогами. Веру доставили в районную больницу. Врач, осмотрев девочку, сказал, что три четверти кожи у нее обожжено. Спасти пострадавшую может только пересадка кожи.

Рано утром весть об этом дошла до змиевской средней школы № 1. И вот уже через несколько минут в приемную больницы вошла большая группа старшеклассников. Двадцать пять юношей и девушек предложили дать свою кожу для спасения девочки. А вслед за ними явились еще комсомольцы из другой змиевской школы...

Вера Омельченко спасена. Ребята ежедневно навещают ее, приносят подарки, книги...

Мы хотели сообщить вам имена тех, кто пошел ради товарища на неприятную и болезненную операцию, но они протестуют. Они говорят, что сделали самое обыкновенное дело, о котором не стоит говорить.

ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

Этот разговор мы случайно услышали на переговорном пункте. Едва станция прекратила наш разговор со Змиевым, к аппарату подошел худощавый молодой человек.

— Детдом номер сорок девять? — спросил он, набрав номер.— Добрый день! Да, это я, Найденов. Ну, как там Витя? Молчит? Плохо... Нужно во что бы то ни стало вывести его из этого состояния. Что? Коля обещал заняться им?.. Что ж, пожалуй, у Коли получится. Да-да, буду во вторник. Всего хорошего!

Молодой человек положил трубку. Лицо у него было огорченное.

— А кто это Витя? — спросил один из членов клуба, молчавший до сих пор паренек.

— Витя Комбаров — новый воспитанник детдома,— пояснил молодой человек.— Понимаешь, у парня в один год умерли отец и мать. И он такой молчаливый, послушный. Слишком послушный. Это плохо, знаешь, когда ребенок чересчур послушный. Надо как-то оживить его.

— Ты, что же, педагог?..

— Я? Нет! Я, собственно, будущий инженер-строитель. Учусь и работаю.

— В этом самом детдоме?

— Нет, почему в детдоме? Я в Гипровузе работаю, а в детдоме я просто бываю. Беседую с ребятами, на прогулки с ними хожу. Чудесные ребятишки! Вот, хочешь посмотреть?..

Он достал из записной книжки фотографию и протянул собеседнику, пояснив:

— Это маленькие. А Коля, о котором я по телефону говорил, тот десятиклассник. Отличный парень. Резковатый, а душа тонкая... Думаю, он найдет подход к Вите.

Он снова положил фотографию в записную книжку.

Посмотрите, с какой любовью смотрят на своего старшего друга Бориса Найденова девочки и мальчики — воспитанники детдома № 49. К нему они обращаются со всеми своими затруднениями; они знают, что их дела всегда найдут отклик в его горячем сердце.

— Погоди! А почему у тебя здесь расписание школьных экзаменов? — спросил паренек, заглянув в эту книжку.— Ты что же, еще и занимаешься с этими ребятами?

— Ах, это?.. Нет, тут детдом ни при чем. Это Юрины экзамены.

— Это кто же Юра, братишка твой?

— Нет, не братишка. Просто мы с его матерью как-то разговорились. Вижу, пропадает парень: учение забросил, матери грубит... Мать очень просила помочь ей.

— А почему она именно тебя просила?

— Не знаю... Кажется, ей кто-то сказал, что у меня много друзей среди ребят помоложе.

— А у тебя их много?

— Порядочно. Если бы ты знал, какие парни! Вот бы о ком здесь, в клубе, рассказать! Скажем, Романов Виктор. Он окончил ремесленное и теперь работает на заводе. Четвертый разряд имеет. А какое у него было трудное детство! Всего сам добился, своими руками. Настоящий комсомолец! Он очень помог нам в этой истории с моим тезкой.

— А что это за история?

— Видишь ли, как-то в газете появилась заметка, что один школьник привлечен к суду за кражу. Звали его Борис Найденов, а я тоже Найденов и тоже Борис... Вот мы и разговорились с ребятами, как это могло случиться, что наш, советский школьник стал вором. Может быть, подумали мы, суд не до конца разобрался в этом деле.

Мы пошли к этому Борису домой. Оказалось, жизнь у него была не из легких. Отчим его ненавидел, а мать во всем слушалась отчима. Бывало так, что Бориса до двенадцати ночи просто не пускали домой... И не удивительно, что он связался с какими-то хулиганами.

Наша комсомольская организация вмешалась в это дело, его пересмотрели и сняли с Бориса судимость. Теперь он работает и учится на втором курсе техникума. Хорошо учится, и вообще парня не узнать...

— Ты встречаешься с ним?

— Встречаюсь.

— И с другими такими тоже?

— Да, с иными встречаюсь, с иными переписываюсь.

— Так... Это что же у тебя, комсомольская нагрузка такая?

— Почему нагрузка? Нет, какая же это нагрузка? Просто я так живу. Да и все так живут, по-моему. А ты?.. Если ты узнаешь, что товарищ в беде, разве ты не вмешаешься, не поможешь?

Но тут разговор оборвался, потому что в клуб вошли юные историки. Они принесли с собой материалы об истории комсомола и о его сегодняшних делах.

Снимки, документы и рассказы юных историков

ОДИНОКИЙ СМЕЛЬЧАК

Рассказывает НАДЯ НЕЦВЕТАЕВА

Этим летом мы были в походе. Вот что мы узнали в городе Луге.

Это было во время войны.

Когда фашисты заняли Лугу, комсомолец школьник Виктор Андреев решил бороться с ними. У него не было связи с партизанами, и он попытался действовать на свой страх и риск.

Однажды он вместе с другими ребятами принялся выкладывать надпись из камней на железнодорожной насыпи. Надпись гласила: «Ленинграда не сдадим!».

Ребята не заметили, как к ним подошел патруль. Их всех схватили и бросили в подвал гестапо.

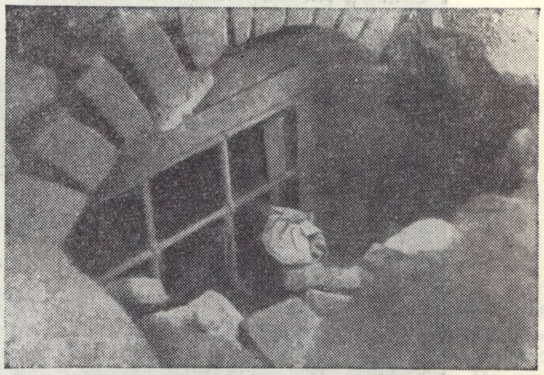
По ночам ребят запирали в подвал, а днем выгоняли работать на аэродром. Виктор заметил, что там хранятся запасы взрывчатки. Потихоньку он и его товарищи стали собирать взрывчатку. Под одеждой они приносили ее в гестапо.

Виктор решил взорвать гестапо. Мысль о том, что он сам погибнет при взрыве, не останавливала его.

И вот как-то ночью он поджег взрывчатку. Подвал окутал густой дым, но взрыва не произошло: видимо, взрывчатка отсырела. Взбешенные фашисты схватили Виктора и его друзей. Их расстреляли тут же, во дворе комендатуры.

Обо всем этом нам рассказала мать Виктора Андреева.

Конечно, борьба Виктора и его друзей была обречена на провал: их было слишком мало. Но Виктор Андреев — вот у кого настоящий «комсомольский характер» — остался верным своим убеждениям, несмотря ни на что. И поднял на борьбу товарищей.

Одна из фотографий, принесенных юными историками... Здесь, в подпольной типографии, в годы гражданской войны комсомольцы Армении печатали листовки. Не страшась пыток и казней, боролись комсомольцы: они были на переднем крае.

А эти ребята сегодня стоят «на переднем крае». Украинские комсомольцы-горняки строят новые шахты. На фотографии лучшие монтажники «Винницкой-комсомольской» шахты № 2 Иван Либшер и Вячеслав Ткачук. Они возводят эстакаду для погрузки угля.

Комсостав комсомольского батальона совещается, как лучше провести операции против белогвардейских полков Юденича.

НА ЦЕЛИНЕ

Отрывки из дневника студента

3/IX. Только что закончилось комсомольское собрание. В ближайшие дни мы, студенты Московского университета, выезжаем на целину...

— В добрый час, дорогие студенты! — закончил свою речь парторг.

Мы шумно двинулись к выходу. Тут я заметил, что к парторгу подошел Виктор Горинов. Разумеется, мы решили не брать его на целину, ведь там нужны только крепкие, здоровые люди...

«А я все-таки поеду»,— услышал я голос Виктора. Зря это Виктор, трудно ему будет там!

7/IX. Пишу в вагоне... Едем третьи сутки. Дорога довольно утомительная... Виктор Горинов все-таки едет с нами. Нужно сказать, если бы не его аккордеон, мы бы все скисли от духоты и скуки.

10/IX. Закончен первый трудовой день. Работа не из легких... Просто удивляюсь, как это Виктор может петь и шутить: он весь день не выпускал из рук лопаты, отгребая зерно от веялки...

15/IX. Обстановка все напряженней. Решено досрочно сдать зерно государству, а тут пророчат ухудшение погоды...

Виктор работает на автопогрузчике. За один сегодняшний день он заработал десять трудодней. Такой результат не под силу даже самым крепким ребятам. А мы еще не хотели брать Виктора на целину!..

16/IX. Сегодня ночью было такое происшествие. Мы легли спать. Я слышал, как Виктор ворочается с боку на бок, видно, после сегодняшней напряженной работы у него болели ноги.

Вдруг раздались шаги, к нам вошел бригадир:

— Ребята! Надвигаются тучи. А на току раскрытое зерно. Намокнет — пропадет... Надо людей добавить в ночную смену.

И вдруг я вижу: Виктор подымается и начинает одеваться. В общем, он целую ночь проработал вместе со всеми нами на току... Это после такого дня!..

5/X. Мы возвращаемся в Москву. Мы неплохо поработали и много узнали за это время... Внизу на полке лежит Виктор, и я слышу, как он вполголоса рассказывает соседу о своем детстве в осажденном Севастополе, о тех днях, когда случилось с ним это несчастье. И, прислушиваясь к его голосу, я думаю о том, что для целины, да и вообще для жизни важнее всего воля и желание. И если у человека сильный дух, ничто не помешает этому человеку, пусть даже у него, как у нашего Виктора Горинова, выше колен ампутированы обе ноги.

Настоящая гордость

У нас в городе есть один человек, которому я и мой друг очень хотели бы подражать. Это наш сосед Алеша Федотов. Он старше нас, комсомолец.

Алеша очень гордый. Это слово все понимают по-разному. Некоторые даже считают, что гордость — недостаток. А другие хотели бы быть гордыми, да не умеют. Вот Алеша гордый по-настоящему. Даже когда это очень трудно.

У них в семье большое несчастье: от них ушел отец, бросил Алешу, его мать и двух маленьких Алешиных сестренок. Им было очень тяжело и в материальном отношении. Но ни

Алешина мама, ни сам Алеша никогда ничего не брали от отца: ни денег, ни подарков.

В прошлом году Алеша поехал в Москву поступать в институт. Алешин отец живет в Москве, но Алеша к нему даже не зашел.

Поступать в институт было очень трудно, и Алеша не прошел по конкурсу отличников. Тогда он поступил работать на строительство. Работал и готовился к экзаменам.

Отец узнал, что Алеша в Москве, приехал к нему и стал уговаривать воспользоваться его помощью. Алешин отец — профессор, и у него много знакомых в том институте, куда хотел поступить Алеша. Отец предлагал Алеше нанять репетитора из этого института. Но Алеша отказался от всего наотрез. Отец уехал ни с чем.

Если бы у меня были несчастья, я бы хотел быть таким, как Алеша. Я его очень уважаю. По-моему, такая гордость может быть только у настоящего комсомольца.

Теперь Алеша учится в институте и получает стипендию отличника. Он помогает матери. Без отца они обойдутся.

Расскажите в клубе, что вы думаете про гордость.

Алексей Светланов, Симферополь.

Только сам!

В споре Лены Тюриной с Тамарой Давидович я полностью на стороне Лены. Каждый характер можно перевоспитать, если только упорно над ним работать. Человек дрессирует, перевоспитывает диких зверей, а это значит, что он изменяет характер животного, он заставляет животное подчиниться воле человека. Но для самого человека дрессировщиков не надо, человек должен упорно и настойчиво изменять свой характер, и только сам!

Миша Каледин,
г. Ленинград, 281-я школа, 5-й «Г» класс.

Революционеры — нам пример

Тамара Давидович говорит, что любой характер не перевоспитаешь. Наверное, Тамара думает, что «горбатого могила исправит».

Тамара, ты возьми пример с русских революционеров. Их пытали самыми жестокими пытками, но они молчали. Этот характер не врожденный, его воспитывает человек и та среда, в которой он живет.

Ученик средней школы имени Ленина
Носов В.

Как узнать свой характер?

Меня заинтересовал спор пионеров о своем характере. У меня характер не знаю какой. Когда проводятся общественные мероприятия, скажем, песни разучивают или танцы, я обещаю выполнить, но не выполняю. Я знаю, это обман. Но что делать, если мне это неинтересно и не хочется?

Я учусь в 7-м классе. Учусь неплохо. Больше всего я люблю море. Ну понятно, что и хочу я стать моряком. Настоящим! Но мне это недоступно. Была бы я мальчиком! А тут и настойчивость моя не поможет.

И еще люблю я горы. Хочу быть геологом, исследовать недра земли. Но, чтобы быть геологом, надо очень много знать. Вот я и не решила, за что буду приниматься после окончания школы.

Я еще не знаю настоящей жизни. Ничего меня не увлекает. Все очень быстро надоедает, как и Ларе Шурубуриной. Я вообще не понимаю иногда себя. Хочу сделать по-своему, а сама делаю по-другому. А потом жалею. Но чаще всего я забываю о событиях дня, вернее, не хочу вспоминать. Как узнать свой характер, как определить его и что такое сила воли?

И еще прошу вас рассказать о настоящей дружбе, о товарищах.

До свидания!

Таня Алексеева. Донбасс.

Спорить интересно

Дорогая редакция!

Мы решили принять участие в диспуте о характере. В нашей группе восемнадцать человек; пять ребят пришло к выводу, что свой характер изменить можно, можно заставить себя не бояться. Но остальные ребята считают, что характер свой изменить нельзя. Лиля Мерк считает, что ей изменить характер невозможно (она очень часто зря сердится, кричит). А Валера Андреев у нас боится лошадей (мы ходим в школу мимо конного двора). И Валера считает, что ему необязательно менять свой характер, потому что он в кавалерию не пойдет...

Вы спрашиваете: «Есть ли удача и неудача?» Большинство из нас считает, что удач и неудач нет, а есть случайности. Но Катя Новикова задает вопрос: «А вот когда человек рыбачит, а рыба не попадается — это ведь невезение?»

Ждем следующих вопросов в журнале. Спорить на эту тему интересно.

Воспитанники второй
группы детского дома,
с. Барышево.

Письмо непроходимых колючих зарослей

КУДУС МУХАММАДИ

У каждого растения
Обязанность своя:
Завидуем сирени,
Что прячет соловья.

А яблони! А вишни!
А розы, как заря!
И даже никудышный
Камыш растет не зря.

(Пускаясь на уловки,
Сосед наш продувной
Умеет быть циновкой,
И крышей, и стеной.)

Прославленному хлопку
Повсюду благодать.
А нас и на растопку
Никто не хочет брать.

У жизни на задворках
Мы чахнем день за днем.
Ни сладких и ни горьких
Плодов мы не даем.

Мы жить хотим иначе.
Привейте к нам сирень
Иль ветки карагача,
Чтоб мы давали тень.

Хотим мы стать пшеницей,
А нет — так ячменем:
Пуды зерна сторицей
Мы осенью вернем.

Тогда, коль жизнь подарят
Нам люди в добрый час,
Пусть варят нас, и жарят,
И масло жмут из нас.

А вдруг в котле для плова
Заставят нас кипеть!
Ну что же! Мы готовы.
Придется потерпеть!

Согласны стать листвою,
Что гложет шелкопряд,
Согласны стать травою
(Пусть овцы нас едят!),

Стать бревнами согласны
(Строгай, пили, скобли!),
Лишь только б не напрасно
На свете мы росли.

Мы, заросли колючие,
Дремучие,
Трескучие,
К вам, люди, обращаемся
Вот по какому случаю:

Мы всей своею чащей
Сгораем со стыда,
Что жизни настоящей
Не знали никогда.

Нам очень надоело
На диком пустыре
Торчать весь век без дела
С шипами на коре.

К нам птице
Не летится
И даже комару,
На ветки к нам садится
Одна лишь пыль в жару.

Перевел с узбекского
В. Берестов.

Дом имени Карла и Розы

(Продолжение)

Наталия ЛОЙКО

Рисунки Ф. Лемкуля.

АСЕ НЕ СПИТСЯ

В комнате темно. Издалека доносится песня про мир безбрежный, который залит слезами. Это поют в зале. Там первомайский вечер, там гости, там все детдомовцы, нет только Аси и Кати. Разве не обидно? Руководитель хора, вторая скрипка оркестра Большого театра,— вот кого раздобыла Татьяна Филипповна!— сам проверял их голоса. Ася — сопрано, Катя — альт. Разве они не разучивали песни вместе со всеми? Разве не приводили в порядок зал, не обтирали колонны, стараясь дотянуться повыше? И что же? В самый разгар веселья приходится лежать вдвоем на узенькой жесткой койке в комнате дежурного персонала. Сюда, в дежурку, их втолкнула Ксения, как только последний из иностранных делегатов скрылся за поворотом коридора: «Осрамили наш дом перед всем Третьим Интернационалом!»

Катя поплакала и уснула; Ася же никак не успокоится, все перебирает события дня.

Праздник начался с завтрака, даже раньше. В столовую все бежали в новых нарядах: мальчики—в голубых полосатых рубашках, девочки — в платьях из такого же ситца. У каждого празднично белел воротничок или торчал из кармашка платочек—всё подарки Вариной фабрики. У Аси в волосах трепыхался белый шелковый бант.

В столовой протерты окна, вымыт пол. По тарелкам разложены манные котлеты, в кружках дымится какао (на молоке!). Поднос полон куличиков. Куличики один к одному, но все же их стали делить, как делят хлеб. Дежурный по столу отвернулся, а Вава Поплавская ровным голосом — обязательно ровным, не то подумают, что она подает дежурному знак,— спрашивала:

— Этот кому?

Разобрали все куличики, и стало так тихо, что Ксения смогла обратиться с приветствием сразу ко всем столам. Она впервые была без куртки, в светлом платье, с красным революционным бантом на груди. Подумать только, Асе она показалась такой славной, такой хорошей!..

Ксения сказала, что Первое мая девятнадцатого года особенное — тридцатая годовщина! Тридцать лет назад Международный парижский конгресс установил этот великий пролетарский праздник.

Все, кто успел прожевать, кричали «ура!». Ася успела.

Затем на середину столовой вышла Татьяна Филипповна. Она, конечно, не такая красивая, как Ксения, она старая, ей больше тридцати лет, она родилась раньше самого первого Первого мая. И потом она не такая веселая: у нее муж на колчаковском фронте, а там сейчас страшные бои. Даже у Вари на фабрике собирали митинг по гудку насчет мобилизации, а у них и мужчин-то почти нет. Из-за этого Колчака и дети не могут быть веселыми, особенно у кого отец или брат на фронте; как, например, у Дуси и Туси Зайцевых, с которыми Ася теперь дружит, хотя Люська и злится.

Татьяна Филипповна подняла руку и объявила:

— Ребята! Вам Московский Совет приготовил подарок!

Оказалось, что отныне все воспитанники детских домов будут обеспечиваться питанием в первую очередь после бойцов Красной Армии. В самую первую очередь!

Тут уж все кричали «ура!».

...Катя вздохнула во сне и повернулась на другой бок. Пришлось повернуться и Асе. Она оперлась на локоть, на левый локоть, который почти зажил, потому что Яков Абрамович откуда-то выцарапал бутыль рыбьего жиру.

Теперь в зале танцуют краковяк. Так обидно, что лучше уснуть! Но как уснешь, если тебя одолели мысли?

Все началось с пасхи, с того утра, когда всех потянуло на воздух, на солнышко. Двор превратился в сплошную лужу, и нельзя было отойти от крыльца, разве что найдешь сухой островок или камень.

В церквах звонили колокола, и иных ребят по случаю праздника навещали родные, у кого кто есть: бабушка, тетка, сестра... Приходили, совали в руку или крашеное яичко, или кусочек освященного кулича. Каждый, получив гостинец, старался съесть его в укромном уголке: невозможно же при всех!

Только Панька Длинный, когда от него ушел дед, начал нахально при всех жевать толстую плитку жмыха, словно дразнился. Попробуйте не смотреть на этот жмых — аппетитный, пахнущий подсолнечным маслом...

Настроение было пасхальное. Девочки не ссорились, не дразнились, христосовались друг с другом. Ася не посмела нарушить обычай, трижды поцеловалась с Люсей. Она и раздружиться с ней не смеет, хотя эта дружба тягостней ей с каждым днем... Про себя Ася называет Люсю «липучкой». Ей представляется, что сама она, словно муха, увязла в клейкой, ядовитой бумаге. Ну да, как глупая муха! Передние лапки влипли, а задние свободны, дергаются. Дергаются, трепещут крылышки, но липучка не отпускает...

Однако пасхальное воскресенье Асе не хотелось думать о своих горестях, она старалась радоваться празднику и весне. Пусть с затененной части двора, от черных, будто остекленевших сугробов тянет холо-

дом, сыростью, зато у крыльца вовсю печет солнце, радугой играет в бегущих ручьях.

Ася жмурилась, жмурилась от солнышка и вдруг увидела: тетя Анюта!.. Высокая, в каком-то чудном жакете,— наверное, все ребята ее заметили — пробирается между лужами, ищет, куда ступить. За долгую зиму площадь, как и все московские площади, улицы и дворы, накопила столько снега, что в апреле ее почти сплошь залило водой. Лужи, ручьи, реки... Ася поспешила наперерез гостье: лучше насквозь вымочить ноги, чем слушать насмешки насчет теткиной буржуйской шляпы. Удалось перехватить гостью посреди площади. Лапша умилилась:

— Встретила? Рада? Ну, душенька, Христос воскресе!

Асе стало стыдно, что застеснялась перед ребятами. Даже шляпка не показалась слишком уж буржуйской.

Тетя Анюта не пошла дальше: она спешила к Казаченковым. Она сказала, что Василию Мироновичу, поскольку он устроился на хорошее место, не совсем удобно бывать у прежних хозяев, но сама она считает долгом хоть изредка поддерживать добрые отношения, хоть в такие дни, как сегодня.

— Прощай, душенька, вот тебе с пасхального стола. Разговляйся на здоровье.

Теперь, когда Ася сделалась обладательницей сверточка с вкусными вещами, она могла подойти к ребятам и предложить то, что с самого утра вертелось на языке. Она протиснулась в самую гущу ребят (Федя всегда в гуще) и сказала быстро, чтобы не перебили:

— Знаете, что? Давайте, если кому чего принесут, делить на всех.

Никто не засмеялся, никто не сказал, что она глупая, дура. Наоборот, обрадовались:

— Верно!

— Правильно!

— А то получается, вроде одни пролетарии, другие буржуи. Один жрет, другой — гляди.

Заминка вышла из-за того, что не знали, как, к примеру, разделить одну сайку или же две карамельки на весь дортуар. Федя сразу сообразил:

— Можно самим разделиться. Рассчитаемся на пятерки.

— Даешь на пятерки!

— Разобьемся на пятачки, и пойдет дележ.

Федя стал строгим:

— Не на пятаки, а на коммуны. И не только на праздники, а на постоянно. Мало ли, когда принесут...

Подняли такой крик, что с карниза упала сосулька.

— Правильно! На коммуны!

— На коммуны! Ура!

У Феди стало гордое лицо, у Аси глупое. Обязательно будет глупое, если сама не знаешь, отчего тебе радостно. Ася сказала:

— Пока еще нет коммун, давайте попробуем.

И развернула сверток. А там кусочек пасхи, ломоть кулича, коврижка — лучше, чем в сказке про пряничный домик! Не будь рядом Феди, все бы расклевали, как воробьи. Но Федя — теперь староста мальчишечьего этажа. Он заставил всех угощаться вежливо, не рвать из рук. Ася никак не могла перестать улыбаться. Перестала только тогда, когда откуда-то подоспела Люся. Вот липучка! Высмотрела всетаки Асю.

Друзей у Люси нет, вот ей и завидно, если где общая игра или веселье. Она завела недавно манеру, подойдет и попросит:

— Примите собаку.

Становится неудобно. Все-таки теперь равноправие, собак среди людей нет... Противно, а приходится с ней водиться.

В этот раз Люська ничего не сказала, подхватила с Асиной ладони корочку, облитую глазурью, и поинтересовалась, что это будут за коммуны. Потом спросила:

— А если кому ничего не носят, таких тоже будут принимать?

Ася ответила, как ответил бы Андрей:

— Глупый вопрос.

— Не глупый!— Люся, про которую было известно, что ее сестре самой нечего есть, произнесла с обидой:— Знаю я вас. Меня кто захочет принять?

Ася испугалась, что Люся пустит в ход свою проклятую собаку, и быстро сказала:

— Я приму!

Правильно сказала. Она не жалеет, что они с Люськой попали в одну коммуну!

За обедом Федя и Катя обошли столы и устроили голосование. Порешили так: в каждой коммуне будет пять человек, причем вперемежку — те, кого навещают, кому приносят гостинцы, и те, кому некого и нечего ждать.

Катя на Асю и не глядела, словно не Ася придумала насчет дележки. Тогда не глядела, а теперь всегда будет глядеть.

ЧЛЕН КОММУНЫ

Как бы ни был горек сегодняшний вечер, он подарил Асе Катину дружбу. Ася с нежностью смотрит на спящую, на смуглое добродушное лицо, совсем темное рядом с подушкой.

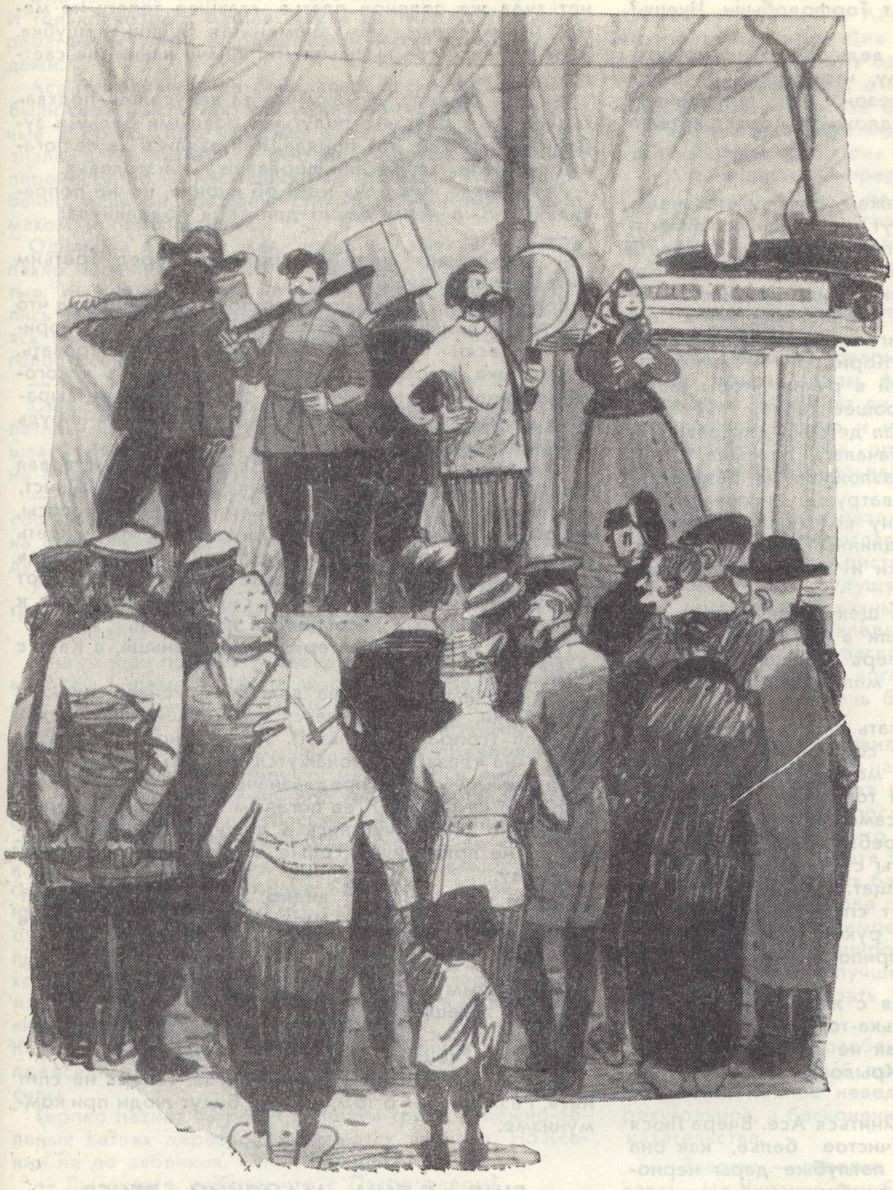
Вчера, в канун праздника, в Асиной коммуне был настоящий пир. Крестная Туси и Дуси — она их не забывает, потому что матери у них нет, а отец и брат сражаются с Колчаком,—испекла к Маю миндальный торт из отрубей. Испекла на двоих, а делили на пятерых. Разделили, полакомились, дружно подъели все крошки и стали гадать, что перепадет их коммуне завтра. Перепасть могло только от Аси. Маленькая Наташа была петроградкой, и в Москве у нее никого нет; Люсе, как известно, нечего было ждать.

Ася ходила гордая, она знала, что в Москву на праздник прибудут представители Торфостроя, что Ася у них в списке красноармейских детей. Ей все известно про Торфострой, не зря Варя нет-нет да подкараулит на вокзале теплушку, ту, что когда-то привозила Андрея в Москву,— узнает, нет ли вестей.

Многие организации заботятся о своих сиротах. Например, Федя как-то получил от Союза рабочих по стеклу и фарфору тетрадь в клетку, орехов и шепталы. Но первым под Май в его коммуне поздравили Шурика Дедусенко, не кто-нибудь поздравил, а пищевики! Отвалили три галеты, изюму (пятьдесят девять изюмин) и баночку детской питательной муки «Нестле», вкусной, как раскрошившееся печенье. Правильно, что столько отвалили, ведь в коммуне у Шурки и Феди еще трое Филимончиковых, у которых на белом свете нет никого, кроме друг друга.

Федя поделил муку на пять ровненьких кучек. Делить было трудно, всем хотелось увидеть, как это полагается делать в коммуне, и все толпились, заслоняли свет.

Утром было так радостно, еще лучше, чем на пасху! После вкусного завтрака все гурьбой повыбежали на улицу, за калитку. С площади сразу заметно, что детский дом празднует не хуже других. Над колоннами флаг, пониже портреты — Карл Либкнехт и Роза Люксембург. И еще красное полотнище со словами: «Праздник светлой надежды стал праздником добытых и грядущих побед».

Вдоль бульвара по рельсам ползли трамвайные платформы с ряжеными.

Площадь к маю совсем подсохла. Каждый булыжник лежал аккуратно, как хлебец в корзинке, чистенький после весеннего разлива, умытый. Только неудобные эти булыжники: выпуклые. Подметки-то у людей матерчатые или веревочные, подошве больно ступать по неровному. Когда трудящийся класс возьмется хозяйничать после войны, он обязательно придумает громадные утюги, чтобы разгладить булыжные мостовые, превратить их в сплошные, гладкие, как пол. Ходи, сколько хочешь, не жалуйся, что устал.

На площадь стал стекаться народ. Ждали Владимира Дурова — знаменитого клоуна и дрессировщика. Татьяне Филипповне обещали в райкоме, что в день Первого мая Дуров со своими учеными зверьками даст представление на площади против Дома имени Карла и Розы.

Ах, каким чудесным мог запомниться этот день!

Пока не приехал Дуров, детдомовцы сбегали на бульвар. Вдоль бульвара по рельсам еле ползли трамвайные платформы с ряжеными. На одной — пролетарий в алой рубахе, крестьянин, дровосек и совсем молоденькая пряха. На другой — боярышни в кокошниках, в легких вышитых кофточках. Боярышни хотя и мерзли, но старательно пели под балалайку.

Вдруг Панька Длинный как заорет:

— Дурова прозевали!

И наврал. Из-за него все побежали обратно, а после ждали и ждали.

Когда наконец из-за угла заколоченной зеленой лавки показалась толпа мальчишек и лошадка в бумажных цветах, тянувшая разукрашенную подводу, детдомовцев повели с тротуара на самую середину площади. Татьяна Филипповна объявляла: «Пропустите, идет детский дом!»,— и ребят пропускали.

Дуров явился щеголем, не пожалел хорошего наряда — весь в шелку, в блестках, сразу видно, артист! На первой подводе в клетке, над которой торчал железный двуглавый орел, сидела гиена и называлась Капитализм. На второй пыхтел, посвистывал паровичок с пассажирами — белыми мышками. Паровичок был опоясан лентой с серьезной надписью: «Революция — локомотив истории»,— но Дуров забывал про надпись и просил своих мышек, словно принцесс:

— Мадам, прошу вас, поднимите шлейф!

Народ напирал со всех сторон, и мышки пугались, но все же по всем правилам хорошего тона приподнимали длинные хвосты, касались их лапками.

Больше всего ребята толкались и хохотали, когда началось представление «Издевательства в царской армии». Знаменитый дрессировщик надел офицерскую фуражку с кокардой и бессовестно измывался над собачкой, которая звалась Нижний чин. Наконец Нижний чин не выдержал и как залает, как бросится на проклятого офицера! Так тому и надо!..

Незадолго до ужина Оська Фишер позвал Асю в вестибюль. Там незнакомый человек в галифе и резиновых сапогах вручил Асе, с полным уважением к ней и к Андрею, которого называл товарищем Кондаковым, первомайский подарок, упрятанный в нанку, в знакомую Асе грубую реденькую ткань, ту самую, что издавна ткали в своих избушках черноболотские крестьяне.

Человек в резиновых сапогах сказал:

— Не от Торфостроя, а от Торфодобычи. Чуешь?

— Нет, правда?

Стало обидно за Андрея: ведь никто из московских знакомых не верил ему, что весной начнется добыча торфа, торфяной сезон. Ася, польщенная серьезным разговором, предложила представителю Торфодобычи:

— Показать наш дом?

И смело повела его по этажам, потому что знала: сегодня не осрамишься, ждут иностранную делегацию. Полы протерты даже под кроватями, кровати застелены ровно, в дортуаре старших девочек постановлено, чтобы на тумбочках было красиво. Можно салфетку, если найдется. Можно расставить открытки, хотя бы «С днем ангела», если другой нет. Лишь бы было красиво. Коридоры и лестницы осмотрены с мокрой тряпкой в руках, чтобы нигде на стенке не попалось нехорошее слово.

Гость с Черных Болот назвал детский дом завоеванием революции и ушел. Началась дележка. С помощью Туси и Дуси Ася разложила на реденькой нанке шесть картофельных ватрушек, испеченных в русской печи. Каждому члену коммуны по одной плюс добавочек. Леденец, длинный, как карандаш, освободили от яркой обертки и долго распиливали ножичком на пять частей.

Поев ватрушек, запихав за щеку свою дольку леденца, Туся и Дуся побежали в дортуар младших (теперь новые порядки, теперь младшие спят отдельно), побежали вручить маленькой Наташе ее порцию.

Ася осталась, чтобы спрятать Люсину долю в ее тумбочку. Ведь на днях на собрании постановили всем быть в день Первого мая настоящими товарищами. Ася, как настоящий товарищ, и стала прятать гостинцы подальше, в самое сохранное место. Что поделаешь, коли среди ребят еще имеются, как их называет Ксения, продукты старорежимного воспитания! Не спрячешь — стащат.

Эх, Катька! Как она может спать? Ася вертится, взбивает подушку, задевает рукой жесткие курчавые прядки. Наконец Катя приподнимается:

— Чего тебе?

— Нет, ты послушай!— Ася с жаром излагает то, что Кате уже известно.—Люська-то, главное, заперла дверцу гнутым гвоздем, никак не влезешь... Сверху, значит, кофточка, «Басни Крылова», пакет позади всего.

Этот пакет долго будет помниться Асе. Вчера Люся притащила его от сестры (чистое белье, как она объяснила). Чтобы засунуть поглубже дары чернроболотцев, Ася все вынула из тумбочки.

— Меня как затрясет!— говорит Ася.

— Всякого бы затрясло!

Еще бы! Из пакета, завернутого в афишу, выкатился коржик. И ведь врала Люська, будто артистам не платят за концерты мукой или еще чем. В пакете оказалась целая куча коржиков, не ржаных, а чуть ли не пшеничных!

— Сестра у нее такая же жила,— вставляет Катя.— Пела, небось, по клубам, а бесплатно ни одной нотки! Белые коржики, подумать только! Оттого, что в народе тяга к искусству...

Катя любит порассуждать, разобраться, что отчего, но Асе не до того...

Надо же было, чтобы в ту минуту по лестнице поднималась долгожданная делегация, осматривающая детский дом, Дом имени Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Обнаружив Люсин обман, Ася не помнила себя. Она как вытолкнет тумбочку в коридор, как швырнет туда же зеленое платье, ставшее теперь не менее ненавистным, чем знаменитая беличья шубка. Всех обманщиков вышвырнуть! Иначе какие же светлые надежды?

— А я увидела, думаю: что за карусель?—подхватывает Катя, блестя в полутьме ровными белыми зубами.— И тут же все поняла. Как взялись за ее поганую кровать, запрыгала деревяшка у изголовья.

Ася поняла, что речь идет об иконке, но не поправила Катю, а неожиданно для себя поддакнула:

— Ага!

— Только вот анархию проявили перед Третьим Интернационалом.

Верно ведь... Не слишком-то ловко получилось, что навстречу делегации, перегораживая ей путь, в коридор во всей красе выехала разоренная кровать. А подушка, пущенная рукою Аси, угодила в какого-то товарища Бротье, который свое удивление выражал на французском языке, словно какая-нибудь параллельная дама.

При этом событии, кроме Ксении, присутствовал Андрей Альбертович: он, как бывший латинист, взялся принять иностранцев. Свои длинные волосы, небось, догадался пригладить, чистый сюртук надеть догадался, а вот выдумать хоть на каком-нибудь иностранном языке, что девочки просто переезжают в другой дортуар, не хватило смекалки. Отскочил к стене, будто это в него попали подушкой.

Правда, и Ксения растерялась не меньше, а Катя с Асей тем более.

Вот и лежат теперь на дежурной койке, слушают краем уха, как разливается хор, лишившийся двух голосов (сопрано и альта!). Не велено им показываться на глаза? Не покажутся. Вместо ужина поделили между собой предназначенную Люсе картофельную ватрушку. К ее поганым коржикам, которые почему-то тоже очутились в дежурке, не притронулись и не притронутся, даже если придется умереть с голоду.

Вечер в зале, как видно, кончается: там поют «Интернационал». Если иностранные гости еще не покинули детский дом, они тоже поют.

— Катя,— спрашивает Ася,— ты совсем, совсем веришь в коммуну? В будущую коммуну.

— Ну, знаешь...

— Такие, как Люська, будут при коммунизме?

— С ума сошла!

Ася, обретя наконец покой, уснула. Теперь не спит Катя. Размышляет о том, какими будут люди при коммунизме.

ЕЩЕ ОДИН МАЙСКИЙ ВЕЧЕР

О грядущем, о коммунизме в Доме имени Карла и Розы думали и говорили много. Правда, все поразному.

Сил Моих Нету уверяла, что кто-кто, а уж она отдохнет при коммунизме! Если приведется дожить.

Сережа Филимончиков-старший, тот, что с помощью своих братьев смастерил на чердаке сигнализацию для связи с Марсом и имел немало неприятностей из-за разбитого по этой причине окошка, написал поэму «Распрямим орбиты», имея в виду орбиты небесных тел. Поэму, как определила Ксения, с размахом.

Туся и Дуся Зайцевы твердили одно: коммунизм— это когда не воюют и не убивают. Ксения сказала, что это верно, но в перспективе.

Панька Длинный жил мечтой «шамать сколько влезет». Ксения признавала, что в перспективе так и будет, но Паньку не уважала.

Она уважала Федю. Этот все знал про коммунизм. И только возраст мешал ему и другим подходящим ребятам вступить в ряды коммунистической молодежи.

Ася пока никуда не собиралась вступать, но у нее были свои мысли про коммунизм — мысли, изложенные в стихах, про которые даже Катя Аристова не знала, даже Катя! Ася считала: человек все может перенести, но не насмешку над своими стихами, особенно, если он убежден: стихи правильные — с размахом и перспективой...

Однажды к концу мая, когда в Анненском парке пахло черемухой и, как заведенные, гудели басовитые, пушистые шмели, старшие детдомовцы собрались возле заднего крыльца, добродетельно дожидаясь учительницы ботаники. Неожиданно послышался голос Ксении:

— Все на месте?

Она стояла в дверях, раскрасневшаяся, в пестром летнем платьице, расставленном, где только можно в швах, удлиненном полоской серого ластика,— ничего не поделаешь, подросла за зиму!

— Урок срывается!— почему-то радостным тоном сообщила Ксения.— Наркомпрос вызвал ботаничку на огородные курсы. Будет беседа на вольном воздухе. Пошли на полянку!

Ребята радостно повалились в сочную, душистую траву. Ася потребовала:

— Давайте начинать!

Она теперь полюбила беседы, она все чаще задает вопросы и даже однажды высказалась. Ведь больше некому удерживать ее за руку. Люси нет и не будет!

Когда Ася в тот памятный вечер обнаружила коржики, утаенные от коммуны, она не предполагала, что ребята выставят липучку из детского дома, что будут такие гневные речи про темное прошлое и про светлое будущее, про Люську и вообще про врагов революции. Люське припомнили все: и ее саботаж и ее тлетворное влияние на массы. Как только комиссия доложила, что артистка Бородкина вовсе не так нуждается, что она в квартире имеет будуар (французское буржуйское слово!) и, вполне возможно, белые коржики грызет даже по будням, собрание захотело голосовать немедля. Вава Поплавская, сама из институток, и то сразу вывела в протоколе: «Исключить Людмилу Бородкину из Дома имени Карла и Розы навсегда». Федя Аршинов по праву председателя н а в с е г д а подчеркнул изо всей силы.

Терпко пахнет нагретая солнцем трава. В нежно-зеленых ветвях деревьев заливаются зяблики. Но Ксении не до зябликов. Она спрашивает:

— Вы знаете, ребята, что с Петроградом?

Ребята еще не знали. Оказалось, Петроград под угрозой: в двух пунктах Финского залива высадились десанты; белогвардейцы и союзники поклялись захватить этот чудесный город и ограбить его дворцы и заводы.

При слове «Петроград» Ася оглянулась на маленькую Наташу, которая бежала по лужку наперегонки с железным ржавым обручем. Асе не по себе оттого, что она вчера обошлась с девочкой по всей строгости. Но ведь Ася, как прикрепленная, отвечает не только за ее чулочки и ногти, но и за моральное состояние. Ася учит ее рисовать. Нет карандашей и бумаги — можно палочкой на песке.

Когда учишь, обидно, если ученица все делает по-своему, например, чертит над каждым домиком четырехугольник и уверяет, что это небо. Поневоле вспылишь... Между прочим, Татьяна Филипповна слишком любит за всех вступаться. Придумала в оправдание Наташи, что петроградским детям небо таким и представляется, раз они любуются им из дворов-колодцев. Но Ася заспорила: мало ли кому что представляется! Для чего тогда Нистратов доказывал, что небо всюду одно, что оно атмосфера? Рисовать надо как есть, а не как представляется; Асю саму всегда ругают за фантазию...

А все же затаптывать рисунок Наташи, стирать его ногой не следовало: она петроградка.

— Овчинникова!— прерывает Ксения свою речь. Раз «Овчинникова», а не «Ася», значит, сердится не на шутку.— Ты одна глазеешь по сторонам... Тебе все равно, что колыбель революции в опасности?

Ася сидит, опустив глаза, покусывая листок щавеля.

А Ксения рассказывает про вчерашний митинг молодежи Москвы.

— Мы обещали товарищу Ленину отдать все силы борьбе за коммунизм. А вы, ребята? Вы тоже?

Ася ждет, не будет ли добавления насчет того, что Овчинникову можно и не спрашивать, и не только Овчинникову, а всех, про кого Ксения любит ввернуть: «Полная социальная запущенность». Но Ксения кричит:

— Тише! Не все разом!

Наконец ребята согласились говорить по очереди. Выступила и Катя Аристова, очень здорово сказала про борьбу, про будущую победу, про то, что надо быть достойными славных имен Карла и Розы.

Ася слушала и жалела, что Кате неизвестно одно стихотворение под заглавием «Коммунизм». Катька умная, она бы вмиг догадалась заставить Асю прочесть его вслух. Очень бы подошло! Очень было бы к месту!

Если бы Асю заставили, она бы прочла и одна чересчур принципиальная особа убедилась бы, что, если человек иной раз и посмотрит в сторону — не поглазеет, а именно посмотрит,— это еще не значит, что ему все равно и что он социально запущен...

...Вечером Ася и Катя забрались на хоры. Когда-то, во время институтских балов, на этой узкой, нависающей над залом галерее помещался оркестр. У детдомовцев хоры — любимое место уединения. Именно здесь, усевшись на широкий, низкий, немногим выше пола подоконник, лучше всего поведать товарищу свой секрет, высказать вслух самые заветные мечты...

Вечером здесь особенно хорошо. Внизу теряется в сумраке огромный пустой зал, прямо перед тобой небо, полное неведомых тайн. Вовсе не четырехугольное, а бесконечное — этому есть научные доказательства.

— Звезды...— говорит Катя и мечтательно добавляет:— На Украине они большие-большие!..

Катя мечтает об Украине с того дня, как стало известно, что она, Ася и многие другие детдомовцы поедут туда в колонию. Там изголодавшихся детей столицы ожидают не только звезды, но и пшеничный хлеб и темные, сладкие вишни...

Катя сидит, запрокинув голову, упершись затылком в косяк окна. На блеклом, еще не утратившем закатных красок небе четко вырисовывается ее силуэт. Курчавая толстогубая Катя в эту минуту вновь напоминает Асе портрет юного Пушкина, оставшийся на память об Андрее.

— Катька! Я ведь давно хотела с тобой дружить, с первого дня! А ты?

— Ладно...— Катя все так же смотрит на небо, не шелохнется.— Обещала прочесть, читай!

Ася не в силах преодолеть волнение:

— Ночью сочиняла... Тогда складней получалось.— Она убеждена, что первый вариант, который не уда-

лось записать, был особенно удачным.— Утром уже не то...

— Читай, говорят!

— Ну, слушай...

Ася отходит к перилам, ограждающим галерею. Как ей хочется, чтобы случилось чудо и здесь, где-то рядом, в ту минуту, как она произнесет первую строку, появилась бы Ксения! Но нет, она, всего вероятней, во дворе, возле колоннады, где любит по вечерам проводить воспитательную работу.

Хотя, нет... Ксения не во дворе! Там девочки тоненько и чувствительно завели песню, которую Ксения петь при себе не дает, потому что такие песни порождены чуждыми вкусами. Девочки так не считают, Ася тоже, но сейчас и она запретила бы это некстати ворвавшееся пение, которое мешает ей обнародовать собственное творение. Да, изволь набраться терпения и слушать...

На берегу сидит девица,
Она платок шелками шьет.
Работа дивная творится,
Но шелку ей недостает...

Песня длинная. Вначале у девицы кончаются нитки, затем к берегу причаливает корабль, и красавец-моряк предлагает ей сколько угодно ниток (сколько угодно!), но просит взамен выйти за него замуж. Девица не знает, как поступить:

Одна сестра моя за графом,
Другая — герцога жена;
А я, всех краше, всех моложе,
Простой морячкой быть должна.

Конец песни, который так возмущает Ксению, особенно нравился девочкам. Моряк-то оказался вовсе не моряком, а его величеством королем, за которого каждой девице стоит выйти замуж... Ася ждет этой последней, волнующей строфы, но песня обрывается. Ага, стало быть, Ксения нагрянула во двор!

— Читай! — говорит Катя.— Ну... Называется «Коммунизм».

— «Коммунизм»—торжественно объявляет Ася.

Ей очень мило свое первое стихотворение; его, как она только что догадалась, можно петь на тот же красивый мотив, что и песню, которая исполнялась сейчас во дворе. Ася читает нараспев: «Собрались феи хороводом...»

Феи у Аси не простые: «Одна из них зовется Правдой, другую Равенством зовут...»

Катин силуэт выражает полное внимание, голос Аси набирает силу, но... На бедного везде каплет...

В самую вдохновенную минуту на хоры ворвались, предводительствуемые Федей мальчишки. Девочек они не видят, но все же совещаются шепотом. Вдруг Федя произносит громко:

— Если поездом, то меньше суток!

Можно не спрашивать, куда это меньше суток пути. Беседа Ксении о Петроградском фронте породила замыслы, подобные тем, что бродили в детдоме ранней весной, когда Колчак развил наступление. Ох, и терзали после этого Федю! Прежде педагоги, затем представитель райкома в кожаной куртке. Ох, и разъясняли мальчишкам, что в войне надо участво-

Ася читает нараспев: «Собрались феи хороводом...»

вать не побегами на фронт, а помощью красному тылу!

— Федька!— пугается Ася.— Тебя же сдадут военному коменданту!

— Сыпь, ребята!— кричит поставленный Федей в караул Оська Фишер.— Шпиявки!

Вся команда мальчишек скатывается вниз по железной винтовой лесенке. Снизу еще раз доносится одно из самых обидных слов, которые можно услышать в детском доме, нечто среднее между пиявками и шпионками:

— Шпиявки!

— Ослы!— кричит Катя.— Все про вас знаем!

Она оборачивается к Асе:

— Плюнь на них и читай. Здорово у тебя получилось...

Ася с чувством декламирует:

А посреди тех фей веселых
Стоит царевич Честный Труд.
И вместе всех, кто здесь собрался,
Прекрасный Коммунизм зовут.

— При чем тут царевич?— раздается хорошо знакомый голос, в котором отнюдь не слышится восторга.

Ксения вбежала на хоры, занятая розыском мальчишек, подозрительно шепчущихся с самого ужина. Она только что мимоходом разъяснила девочкам, распевшимся во дворе, что время коронованных тиранов кончилось, что в республике, идущей к социализму, пора забыть о ненавистных народу титулах. И вот... Ну, разумеется, Овчинникова взялась за то же...

Как Ксения ни торопится, она должна провести разъяснительную работу:

— Вы только вдумайтесь: царевич Труд! Где ты нахваталась такой ерунды?

Катя вспылила:

— Не ерунда, а стихи про коммунизм! Что вам далась Аська?

— А почему... почему она даже на коммунизм смотрит сквозь сито прошлого?

Здесь произошло нечто странное. Голос Ксении зазвучал по-детски жалобно, а глаза... Даже в полутьме видно, как они округлились с отчаяния.

— Ну, почему? Я ли вам не долблю, я ли не работаю над вашим сознанием?

Теперь, когда на летнее время Ксения рассталась с курткой, особенно заметно, как худы ее руки, как слаба она сама. Даже голос не тот.

— Ну, почему вы такие трудновоспитуемые? Ну, что мне делать? Я же обещала: «Справлюсь».

Девочки притихли; они догадываются, как нелегко Ксении, которая, хотя и старается казаться взрослой, не многим старше их самих. Ася не сердится даже на «сито прошлого». Однако Ксения спешит побороть минутную слабость:

— Я из вас все старье повыкорчую! Где вы раздобыли этого дурацкого царевича?

Дурацкого?! Ася отвечает:

— Нигде!

Катя держит сторону Аси:

— Не говори, Аська, не говори!

— Только задержали меня! — сердится Ксения и приказывает:— Помогите мальчишек найти! Федю ищу, Сережку Филимончикова... Тут их не было?

Два голоса дружно откликнулись:

— Мы не шпиявки!

Когда под быстрыми ногами обиженной воспитательницы задребезжали ступеньки витой лестницы, Катя проворчала:

— «Нахватались»... «раздобыли»!.. Сама бы так сочинила!

— И, главное, «ерунда»!— подхватила Ася.— А ты послушай дальше.— Почти шепотом, скороговоркой, без надлежащей выразительности она доканчивает:

Так коммунизм образовался
Из правды, равенства, добра,
Любви, науки и искусства,
Свободы, братства и труда.

— Все верно!— подытоживает Катя и вдруг признается:— А мне, думаешь, не сразу захотелось с тобой дружить?

За окном огромное темное небо, тоненький светлый серп месяца. Возможно, Федя с товарищами, если их не настигла Ксения, тоже глядят на далекий месяц, продумывая план спасения Петрограда. Разве не обидно, что они не позвали Асю и Катю? Разве при коммунизме будет такое неравноправие?

Девочки долго молчат. Затем Ася хватает Катю за плечи:

— Не буду я больше писать стихов! Ни строчки!

— Спятила!

— Нет! Кончено. Навсегда. Ксению ненавижу!

— Ты? Ненавидишь?

— Ну, не люблю...— далеко не так уверенно произносит Ася.

— А почему, если она тобой недовольна, ты, как кисель, хоть ложкой собирай? Почему, если похвалит, ты бесишься и песни поешь?

Ася сама не знает, почему, но в глубине души не сомневается: одобри Ксения стихотворение «Коммунизм», не было бы на земле поэта счастливее ее...

МУЧЕНИЦА НАУКИ

Наступил июнь, пришла пора сборов в колонию. В самый канун отъезда детдомовцев, и отъезжающих и остающихся, отправили спать раньше обычного. И вот, когда водворился порядок и в дортуаре уже господствовала относительная тишина, Асина постель оказалась пустой.

Последним Асю видел младший из Филимончиковых, Ванюша. Шмыгая острым носиком, он охотно расписывал, как та стояла во дворе у колоннады и спорила с Шашкиной (Варю Шашкину мальчик знал отлично: из ее рук он недавно получил тапочки цвета хаки). Ася была в своем обычном клетчатом сарафане, но растрепана сверх обычного. Еще Ванюша заметил, что она страшно вращала глазами.

— В руках у нее ничего не было?— спросила Татьяна Филипповна.

Мальчик раскинул руки:

— Во, сколько заграбастала! Сто штук буржуйского белья.

— Не сто, а шесть,— поправила Татьяна Филипповна и отослала горе-свидетеля спать.

Она сама, своими руками, вручила Асе шесть широченных простынь из той кипы белья, что сегодня удалось заполучить для нужд колонистов в Управлении народными дворцами. Ася взялась отнести в швейную мастерскую эти тонкие, помеченные инициалами одного из московских богачей простыни, но не отнесла, исчезла вместе с ними.

При опросе Филимончикова-младшего присутствовала Ксения. Оставшись вдвоем с Татьяной Филипповной, она глянула на нее искоса и произнесла:

— Пожалуйста, бытие...

— Какое бытие?

— То, что определяет сознание. Мадам берет верх, атмосфера ее мастерской.

— Ты о Варе?— В который раз Татьяна Филипповна пожалела, что как-то рассказала Ксении историю с катушками.— Мастерская забыта,— сказала она.— Варей на фабрике довольны.

Ксения пожала плечами, что делала при каждом упоминании о Шашкиной. Еще бы! Как-то она увидела у Аси карточку Вари — в локонах, в горжетке, с очами, устремленными ввысь. Похожую фотографию Варя когда-то высмотрела в доме одной из заказчиц. По разумению Вари, столь красивая поза говорила о любви и страдании, по разумению Ксении,— о том, что к Шашкиной надо внимательно присмотреться.

В последний вечер было не до споров. Ксения еще раз пожала плечами и отправилась по своим делам, а дел у Ксении Гущиной вдосталь. Райком РКСМ возложил на нее ответственность за вывоз детдомовцев в хлебородную губернию.

Татьяна Филипповна, неслышно ступая, зашла еще раз к старшим девочкам, надеясь, что Ася объявилась. Нет, Аси не было! Татьяна Филипповна опустилась на ее постель, сразу почувствовав неодолимую усталость.

Распахнутые окна выходят в парк. Верхушки лип почти заслоняют небо. Если привстать, увидишь вдалеке пруд, зеркально сияющий в яркую лунную ночь. Но Татьяна Филипповна не встает: нет сил.

С соседней кровати доносится сонное бормотание Кати. Девочка сбилась с ног, разыскивая Асю. Набегалась, наплакалась, спит. Все дети спят — ряды подушек, ряды детских голов. За день наработались и те, кто не попал в список уезжающих, кому придется провести лето в Москве, помогать Татьяне Филипповне готовить дом к началу учебного года. Все спят, словно солдаты после боя.

Однако усталость даже солдатам не мешает улыбаться во сне, тем более детям. Что же грезится будущим колонистам? Возможно, усадьба пана Щепановского, фруктовый сад, огород, полный сочной моркови, сладких, хрустящих стручков гороха. Пожалуй, кто-нибудь лакомится во сне парным молоком — ведь Черниговский исполком обещал детской колонии четырех панских коров...

Шурик не поедет в хлебородную губернию, останется здесь с матерью. Матери трудно без него. Никто не знает, как ей трудно. Из Сибири давно нет вестей, а ведь надо скрывать тоску от сотен пытливых глаз... Татьяна Филипповна взваливает на себя любую ношу, не дает себе ни минуты отдыха. Она и теперь вызвалась встать раньше всех и пешим порядком двинуться на Пятницкую, чтобы отыскать там дом, о котором только и осталось в памяти, что окошки, затянутые изморозью, да обледеневшее крыльцо, на котором растянулся укутанный по самые брови Шурик.

Еле поднявшись с постели, Татьяна Филипповна покинула дортуар, добралась до собственного ложа, не раздеваясь, повалилась на него и уснула.

Ася в это время не спала. Однако, чтобы понять, что же с ней произошло, надо вернуться к событиям прошедшего дня.

Весь день Ася трудилась не меньше других, даже, если хотите, больше. Ее выбрали старостой одной из артелей, занятых сборами в колонию, а коли ты староста,— носись по дому, спускайся то и дело в вестибюль, выполняй команду: «Уложи сюда! Отнеси туда!» Или: «Сбегай выясни насчет сенников!»

Кто мог подумать, что бывший латинист научится так распоряжаться? С тех пор, как он остриг свои космы и стал членом хозяйственной комиссии, он только и делает, что распоряжается.

Укладываться всегда весело, особенно в компании. Ксения перед завтраком обошла всех и сказала, что если ребята поведут себя организованно, сборы будут точь-в-точь коммунистический субботник. Дом имени Карла и Розы, коли он хочет быть достойным своего имени, должен подхватить почин рабочих — великий почин, по слову Ленина.

Ася старалась вести себя организованно. По дороге в парк — то к пруду, где артель Кати Аристовой начищала посуду, то к сараю, отданному столярной мастерской,— она ни разу не подскочила к сирени, ни одного цветка не понюхала. Неорганизованной она стала из-за Сил Моих Нету; та окликнула Асю, когда ей пришлось пробежать под лазаретными окнами:

— Аська!

— Некогда! Потом...

— Сказать секрет? Не хочешь — не надо.

Что значит «не надо»? Какой-то миг Ася по инерции продолжала свой бег, затем кинула на траву деревянные лопатки, изготовленные мастерской Каравашкина для младших колонистов, и подлетела к одному из раскрытых окон первого этажа.

— Как себя чувствуешь? — осведомилась Ася, не разрешая себе сразу проявить интерес к обещанному секрету. Вдобавок ей было неловко, что она, счастливица, едет завтра в колонию, а Нюша вынуждена остаться в Москве, да еще в лазарете.— Как здоровье?

— Здоровья не купишь! — последовал рассудительный ответ.

Да, Нюшины дела плохи. И сгубила ее не чахотка, не холера, не страшная, объявившаяся в годы войны испанка, а стригущий, или, как выговаривает сама Нюша, стригучий, лишай. Бедняга не подозревала, что у нее на макушке образовалась круглая лысинка; не подозревала и вот — перед самым отъездом в сытные края! — в присутствии доктора стянула с головы платок, чтобы отмахнуться от комаров. Не повезло Нюше... Надо же было, чтобы доктор шел именно по липовой аллее, вблизи которой девочки, постелив на траву одеяло, сражались в камешки!

Этот Яков Абрамович тоже хорош: свою макушку, небось, прикрыл платком с четырьмя узелками, а на чужие заглядывается!

— Тебя не узнать,— говорит Ася. Лазаретное начальство лишило Нюшу привычного в крапинку платка, и она сразу перестала походить на старушку. Своей худой мордочкой и торчащими ушками она скорее смахивает на мышонка. Ася скашивает глаза на смазанный йодом круглый лишай и вежливо осведомляется: — Скоро пройдет?

— Все в руках божьих,— степенно отвечает Нюша и вдруг расплывается в улыбке.— Яков сказал, быстро поставит меня на ноги. «Я,— говорит,— обязан, раз уж задержал тебя на свою голову».

— Чем поставит?

— Кислородом.—Бледные, слабые руки Нюши потянулись к окну, к зелени парка.— И сухарями.

Насчет сухарей верно. Их в поддержку детским домам Москвы собирали дети хлебородных губерний в знак пролетарской солидарности. Сухари прибыли в больших мешках — настоящие, без единого усика колючей шелухи, душистые, словно медовые пряники. На подоконнике перед Нюшей и сейчас лежал один из таких сухарей, обгрызенный с уголков.

— Подумаешь...— Ася приподняла свой локоть, на котором от ранки остался лишь синеватый след.— Когда меня ставили на ноги, я не хвалилась, что это секрет...

— Какой секрет? А-а, секрет... Это другое!

— Ну... Не тяни, Нюшка.

— Можно сделать открытие. Научное.

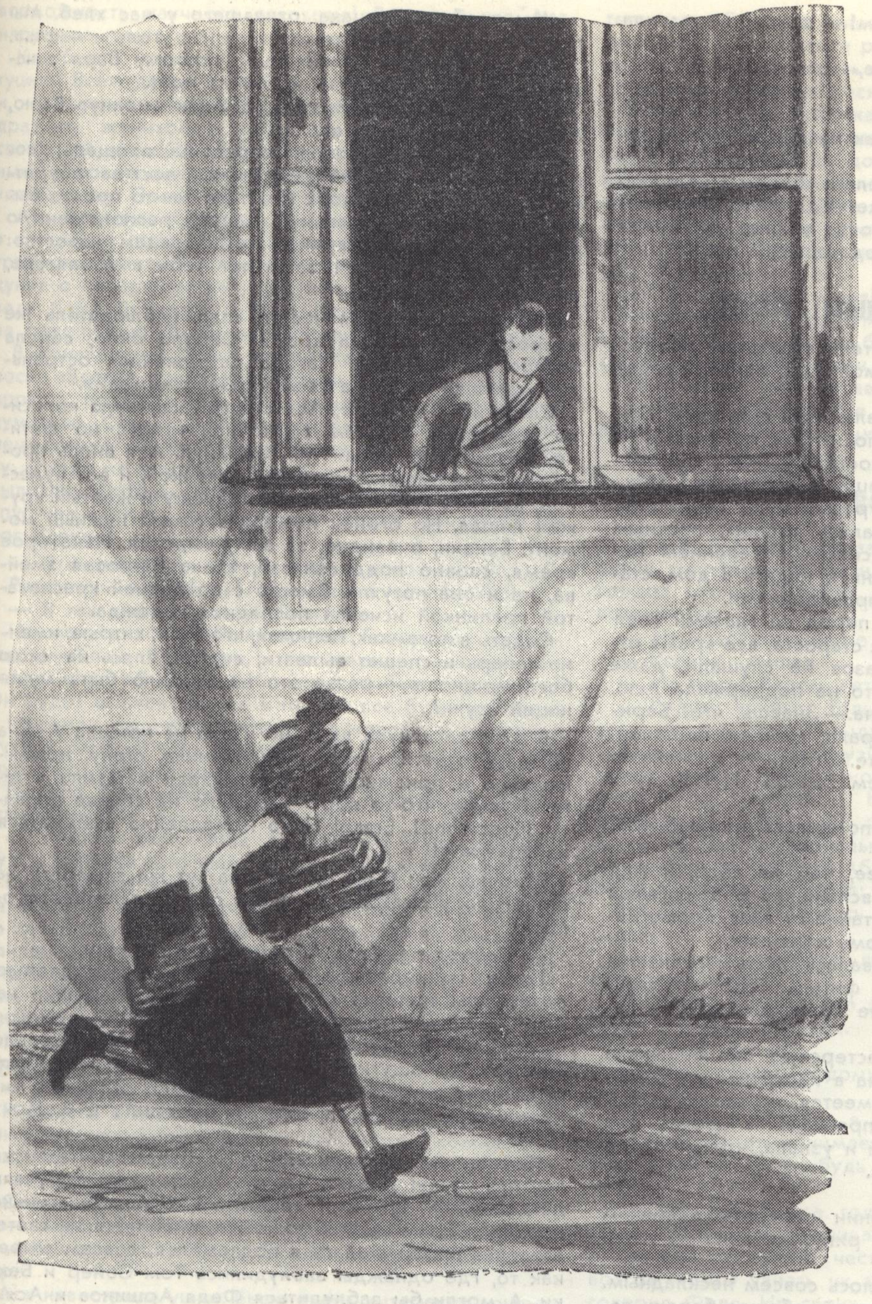
— Врешь!

— Клянусь! Ей-богу... Честное слово!

— Научное?

— Не упусти случай!

У Аси отнялись руки и ноги. Еще бы!.. Кто из вос-

Сил Моих Нету окликнула Асю, когда та пробегала под лазаретными окнами.

— Так какой же случай, Нюшка? — неожиданно охрипшим голосом произносит Ася. Она стоит уже не на земле, а на цоколе дома, впившись побелевшими пальцами в подоконник.

Нюша хитро улыбается.

— Девчонки от зависти лопнут! Я буду спать, ты открывать. Они же лезут во сне.

— Кто о н и?

Господи... Воши! Поняла? Они же происходят от голодухи, от недостатка питания. Я, например, ослабла, усну, а они из-под кожи...

— Из-под кожного покрова! — солидно поправляет Ася и вдруг спохватывается: — То есть как это лезут? Ее черные глаза выражают испуг, изумление, невероятный интерес. Голубые Нюшины глазки — тщеславие. Своим диковинным организмом Нюша гордится не меньше, чем способностью видеть вещие сны. Из-за того, что Асин отец был врачом, Нюша переносит на Асю долю своего уважения к этой профессии.

— Ты-то смекнешь... Слушай.

Ася слушает. Она с детства наслышана о микробах, о том, как ученые отыскали средство от оспы, от бешенства. Отец при ней не раз фантазировал по поводу будущих завоеваний медицины. Как же не обрадоваться возможности наблюдать на Нюшином диковинном организме зарождение вредных существ?! Зарождение тех, кого газеты называют бичом военного времени и разрухи!..

Как это сказал Нистратов? «Научное открытие появляется тогда, когда человечество испытывает в нем неотложную нужду». Разве Асина мама не умерла от тифа? Сейчас все скажут

питанников Дома имени Карла и Розы не мечтал о научном открытии?

Нистратов твердит на каждом занятии: «Нет большего счастья, как принести пользу народу своим вкладом в науку». И непременно приводит в пример Дарвина и Тимирязева.

Стать мучениками науки захотелось после рассказов про Галилея и Джордано Бруно. Каждому захотелось, каждый ждал, когда ему подвернется случай. Например, как Ньютону, которому, как только он решил открыть закон тяготения, упало в руки румяное, сладкое яблоко...

спасибо Асе. И красноармейцы в окопах и медицинский персонал, которому не хватает шелкового белья.

Следом за столь благородными мыслями подкрадывается и лукавая. Ах, как хочется Асе доказать кое-кому, не оценившему ее стихов, что она, Ася, сильна, если не в поэзии, то в науке!..

Сил Моих Нету продолжала:

— Пыльная дама протирает меня эфиром, а я нарочно, чтобы Яков Абрамович услышал: «Все равно вылезут! Мне от них не спастись. Они у меня под кожей...»

— Под кожным покровом! — вновь поправила Ася.— А он? Яков Абрамыч?

— «Поразительное открытие,— отвечает.— В медицине нигде не описано».

— Так и сказал?

— Не веришь — не надо. Как хочешь... Будешь зевать, доктор и сам откроет.

Мудрено ли, что Ася охладела к сборам в колонию и воспылала страстью к науке? Сил Моих Нету поклялась уснуть немедленно после ужина, чтобы Ася могла засветло занять наблюдательный пост.

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПОСТ

На пути каждого исследователя возникают препятствия и преграды—таков неумолимый, или, как говорится, железный, закон.

Почему-то именно ту артель, где старостой была Ася, сразу после ужина послали в парк снимать с кустов проветривавшееся постельное белье. Перезимовав в нетопленном дворце, оно отдавало затхлостью и лишь теперь, прогревшись на солнышке, посвежело. Девочки восхищались тонким, плотным полотном и, пренебрегая Асиным повелением немедленно складывать простыни и тащить в дом, стали кутаться в них, рядиться привидениями.

Ася не могла не злиться: перед ее глазами алел западный край неба. Она, как староста, все время отдавала приказы, а ее приказов не слушали, даже Татьяна Филипповна почему-то не поддержала Асю.

— Успокойся! — сказала она.— Знаешь, что? Берика простыни, те, что я отобрала, видишь, широченные? Из каждой получится две. Отнеси их в швейную мастерскую и занимайся, чем хочешь. Ну? Кому я разрешила уйти?

Схватив стопку белья, Ася помчалась, не разбирая, где канавка, где куст.

В здании оказалось темнее, чем на воле, и Ася совсем было приуныла, да вспомнила о зажигалке. Подарок Андрея хранился в тайне от всех, кроме Кати, на дне принесенной из дому корзинки.

Зажигалкой Ася не пользовалась. Жить с огоньком не значило без толку жечь фитиль. Зато сегодня... Ради науки... Сегодня Ася не пожалеет никаких сокровищ!

По дороге в швейную мастерскую она забежала в дортуар, отыскала и сунула в кармашек сарафана заветную зажигалку. И, разумеется, тут же на ее пути возникли препятствия и преграды: в дверях Ася столкнулась с Тусей и Дусей и узнала, что внизу, во дворе, ее дожидается Варя.

— О господи!

Не догадавшись в смятении передать девочкам злополучные простыни, Ася ринулась вниз по лестнице.

Прощание с Варей получилось совсем нескладным. Ася механически кивала головой, обещая беречь себя в колонии, не заболеть, не утонуть, писать Варе письма, но сама не сказала ни одного ласкового слова, вообще ничего толком не сказала. Ее волновало одно: солнце упорно сползает за крыши домов.

Ася решительно заявила, что ей ужас как некогда. Варя ответила, что ей тоже некогда, что она собирается на митинг.

Теперь везде митинги, все газеты клянут Деникина, генерала-вешателя, готовится новая мобилизация коммунистов. Ася знает, что Шурик недавно спросил у Феди, не думает ли он, конечно, потихоньку от Ксении, собрать для серьезной беседы самых храбрых мальчишек? Федя промолчал, а утром на обратной стороне картона с египетскими рисунками вывел для всеобщего обозрения:

«Мы разбили Колчака, отнявшего у нас хлеб. Мы разобьем Деникина, отнявшего у нас уголь и нефть».

Андрей бьется с Деникиным, поэтому Варя зачастила на митинги. Пусть и сейчас идет.

Поспешно распрощавшись, кое-как чмокнув Варю, Ася убежала в лазарет.

Вряд ли Варя успела пересечь площадь, когда Ася уже заняла наблюдательный пост на табуретке у изголовья Сил Моих Нету. Не так-то просто было пробраться в маленькую палату, расположенную рядом с приемной врача. Детдомовцам известно: если Яков Абрамович застигнет тебя в изоляторе, прощайся с жизнью.

Объект наблюдения честно спал, наблюдатель же непростительно терял время. Серело окно, серела лазаретная подушка. Наголо остриженная остренькая макушка утратила свои четкие очертания.

Сдерживая дыхание, Ася с силой крутнула колесико зажигалки. Пучком выскочили искры, но фитилек — жгутик из ваты — не вспыхнул. Ася вновь прошлась по кремешку железной насечкой, и вот чудесное, веселое пламя осветило подушку и желтый кружок лишая. Но огонек померк в самый нужный момент. Бензин, очевидно, за зиму выдохся. Некоторое время, словно поддразнивая, тлела багровая змейка, но и она потухла. Вместе с последней красноватой крапинкой исчезла последняя надежда.

Сидеть в потемках, понимая, что о н и, хитрые, именно теперь и спешат вылезти; сидеть, злясь на свою беспомощность,— разве это не значило быть мученицей науки?..

В окно заглянула луна, но и она не пришла Асе на помощь, осветила часть подоконника, стену, примыкающую к приемной, а обе постели оставила в тени. Правда, что-то вдруг забелело на спинке кровати. Простыни?!. Боже! Надо немедленно выбираться из лазарета!

Вскочив, Ася была вынуждена тут же замереть. За стеной, голубоватой от лунного света, послышался голос:

— Проходите, Яков Абрамович, я посвечу.

Голос принадлежал пыльной даме; под дверью скользнула полоска света: как видно, старушка не решилась пуститься в путь без зажженной лучинки, получившей в детском доме громкое наименование факела. Ася ощутила жгучую зависть: ей бы в руки пылающий факел! Ей бы огонь, свет! Хоть на минуту, чтобы узнать, правду ли говорила Сил Моих Нету.

Факелы — тоже величайшее изобретение. Казалось бы, что толку? Дымят, чадят... Но как они выручали детдомовцев зимними вечерами! Ужин частенько проходил при их колеблющемся, таинственном свете, столовая превращалась в подземелье, совсем такое, как то, где однажды заблудились Том Сойер и Бекки. А могли бы заблудиться Федя Аршинов и Ася...

За стеной шел спор, как бы поумнее поделить между отъезжающими и остающимися скудный запас драгоценного зеленого мыла. Потом доктор произнес:

— Нет, я побуду здесь, у себя. Покойной ночи.

Покойной ночи? Что он, здесь до утра застрянет?!.

Яков Абрамович шагал из угла в угол. Асино возбуждение улеглось, поползли невеселые мысли. Взбучки ей все-таки не избежать. Шесть, нет двенадцать простыней надо было подрубить сегодня до ночи. Влетит Асе, влетит... Особенно от Ксении. Ей еще почудится, будто Ася нарочно сорвала субботник; выдумает, что она на всякий почин коммунистов смотрит сквозь «сито прошлого»...

А как разобидится Катя, от которой Ася утаила

возможность научного открытия! Выходит, что Ася нарушила пункт о товариществе и дружбе.

Как будто, кроме Аси, никто не нарушает конституцию! Всем детским домом постановили не драться и не выражаться; не давать обидных прозвищ; не дразнить женихом и невестой; не называть воблу советской курицей (буржуям это кажется остроумным, а советским детям не кажется); не говорить «пошамать». Постановили, а нарушают...

Ася сама вырабатывала конституцию; ее включили в комиссию потому, что для выработки конституции требуется фантазия. Ася от всей души голосовала за пункт о товариществе и дружбе, все голосовали — ведь Карл Либкнехт и Роза Люксембург, погибшие за революцию, были замечательными товарищами!

В конституции Дома имени Карла и Розы значилось: «Всегда поступать честно». Ася прилегла на кровать, поджала под себя озябшие босые ноги и задумалась. Самым честным в ее положении было немедленно постучаться к врачу, доверить ему тайну и, если не упущено время, если о н и не все еще вылезли, сообща сделать открытие. Ася решительно спустила ноги на пол и вдруг... Вдруг прозвучал голос Ксении:

— Я видела свет в вашем окне и вот зашла...

Радостный тон Якова Абрамовича напугал Асю.

— Я так ждал... милая! Спасибо...

Неужели девчонки были правы?! Говорили, что доктор влюблен. Говорили, что перед разлукой он непременно объяснится Ксении в любви. Что же это? Он будет объясняться, а в палате все будет слышно?

Неужели он сейчас упадет на колени и попросит руку и сердце? Она протянет руку... А сердце? Как поступают с сердцем?

Однако Асю успокаивает голос Ксении. Он очень строгий:

— У меня дело, Яков Абрамович! Надо вычеркнуть из списка одну фамилию, решить, кем заменить...

Врач детского дома с месяц назад получил отпечатанное на наркомпросовском шапирографе письмо за подписью Елизаровой. Анна Ильинична Ульянова-Елизарова с первых шагов революции возглавляла Отдел охраны детства. Этот отдел просил врачебный персонал столицы отобрать для посылки в колонию детей, наиболее в этом нуждающихся.

Произведя тщательный медосмотр, доктор лишь руками развел:

— Наиболее нуждающиеся, я бы сказал, все.

И вместе с Ксенией принялся вычеркивать и вновь вписывать фамилии будущих колонистов, сожалея о том, что в бывшие покои панского семейства нельзя втиснуть более ста коек.

Сейчас Ксения повторяет:

— Надо вычеркнуть из списка одну фамилию.

— Вычеркнуть? Кого вычеркнуть?— удивляется доктор.

Ася навострила ушки. Было очень интересно узнать, кого и за какие грехи собираются не пустить в колонию.

— Овчинникову,— объявила Ксения.

— Асю? А что случилось?

— Неизвестно. Или проявление анархизма, или еще хуже...

Из дальнейшего разговора Ася узнала, что она, Овчинникова, не случайно в прошлом соприкасалась с Сухаревкой; что сегодня из детского дома исчезло ценное государственное имущество, а перед этим Ася соприкасалась с одной личностью, не успевшей перевариться в фабричном котле и водившей Асю в свое время на толкучку. Кстати, тоже для сбыта государственного имущества.

Не в характере Аси было молчать при таких обстоятельствах. Девочка вскочила, схватила в охапку злополучное имущество и ринулась к двери. Но дрожащие руки отказывались слушаться. Гладкие, накрахмаленные простыни соскользнули на пол.

Пока Ася на корточках собирала их, разговор за стеной круто изменил направление. Ксения почему-то легко согласилась с доктором, что беспокоиться насчет Аси преждевременно, что скорее всего тут обычная шалость; даже не запротестовала, когда он сказал, что девочка сделана из хорошего материала. Затем Ксения совсем иным, каким-то робким голосом спросила:

— Так вы ждали меня?

Нисколечко она не думала об Асе! По голосу можно было понять: ей все безразлично, кроме того, что ответит Яков Абрамович.

Он ответил тихо, но явственно:

— Ждал... Выслушайте меня на прощание... Вы можете меня презирать, милая Ксения, но я вас люблю!

НАВСЕГДА

«Я вас люблю»,— сказал Яков Абрамович. Ася не знала, опустился ли он на колени, но насчет руки и сердца молчал. Может быть, оттого, что Ксения вскрикнула:

— Не надо! Больше не говорите! Я уйду.

— Ксения... Милая...

— Не надо! Рядом дети...

— Рядом никого. Только Нюша, первая соня во всем доме и первая выдумщица.

Асе очень хотелось узнать, почему доктор назвал Нюшу выдумщицей, но доктор говорил Ксении совсем о другом. Ксения стала испуганно доказывать, что в стенах детского учреждения не место взрослым чувствам, что авторитет важнее всего. Но Яков Абрамович вроде и не слушал ее и радостно повторял: «Милая Ксения... Милая!..»

Ксения не соглашалась быть милой, она стояла на своем:

— Нет, нет... Ничего личного! Мы с вами представители нового.

— Вот и хорошо! Это же главное, что мы не чужие! Объявим осенью..

— Кому? Детям?

— Всему нашему дому. Так и скажем: на всю жизнь. А?

— Ни за что! Тогда я и вовсе с ними не справлюсь. Авторитет, понимаете? Вы только представьте, вдруг сейчас кто-нибудь из ребят нас подслушивает...

Подслушивает? Асе только теперь пришло в голову, что она подслушивает — она, которая старается всегда поступать честно! Можно подслушивать врагов, чтобы узнать их тайные замыслы,— об этом говорил Федя. Но своих...

— Ксения... Скажите одно слово...

— Все сказано,— перебивает Ксения.— Я пойду.

— Ну что ж... Спасибо, что зашли попрощаться.

— Прощайте... не скучайте летом... То есть скучайте.— Прежде чем захлопнуть за собой дверь, Ксения выпаливает:

— И я буду...

Убежала! Должно быть, Яков Абрамович улыбается в темноте. Ася тоже не в силах сдержать улыбку. Правильно говорила Катя: «Ксения только делает вид, что она сердитая». И для чего это взрослым нужен авторитет?

Доктор не уходит из лазарета, шагает из угла в угол. Что делать Асе? Уснуть... Сунуть под щеку стопку простынь и закрыть глаза. Ну и ночка!

В эту ночь Ксении не спалось. Чуть рассвело, она покинула свою комнату, поклявшись немедленно выполнить тысячу дел (почему-то ей всегда казалось, что их именно тысяча!). Прежде всего надо заглянуть в вестибюль.

За последние дни вестибюль густо пропах рогожей. Ночью скарб отъезжающих находился под охраной двух сторожей — руководителя столярной мастерской и Феди. Федя к утру задремал на мягком, стянутом веревками тюке, но Каравашкин был бодр, и под его густыми усами Ксении почудилась подозрительная улыбка.

Неужели он догадался, что в самый канун отъезда Ксения позволила себе думать о личном? Не об общественном, а о личном!

Энергичным голосом, гулко прокатившимся под сводами вестибюля, Ксения сказала:

Ася выводит на простыне: «Ухожу навсегда. Ася».

— Я ищу Овчинникову. Нет ее?

Каравашкин укоризненно указал на дремлющего Федю и ответил шепотом:

— Не слыхать, чтобы нашлась... Пожалуй, пора постучать к Дедусенко. Пойдет на розыски.

— Я постучу.

Могла ли Ксения думать, что тут же, за поворотом коридора, столкнется с Асей, что та в испуге шарахнется в сторону и бросится наутек?

...Бесцеремонное раннее солнце разбудило Асю. Открыв глаза, она убедилась, что первая выдумщица блаженно спит, что гладко остриженная голова, усердно протертая эфиром, чиста, если не сказать стерильна.

Первою мыслью Аси была мысль о том, в какой мере детдомовцы позволят себе нарушить пункт конституции, обязывающий «не дразниться и не обзываться». Утаивать причину и место ночевки ей было не по нутру. Ася презирала врунишек и собиралась выложить все начистоту. Пусть обзывают мученицей науки или того обидней...

Хотя... Что значит «начистоту»? А Ксения, а ее тайна? Бывает святая ложь? Бывает! Ради себя? Нет, ради других.

Никогда никому (может быть, только Кате, умеющей хранить тайны) Ася не проболтается, где провела ночь. Никогда! Яков Абрамович с Ксенией могут быть спокойны: их не подслушивали. Если что случайно услышано, то забыто... Сейчас, пока еще все спят, Ася проберется в дортуар и уляжется как ни в чем не бывало.

Приняв решение, девочка сложила скомканные простыни и босая, на цыпочках вышла из изолятора. Час был ранний, все шло благополучно, и вдруг за поворотом коридора... Ксения! Ксения, которой никак нельзя было знать, что Ася провела ночь в изоляторе. Ася шарахнулась и бросилась наутек.

Никто из взрослых не сумел бы догнать Асю. Но Ксения бегала не хуже любой девчонки; она настигла беглянку и, переведя дыхание, спросила:

— Откуда? Говори, где ты была?

— Нигде...— растерялась Ася.

— Не хочешь сказать?

— Не скажу! Я не обманщица, но я ничего не скажу!—произнесла Ася. Ей вспомнились слова великого Бетховена, которые любил приводить Нистратов: «Тот, кто поступает достойно и благородно, тем самым обретает в себе силу переносить несчастья».— Не скажу!— повторила Ася и выпрямилась, встала так, как, по ее представлению, должен был стоять Джордано Бруно, сжигаемый на костре.

Однако и Ксения умела быть непреклонной.

— Немедленно объясни!— требует она.

Тем временем Ася пытается незаметно большим пальцем ноги пододвинуть к себе зажигалку, которая, вероятно, выскочила из кармашка, когда Ксения дернула за простыни. Ася подозревает, что сейчас, в гневе, Ксения способна отобрать и подарок Андрея.

И верно, заметив тайные усилия Аси, Ксения ловко овладела зажигалкой.

— Так... Сухаревская штучка! Продукт спекуляции и обмена.

Ася могла бы объяснить, откуда у нее взялся столь презренный продукт, но обида лишила ее дара речи. С Асей так постоянно! Решила поступить достойно и благородно, а приходится чуть не в драку лезть. Вчера, можно сказать, совсем растаяла, глядя, как радостно Ксения собирает ребят в колонию, а сегодня и глядеть на нее не желает. Ася даже мечтала стать похожей на Ксению. Но с этим кончено. Очень надо подражать такой придире! И, главное, хватает чужие зажигалки...

— Отдайте! Не имеете права! Я отнесу ее Варе.

— Шашкиной?— Ксения пожала плечами.— Понятно! Кому, как не Шашкиной?

— Отдайте!— Ася вырвала из рук Ксении зажигалку.

Бедная Варька, обиженная вчера Асей! Бедная... Ей-то никто не шепчет: «Милая, милая Варенька!»,— никто не просит перед разлукой: «Выслушайте меня...»

— Все ей снесу!

— Все? И простыни?

— Чего? Нате их! Отдайте Татьяне Филипповне. Скажите, к отъезду вернусь...

Ася запнулась, вспомнив, что Ксения предложила выкинуть ее из списка отъезжающих, но сейчас и заикнуться об этом нельзя, ведь Ася это подслушала. Однако Ксения сама сказала:

— Ну, знаешь... С отъездом еще подумаем. Нуждающихся хватает, а в чужом месте особенно важна чистота коллектива!

Ася больше не стояла с гордо поднятой головой. Она обмерла при мысли, что Ксения соберет после завтрака детдомовцев, и гудящее, взволнованное собрание потребует от Аси объяснений. А что она скажет? Правду нельзя, врать не станешь...

И начнут говорить об Асе, как о Люсе Бородкиной. Когда Люську исключали, тоже говорили о чистоте коллектива...

Ксения деловито пересчитала простыни.

— Уже? Успела сплавить?!. Где шестая?

«Где?— ужаснулась Ася.— В лазарете, наверно!»— и пробормотала:

— Нет простыни... и искать негде.

— Ах так! Ступай немедленно в дортуар! К Шашкиной и не думай... Запрещаю! — Голос Ксении дрожит от обиды.— Вот попробуй, перевоспитай таких...

Ася поднялась на третий этаж и тихонько спустилась обратно. Надо было проскользнуть в лазарет, а затем швырнуть Ксении эту дурацкую буржуйскую простыню.

Простыня белела на полу у входа в лазарет. Схватив ее, Ася помчалась по коридору мимо опечатанной домовой церкви, мимо кухни, откуда уже доносился съестной дух.

Что это? Ксения в кухне! О чем она там секретничает с Лукерьей?

— Будьте начеку! — говорит Ксения.— Ребята без еды погибнут в дороге. Белье-то мы проворонили.

— Белье?— вскрикивает стряпуха.— Украли?!

Сразу обессилев, Ася прислоняется к стене.

Конец! И не возразишь и не докажешь!.. Сама только что сказала: «Нет простыни. Негде искать». Бывают же в жизни безвыходные положения...

Что теперь делать? Бежать! Оставить простыню на самом видном месте и бежать. Когда-нибудь Ксения раскается.

Ася тихо крадется по коридору. Вот и вестибюль. Каравашкин стоит у окна, спиной к Асе. Федя безмятежно спит на большом неуклюжем тюке. Ася с грустью глядит на светловолосую, всклокоченную голову, удивляясь тому, каким добрым, притихшим может выглядеть Федя...

Неподалеку в углу Ася замечает коричневатый мелок, каким вчера нумеровали ящики и тюки. Отлично! Она кладет на тюк сложенную в несколько раз простыню и выводит на ней:

«Ухожу навсегда. Ася».

Федя прочтет первым, затем прибежит Катя. Неужели и для них Ася станет обманщицей, как Люська, как «добрая фея»?

Прощай, детский дом! Сейчас Ася шмыгнет в дверь, выходящую в парк, оттуда калиткой выйдет в заросший травой переулок. Прощайте... Ася уходит. Уходит совсем. Навсегда!

(Окончание в следующем номере).

М. ЗВЕРЕВ

Рисунки В. Трофимова.

Следы на отмели

Стайка диких гусей отдыхала на краю песчаной отмели неоглядно разлившейся реки. В этот яркий весенний вечер солнце село за далекими островами, озарив небо багровыми красками. Над серединой реки неслись табунки перелетных уток. С криками протянулись на ночлег чайки и, словно белыми хлопьями снега, усыпали длинную песчаную косу ближнего острова. Над лугами кричали и кувыркались чибисы, мелькая то белыми брюшками, то черными спинками. Высоко в воздухе дребезжали кулики-бекасы, и, конечно, где-то далеко на лугах прокричали журавли, эти весенние «горнисты» утренних и вечерних зорь.

В поздних сумерках постепенно смолкали голоса птиц, и все громче делался шум полноводной реки и шуршащий звон последних мелких льдинок.

Прошло несколько часов. Время близилось к полуночи. Гуси спокойно спали, лежа на песке отмели. Только старый гусак стоял на одной ноге, то и дело вытягивая шею, озираясь и опять впадая в дремоту.

Черное ночное небо было усыпано звездами. Но вот две звездочки тусклыми зеленоватыми огоньками блеснули и погасли на темном фоне берега. Гусак сразу заметил их и настороженно вытянул шею. Сна как не бывало. Старая птица, не мигая, вглядывалась в темноту то одним глазом, то другим. Но со стороны берега не доносилось ни звука. Гусак успокоился, и вскоре дремота опять начала овладевать им.

И вдруг снова, теперь значительно ближе, заблестели две зеленые звездочки, совсем не такие, как на небе.

— Гонг! — прозвучал предостерегающий голос. Вся стая в одно мгновение проснулась и насторожилась.

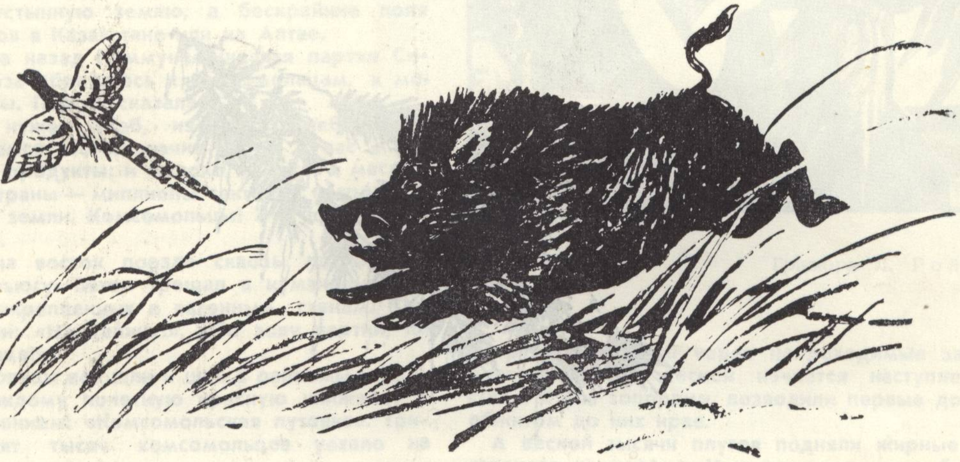
— Га-га -га -га... — разнесся в тишине ночи испуганный голос гусака, когда два зеленых огонька быстро понеслись прямо на гусей.

Но стайка дружно взлетела, а на месте их ночлега завертелась и запрыгала лиса. Она опоздала на несколько прыжков. Далеко над рекой в темноте замирали испуганные крики гусей...

Все это мне удалось представить себе, когда утром я наткнулся на следы лисы, ползшей по песку. Конечно, я свернул, чтобы посмотреть, к кому это она подкрадывалась ночью.

Вскоре я дошел до того места, откуда лиса вдруг бешеными прыжками понеслась к воде. Вот на самом берегу видно, как она затормозила всеми четырьмя лапами, взрыв песок там, где были следы ночевки гусей. Но ни перьев, ни крови на песке не было. Значит, лиса не поймала ни одного гуся. Бдительность старого гусака спасла их.

В нескольких шагах от этих следов резко отпечатался на песке глубокий след одной крупной гусиной лапы. Это здесь стоял ночью на одной ноге старый тяжелый гусак, прикрывая стаю со стороны берега — оттуда только и могла грозить опасность ночью.

Лето среди зимы

Зимний день в горах Джунгарского Ала-Тау. Декабрь. Но снега все еще нет. Кругом все совсем как осенью, и даже солнце греет в полдень так, что у городского жителя кожа сразу покрывается загаром.

Горные козлы завлекли меня далеко от места стоянки нашей экспедиции, а подобраться к ним на выстрел я так и не смог. После полудня захотелось пить. Но кругом были голые скалы. Я сосал пуговицу, камешки, старался не думать о воде, но жажда одолевала все сильней.

Вдруг ветерок донес далекий крик лягушек. Какие же лягушки могут квакать в декабре, когда температура опускается по ночам до минус пятнадцати градусов?!

Однако порыв ветра опять донес кваканье. Оно слышалось где-то совсем близко за невысоким, но крутым перевалом.

На четвереньках я преодолел крутой перевал и увидел внизу широкое ущелье, заросшее тростником. Теперь необычный среди зимы хор лягушек был хорошо слышен. Быстро сбежав вниз, я увидел за первым же поворотом ущелья родник. Он бурно бил из-под большого камня. Над родником клубился пар. Вода была горячая.

Вокруг родника зеленела яркая трава. В заливчике с теплой водой кружились водяные насекомые — блестящие вертячки. На длинных ножках бегали по воде водомерки. Кулик — горный дупель — фыркнул прямо у меня под ногами и улетел вниз по ручью. Вероятно, даже в самые сильные морозы температура воды здесь была высокой.

Я напился и долго отдыхал в этом «летнем уголке» среди зимы. Вдруг невдалеке раздалось цоканье фазана. Значит, они водятся в

этих тростниковых зарослях и на них можно будет поохотиться, уж если не повезло с горными козлами.

Фазан цокал где-то в конце узкого мыска. Я только хотел встать, как до меня долетело похрустывание сухого тростника. Кто-то осторожно пробирался в зарослях.

Фазан не мог не слышать треска, но не улетал. Я достал бинокль и увидел, что вершинки тростника шевелятся совсем недалеко от фазана, а он все цокает и не убегает. Впрочем, бежать ему было некуда: он был на конце мыска, и какой-то хищник отрезал ему путь к отступлению.

Вот уже в десяти — пятнадцати метрах от фазана шевелится тростник.

Вдруг громкий треск — и огромный кабан-секач стремительно бросается на беспечного фазана!

Но петух успел взлететь с отчаянным криком и хлопаньем, а «охотник» мгновенно повернулся и исчез в гуще зарослей.

Все это произошло так неожиданно и молниеносно, что я не успел выстрелить. Нет, мне сегодня положительно не везло как охотнику, но зато я видел кусочек лета в декабре и такой случай из жизни животных, который и для науки интересен.

ПЕРВАЯ ЛИСТВА

Анатолий ЛЕВУШКИН

Продрогший лес пока
необычайно редок.
Белеют облака
сквозь паутину веток.

Спит тихая листва,
спеленатая в почки.
Но
    май вступил в права
и не дает отсрочки!

Крадется поутру
по рощам робкий шорох:
сегодня листья рвут
узлы смолистых створок.

И пусть едва видна,
пробилась еле-еле,—
по-вешнему сильна
проснувшаяся зелень.

Верни ее, сумей,
в каморки почек тесных —
нет, разгораться ей
во всех лесах окрестных!

Ей солнце вдосталь пить,
сверкать росой рассветной
и небо заслонить
шатром листвы несметной.

КОМСОМОЛЬСКАЯ СЛАВА

С каждым годом в нашу жизнь приходит много нового.

В толковом словаре Даля значится: «Целина — земля, вовсе никогда не паханная или уже задернелая, заковылевшая (то есть поросшая степными травами)... непашь, залог, перелог...»

Великий собиратель русского языка Даль объяснил слово «целина» правильно. Но ты, школьник, пионер 1958 года, услышав это слово, представляешь не пустынную землю, а бескрайние поля высоких хлебов в Казахстане или на Алтае.

Четыре года назад Коммунистическая партия Советского Союза обратилась к комсомольцам, к молодежи страны. Партия сказала:

— Стране нужен хлеб, изобилие хлеба. Если быстро добьемся этого, значит, будут у нас в достатке любые продукты: и молоко, и мясо, и масло... На востоке страны — миллионы гектаров нетронутой плодородной земли. Комсомольцы! Эта земля ждет вашего труда.

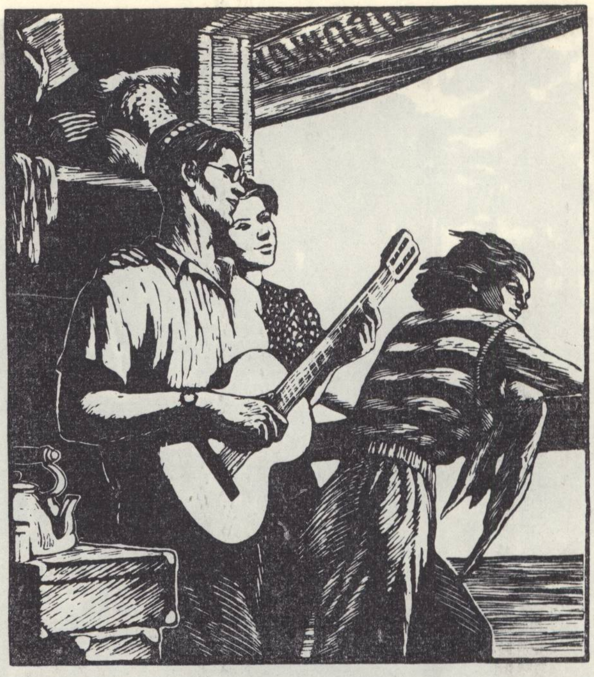
И пошли на восток поезда сквозь последнюю мартовскую вьюгу. Ветер трещал в кумачовых полотнищах, прикрепленных к вагонным стенам. Полотнища звали: «На целину!», «По зову партии, по велению сердца!»

...А добровольцы все шли и шли в райкомы и просили дать каждому почетную красную книжечку с золотым тиснением: «Комсомольская путевка». Триста пятьдесят тысяч комсомольцев уехало на целину.

Они ставили во вьюжной степи палатки и называли свои городки из палаток родными именами: «Ленинградский», «Одесский», «Херсонский»... Они тащили на руках тракторы через непроходимые заносы к местам, откуда весной начнется наступление на степь. Стуча топорами, возводили первые дома в необжитом до них крае.

А весной тысячи плугов подняли жирные пласты степного чернозема. И целина перестала быть «непашью».

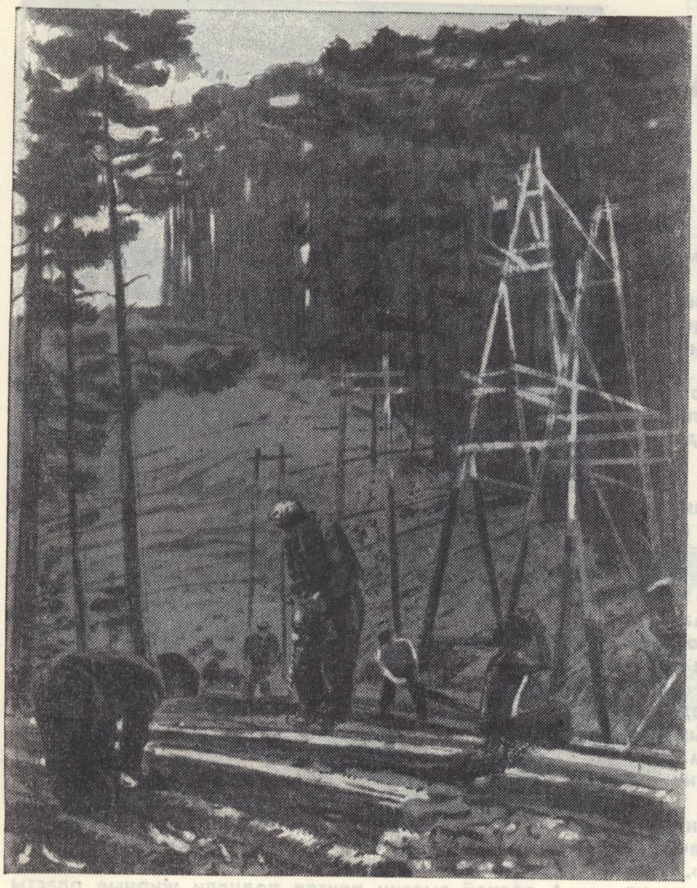
За этот подвиг комсомол награжден орденом Ленина.

В дальние края... Гравюра Л. Ройтера.

Первое зерно. Гравюра Л. Ройтера.

Тайга отступает. Литография М. Ройтера и С. Снаткина.

Знаешь ли ты, что за четыре года страна получила 36 миллионов гектаров новых хлебных полей! Тридцать шесть миллионов гектаров — это территория в полтора раза больше Белоруссии.

Четыре года назад у Падунских порогов была непроходимая тайга. Одни таежные звери видели и слышали, как бушует здесь Ангара, как с грохотом ворочает река огромные камни.

Пришли к Падуну люди. Первыми на Ангарстрое были пятьсот коммунистов и тысяча комсомольцев Иркутска. Вслед за ними приехали к порогам строители со всех концов страны. Посмотри-ка теперь на карту. На берегу Ангары стоит новый город—Братск.

Нет в стране такого уголка, где бы комсомольцы не поработали на славу.

Много лет назад, в начале первой пятилетки, у подножия горы Магнитной на Урале вырос металлургический завод. «Наша Магнитка» — так ласково называли в стране эту легендарную стройку. Она была гордостью комсомольцев тридцатых годов. Дети героев «Магнитки» строят теперь новый комбинат в Казахстане. Здесь открыты богатейшие месторождения каменного угля и железных руд. В Казахской степи появились шахты и новые города, Темир-Тау, Сарань, Шерубай-Нура, поселки Топар, Атасуский. В память о славных делах отцов новоселы называют стройку «Казахстанская Магнитка».

В теплом городе Орджоникидзе, где так ярко солнце, так пышна листва на деревьях, учились в 10-м классе «Г» 6-й школы тридцать два комсомольца. Пришла весна 1956 года. Десятиклассники сдали выпускные экзамены и всем классом выбрали одну, хоть и трудную, но хорошую дорогу в жизнь. Весь класс, тридцать два человека, вместе с их любимым учителем Владимиром Харитоновичем Хадаевым поехал на одну из строек Сибири. Родине нужны строители. И они стали строителями.

В прошлом году сотни юношей и девушек поехали из городов Украины в Донбасс строить шахты. А теперь идут по стране поезда, груженные углем, добытым в шахтах «Киевская-Комсомольская», «Донецкая-Комсомольская», «Закарпатская-Комсомольская». Идут составы с нефтью из Татарии и «Северного Баку» — Ухты, с никелем — из рудников Норильска. На юге, на севере и на востоке страны комсомольцы добывают богатства из земных недр.

Большие дела творятся не только в дальних краях. Иногда они ждут тебя у порога родного дома.

В последние годы в колхозах и совхозах ощущался недостаток в рабочих руках. Не хватало животноводов — доярок, свинарок, птичниц,— потому что колхозные и совхозные стада во много раз увеличились.

И вот в животноводство пошли работать из сельских школ комсомольцы-десятиклассники. Сейчас в стране сотни комсомольских ферм.

Знаете, как это хорошо, что в хозяйстве работают грамотные, образованные люди, любящие книгу, интересующиеся новостями науки! А ведь многие из сегодняшних доярок и свинарок учатся в вечерних и заочных техникумах и сельскохозяйственных институтах. Недаром молодые колхозники быстро добились хороших успехов. Они выращивают «чудесницу-кукурузу», чтобы вдоволь было корма для скота.

А вот еще одно замечательное комсомольское дело—«Копилка». Это, конечно, не какая-нибудь банка с щелью для монет. «Комсомольская копилка» — это экзамен на умение хозяйствовать. Экзамен на умение с пользой расходовать материал, беречь народное добро, экономить труд, рабочее время.

На одном радиозаводе слесарь-комсомолец изобрел приспособление — маленький станок для изготовления провода. Этот станочек заменяет одиннадцать работниц. Каждый радиоприемник стал обходиться государству дешевле на один рубль. А ведь радиоприемников изготовляют множество!

Автомобилестроители из Горького за несколько месяцев сэкономили столько железа, меди и никеля, что этого металла хватило на целую тысячу грузовиков.

И пионеры тоже внесли в «Копилку» свой вклад: они собирали металлический лом. Лом пошел в переплавку. Страна получила тысячи тонн металла для станков, для машин.

Только за шесть месяцев прошлого года в «Копилке» собралось три миллиарда рублей.

Много замечательных дел совершили комсомольцы за четыре года, которые прошли после XII съезда. А сейчас в Москве начинает работать очередной, XIII съезд ВЛКСМ.

Из разных республик, из разных краев страны приехали в Москву строители новых городов, победители целины, юные хозяева жизни. Они расскажут о своих трудовых победах и обсудят планы новых хороших дел.

Это твои помощники, это твоя смена, комсомол!

ТАШКЕНТ—ЛЕНИНГРАД

В клубах пара несется железнодорожный состав. Почти на каждом из шестидесяти восьми вагонов алое полотнище со словами: «Белое золото от солнечного Узбекистана — героическому Ленинграду».

Это пионеры многих и многих дружин республики своими руками вырастили и собрали столько хлопка. Первым в этом хорошем деле было пионерское звено Манзура Ташмухамедова из школы № 15 Янги-Юльского района Ташкентской области. Не захотели от них отстать и ребята из 21-й школы Вуадильского района Ферганской области. Они пошли в правление колхоза «Москва» и попросили участок земли. Им дали целых три гектара. А опытный хлопкороб Герой Социалистического Труда Хатам Нишанов согласился руководить пионерской бригадой. Со своего участка ребята собрали больше ста центнеров отличного волокна.

По всей республике кипела работа. А осенью подводились итоги. Звено Манзура собрало сорок семь центнеров со своего гектара, ученики школы № 7 Букинского района сняли хороший урожай с двадцати гектаров.

От пионеров старались не отстать и октябрята.

Богатый урожай с двадцати гектаров сняли эти ребята.

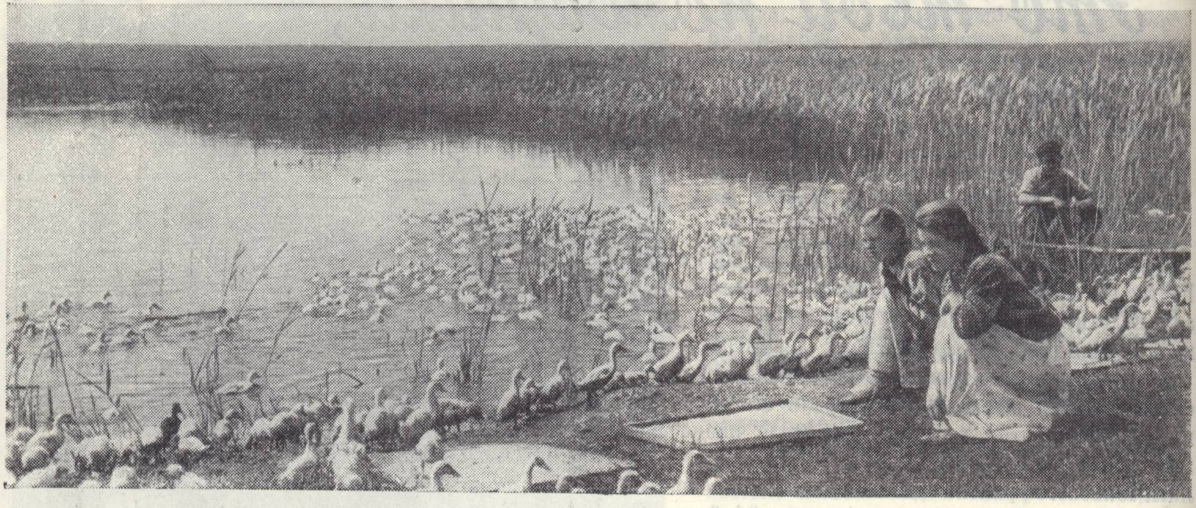
Второклассник Турсун Абдуллаев из школы № 18 Кассансайского района каждый день ходил по дорогам и подбирал клочки хлопка, которые падали с машин. Так он один собрал семь килограммов.

Пионеры Ленинграда не хотят оставаться в долгу перед своими далекими друзьями. Они собирают металлический лом на тракторы, которые пошлют в подарок молодым хлопкоробам Узбекистана.

Пионерский эшелон с хлопком прибыл в Ленинград.

Полмиллиона уток

Представляете, как это много — полмиллиона уток?! Такая утиная стая еле-еле разместилась бы на площади в пять гектаров.

И вот столько уток взялись вырастить в этом году школьники и молодежь Каневского района Краснодарского края. Взялись, конечно, не просто так: у ребят уже есть опыт в этом деле.

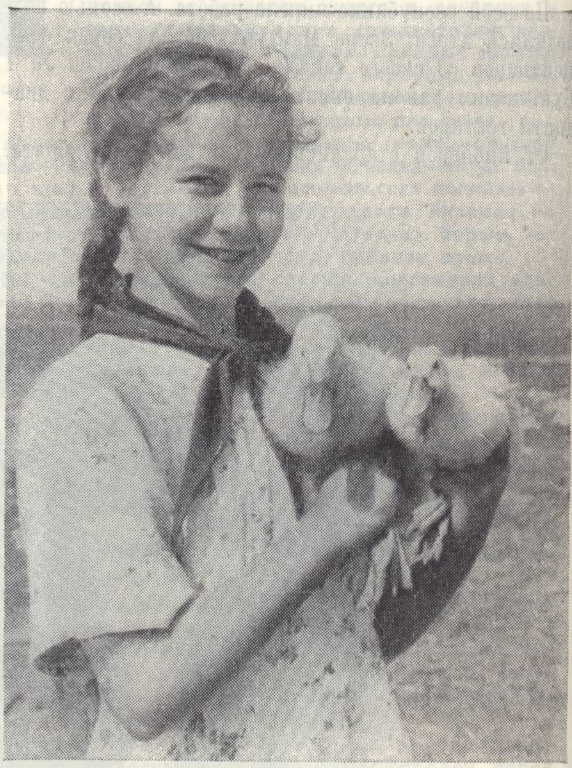
Началось все в прошлом году. Возле хутора Мигуты протекает небольшая речушка. Колхозники перегородили ее плотиной, получился большой пруд, где можно разводить птицу. Из ребят за это первыми ухватились ученики семилетней мигутинской школы № 24. Оборудовали на школьном дворе птичники, начали собирать утиные яйца. Школа эта маленькая, всего девяносто ребят в ней учится, но за работу взялись дружно. Шестиклассница Валя Фомичева собрала пятьсот пятьдесят яиц, третьеклассница Люба Кривошапка — двести двадцать. Всего набрали около десяти тысяч утиных яиц. Отнесли их на инкубаторную станцию и обменяли на утят.

Дело мигутинцев подхватили ребята других школ района: пятой, третьей, двадцать второй, сорок третьей, тринадцатой.

Все лето возились школьники со своими утятами. Цыплят, известно, по осени считают. А уберечь их нелегко. За ними нужен глаз да глаз: и от болезни и от хищников надо спасти. С раннего утра и до вечера не отходили ребята от своих питомцев.

Осенью, когда подвели итоги, оказалось, что ученики 24-й школы вырастили и передали колхозу пять тысяч четыреста крупных жирных уток, ученики 5-й средней школы — тридцать тысяч уток. А всего в районе ребята вырастили и сдали сто восемьдесят две тысячи уток. Многие школьники заработали в это лето по двести — триста трудодней, принесли домой много денег.

Школа № 5 получила от колхоза премию — двадцать тысяч рублей.

Очень любит своих пушистых желторотых питомцев Нина Божко, ученица 4-го класса.

Сейчас у ребят снова полно хлопот: идет сбор яиц, ремонтируются птичьи дворы. В этом году ребята хотят пятьдесят тысяч самых лучших уток сохранить на племя и послать их в подарок комсомольцам на целину.

БОЛЬШАЯ ДРУЖБА

У пионеров заполярного города Воркуты настоящая, большая дружба с комсомольцами-производственниками.

Молодые рабочие приходят в школу, на пионерские сборы, занимаются с ребятами в разных кружках; пионеры — постоянные гости на заводах, на шахтах, в шахтерских клубах.

А недавно был такой случай. Два дня бушевала пурга. Она замела подъездные железнодорожные пути на шахте № 26. Чтобы их расчистить, надо оторвать много людей от работы. Как быть? И тогда комитет комсомола шахты решил обратиться за помощью в школу.

Сто ребят вместе с учителями тотчас же вышли на подмогу. Через несколько часов подъездные пути были очищены от снега.

Дирекция и комитет комсомола шахты объявили ребятам благодарность и подарили им для школьного музея полный комплект шахтерской спецодежды.

Пионеры-воркутяне дружат не только с комсомольцами, но и с малышами. Отряд четвертого «Б» класса 27-й железнодорожной школы уже второй год шефствует над малышами детсада № 17.

Каждый день два — три человека из отряда приходят в детский сад. Пионеры читают своим маленьким друзьям книжки, учат с ними стихи, моют и чинят для них игрушки, помогают раздевать и укладывать спать малышей. К каждому празднику готовят им в подарок кучу игрушек.

Во дворе детского сада всегда расчищена от снега и подметена площадка. Заботливые пионерские руки сделали там горку, посадили елочки.

СВОЙ ПИТОМНИК

Утопают в зеленых парках, садах, виноградниках села и города Закарпатья. Каждый год делаются все новые и новые посадки. Только прошлой осенью в Закарпатской области было посажено две тысячи гектаров садов и почти полторы тысячи гектаров виноградников.

Это большое дело, конечно, не прошло без участия пионеров. Вот, например, у ребят Перечинской средней школы есть свой питомник. Они выращивают там саженцы груш, слив, яблонь, винограда. В прошлом году ребята передали колхозу со своего питомника три тысячи хороших, крепких саженцев фруктовых деревьев.

В Закарпатье уже давно весна, и сейчас работа на пришкольном участке идет вовсю.

ПОДАРКИ ШЕСТОГО «Б»

Шестой «Б» класс 25-й смоленской школы весь поголовно увлекается выпиливанием лобзиком. Рамочки, полочки, подставки, вешалки здесь выполняются с мастерством.

Это шестой «Б» сделал в подарок малышам макет сельской улицы, где школа и дома — все электрифицировано. Саша Шаповалов и его два друга, Витя и Валерик, смастерили такую вазу, что вся школа ею любовалась. В общем, умелые руки у этих ребят.

А недавно в город на совещание съезжались молодые животноводы области. Пионеры 25-й школы захотели встретиться с ними, расспросить об их работе. Там шестиклассники познакомились со знатной свинаркой совхоза «Пречистинский» комсомолкой Валей Кожемякиной. Оказалось, что Валя избрана делегатом XIII съезда комсомола.

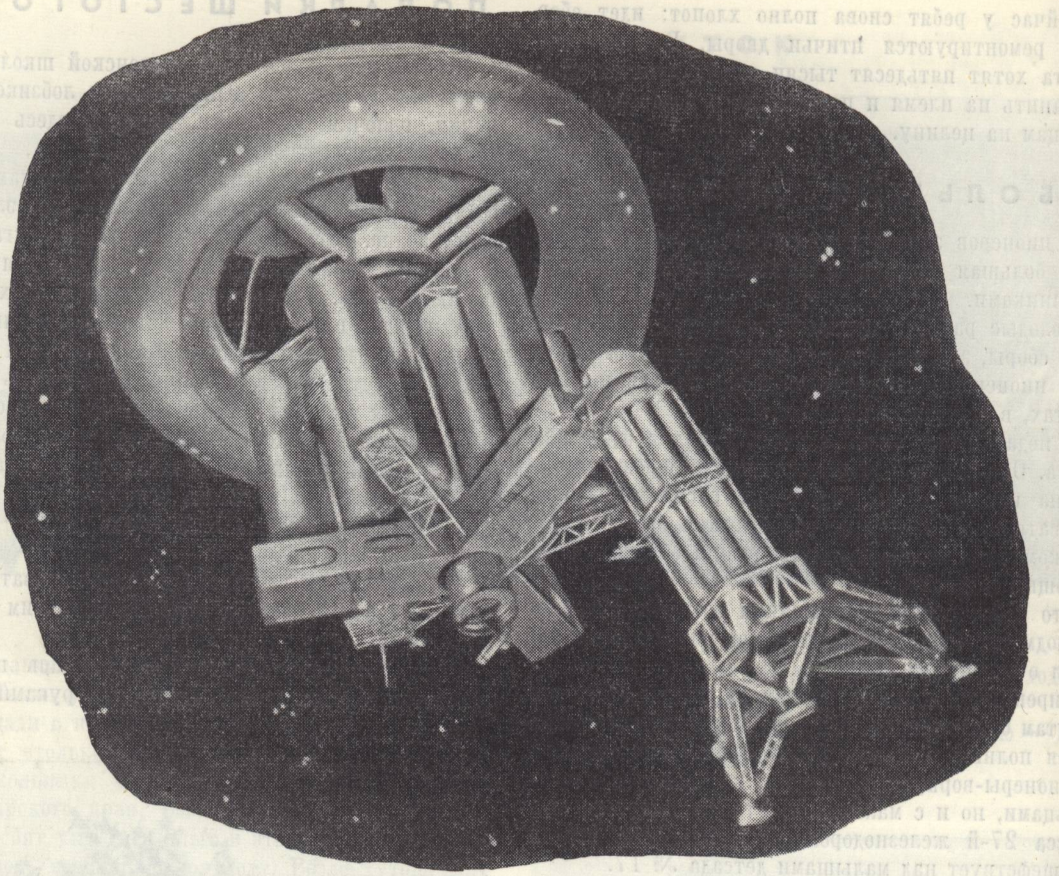
— Давайте подарим Вале нашу вазу,— предложил Саша.

— Конечно, и не только вазу,— подхватили ребята.— Давайте сделаем подарки и другим делегатам съезда.

Валя Кожемякина охотно согласилась передать делегатам съезда вещи, сделанные руками ребят.

Хорошие саженцы выросли на пришкольном участке.

Вот большой искусственный спутник Земли: база научных работ, место старта для дальних полетов в космос. К нему «причаливает» межпланетный корабль... Так будет!

Перед отлетом на Марс

Дорогая редакция!

У нас в стране были запущены искусственные спутники Земли. Теперь мечты о полете на Марс могут осуществиться. Мне 13 лет, учусь я хорошо, здоровье хорошее. Я хочу лететь на Марс. При выборе в полет имейте в виду меня.

Юрий Круглов,

КАКИМ БЫТЬ

Я думаю, что на первых машинах в космос полетят немногие люди (наверное, каждая машина сможет взять самое большее двух — трех человек). Ведь машину нельзя перетяжелять. Значит, будет очень строгий отбор. И если ты хочешь, чтобы выбрали тебя, надо уже сейчас по-серьезному к этому готовиться.

Обо всех качествах, какими должен обладать космонавт, я говорить не буду. Хотя бы потому, что всего и сам не знаю. Но давай определим главное.

Прежде всего это будет человек, который сумеет вести сложный космический корабль, то есть очень хороший пилот. Впрочем, не знаю, одинаково ли мы с тобой понимаем, что это такое. Хороший пилот, по-моему, не тот, которому наплевать на всякую опасность в полете, а тот, у которого опасный полет становится неопасным. Вот вылетели двое на испытание двух новых машин. У обоих в полете отказали двигатели. У обоих — вынужденная посадка. Одному пришлось сесть в поле. Это трудно и риско-

ванно. Все же летчик справился. Правда, машина разломалась, но весь экипаж остался в живых. Опасный полет, в общем, закончился счастливо. Другой посадил свою машину на аэродром, не преодолевая никаких опасностей посадки в поле. Особого героизма не проявил, выходит? Как, по-твоему? А по-моему, из двух именно он лучший пилот, потому что он лучше работает. Он умнее провел испытание. Умнее выбрал трассу — в районе аэродромов. Он вернее рассчитал и угол и скорость самолета, когда из-за остановки двигателя вынужден был перейти на планирующий полет. Он даже сумел развернуть самолет на посадочную дорожку. А это как раз труднее всего, когда отказали двигатели.

В испытательных полетах случалось всякое: машины разламывались от вибрации, или у них отказывали двигатели. Но самыми трудными были как раз не эти полеты, а другие, в которых как будто ничего не случалось и все проходило благополучно. На самом-то деле случалось много неприятного и опасного, но это никому не было заметно, потому что удавалось сделать опасное неопасным с помощью напряженного труда в полете и перед полетом, с помощью знаний и расчета.

От чего зависит успех исследовательского полета, в котором испытатель изучает поведение и характер машины, еще никогда не поднимавшейся в воздух? В основном от подготовки. А успех подготовки зависит от того, сколько ты знаешь вообще и сколько ты знаешь об этой машине.

Ведь как готовится к полету испытатель? Сперва знакомишься с чертежами, с конструкцией новой машины. Потом начинаешь обживать ее на земле. Изучаешь кабину, привыкаешь к ней. Потом управляешь машиной на земле, делаешь подлеты и посадки, смотришь, как она тебя слушается, как себя ведет. Только когда освоишься с ней вполне на подлетах, можно начинать полет.

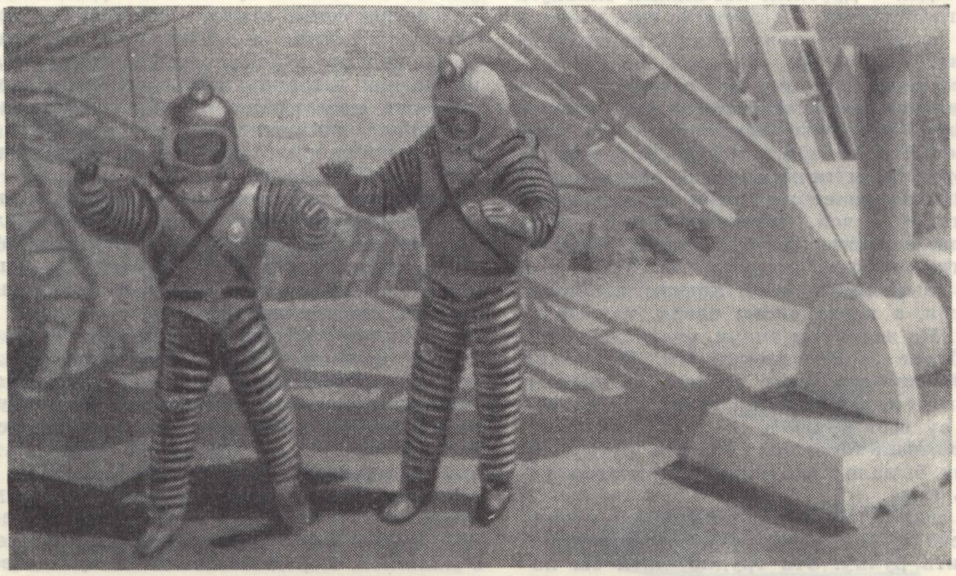
Раньше, до того как мы начали летать быстрее звука, такой подготовки, в общем, было вполне достаточно. А сейчас этого мало. Самолеты поразному ведут себя на скоростях ниже и выше звуковой. Преодолев «звуковой барьер», то есть достигнув скорости больше тысячи двухсот двадцати пяти километров в час, ты вдруг оказываешься словно на другой машине, совсем не похожей на ту, которой только что управлял. Для успешного полета на новых машинах при сверхзвуковых скоростях нужно все заранее, теоретически, рассчитывать, делать сложные выкладки, чтобы представить себе хоть приблизительно, как машина будет вести себя.

Это может сделать только сам летчик. Даже конструкторы тебе не помогут, если ты технически не подготовлен. Современные машины так сложны и так отличны друг от друга, что конструктору придется объяснять тебе все про машину, может быть, несколько месяцев. И всетаки без толку. Потому что с рассказа ты машину не узнаешь, не сможешь почувствовать себя ее хозяином. В полете обязательно будут какие-то непредвиденные случаи. И тебе мгновенно придется принимать решение и выполнять его. Тут помогут только знания.

Почему я говорю тебе, будущему космонавту, о наших испытательных полетах? Потому, что тебе тоже придется столкнуться в полете с непредвиденным, как нам. И в космосе непредвиденных случаев будет больше, чем при наших полетах.

Вот, скажем, машина отклонилась от курса... Что тут делать? И как вообще узнать, верно ли она идет? Для этого надо владеть астроориентировкой и, значит, знать астрономию. А то улетишь, Юра, не туда, куда тебя послала Земля. Или вдруг отказал какой-нибудь прибор. На твоем корабле приборы будут такие сложные, что понимать их сможет только ученый.

Я думаю, Юра, даже первые, предварительные рейсы в космос сделают конструкторы, ученые.

Первые шаги людей на другой планете.

Понимаешь, новое всегда осваивает не лихой, рисковый парень, а человек мысли.

Скажем, когда только начали летать, кто садился на первые аэропланы, какими были тогда летчики? Тоже людьми мысли, и прежде всего людьми мысли. Нестеров знал машину как инженер, понимал, что с ней происходит, как конструктор и ученый. Он советовался с Жуковским, сам делал предварительные математические расчеты. Вот почему ему первому удалась такая страшная в то время вещь, как мертвая петля. Или, как ее назвали в его честь, петля Нестерова.

Но вернемся к тому, каким же еще должен быть этот человек — посланец нашей планеты. Он будет Человеком с большой буквы.

Существо мелкое, эгоистичное посылать туда бессмысленно. Мелкая душонка, себялюбец не сумеет провести полет удачно. Он даже с полдороги вернуться-то не сумеет.

В полете будет много трудностей. Жизнь космического пилота не раз окажется под угрозой. Если он эгоист, то страх за самого себя, хотя бы на короткое время, затуманит его мысль и не даст действовать хладнокровно. А это означает неминуемую гибель.

Подлинно мужественный человек в минуту опасности хладнокровно думает о себе, как о ком-то постороннем, будто бы не его жизнь висит сейчас на волоске.

Хочешь в полет, даже и не в космический,— учись хладнокровию. Пригодится!

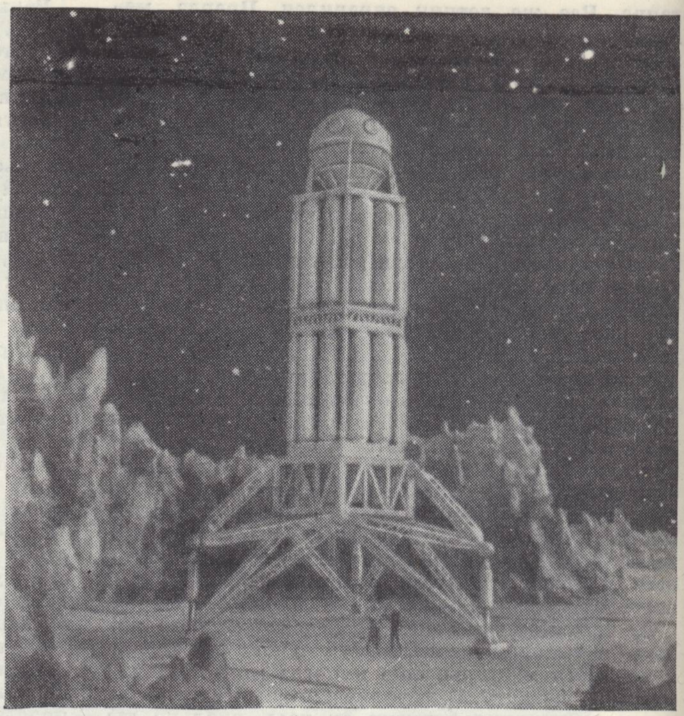
Есть такой летчик-испытатель Георгий Мосолов. Однажды он должен был лететь на новой машине.

Перед полетом все мы обычно советуемся друг с другом. Вот и Мосолов, прежде чем вылететь, обсуждал с другими летчиками главную опасность этого полета. У самолета могла возникнуть, по нашим предположениям, вертикальная раскачка.

На современных огромных скоростях это очень неприятная вещь. Когда самолет наклоняет нос вниз, тебя выбрасывает из кабины, ударяет головой о фонарь, и едва не рвутся ремни, которыми ты привязан к сиденью. А когда машина задирает нос, тебя вдавливает в сиденье с такой силой, будто твой вес увеличился в семь, в десять раз и даже больше. Обычно, когда самолет идет носом вниз, для того, чтобы выровнять его, летчик выбирает ручку на себя, а когда носом вверх, то, наоборот, от себя. Но здесь мы знали, что у Мосолова просто не будет этой возможности. На таких скоростях летчик не может поспеть за раскачкой: пока он двинет ручку на себя, ее уже надо толкать от себя.

И я посоветовал Мосолову бросить ручку совсем. У меня бывало, что машина при этом успокаивалась сама.

Так он и сделал. В самый опасный и неприятный момент у Мосолова хватило хладнокровия выпустить ручку. Это трудно хотя бы потому, что идет против всех выработавшихся у летчика рефлексов.

Космический корабль благополучно «прилунился». Снимок, как и предыдущие, взят из научно-фантастического фильма «Звездный рейс». Если не видел, обязательно посмотри, Юра!

Многое ведь в нашей работе строится на рефлексах. Поэтому они очень крепки, хотя совсем не похожи на земные рефлексы.

Вот, скажем, ты переходишь улицу, и над ухом у тебя зазвенел трамвай или загудела машина — рефлекторно ты отскакиваешь в сторону. Первое твое движение — уйти с опасного места. И это очень правильно — для земли. Но в полете вступают в силу рефлексы совсем иные. Услышав сигнал опасности, ну, скажем, изменившийся звук работающего двигателя, летчик не может шарахнуться в сторону, «уйти от опасного места». Нет. Первое, совершенно рефлекторное движение — к тем рычагам и кнопкам управления, которые устраняют опасность.

Рефлексы летчика очень стойки. И победить их нелегко, но Мосолов все-таки бросил ручку. А самолет все равно не успокоился. Мосолова продолжало то ударять о фонарь, то вжимать в сиденье... При этом машина, будучи неуправляемой, теряла высоту.

Он и тут сохранил хладнокровие и нашел другое решение. Он взял ручку на себя, крепко держал ее все время в этом положении и тем самым перевел самолет совсем на другой режим. Раскачка прекратилась на высоте двести метров, над самой землей. А началась она на высоте в пять тысяч метров.

Когда Мосолов посадил машину, мы увидели, что у него разбита голова... А он все время передавал на землю по радио, что́ происходит с машиной. Передавал на тот случай, если сам он не вернется, чтобы потом других летчиков не швыряла и не била вертикальная раскачка...

И вот результат хладнокровия Мосолова: конструкция машины исправлена.

Я тебе расскажу еще об одном летчике. Большинство пилотов (и я в том числе) назовут его «летчиком-испытателем номер один». Это Сергей Николаевич Анохин. В нашем деле он мастер из мастеров. Он умеет «выжать» из машины все, как бы ни был труден полет.

Однажды от вибрации у него начала разваливаться в воздухе машина. Радио приносило нам его скупые, точные сообщения об этом... Анохин покинул машину в самую последнюю минуту. Он благополучно приземлился и рассказал конструкторам, в чем основной недостаток машины.

Видишь ли, есть у каждого исследователя, у каждого первооткрывателя одержимость идеей. Стремление проверить свою идею, доказать ее правильность ведет человека на плоту через океан, или заставляет привить себе чуму, или ночами держит над не разгаданными еще древними письменами...

Эта одержимость, эта верность идее и вера в нее помогают во всякой трудной работе.

Только таким людям и под силу было преодолеть звуковой барьер, только таким под силу будет прорваться в космическое пространство... И это будут не одинокие герои, а много людей, не думающих о себе, много пилотов, заботящихся о том, чтобы полет другого прошел удачнее, чем у него самого. Сотни таких людей должны разведать путь, чтобы первая ракета стартовала наконец на Марс.

И если ты, Юра, сохранишь верность своей мечте, и тоже станешь таким, и тебя из многих сотен желающих выберут для полета, и ты займешь место в кабине космической ракеты, ты не будешь один. С тобой будут все те, кто строил твой межпланетный корабль; и тот, кто первый пилотировал ракету; и все, кто до тебя поднимется за пределы земной атмосферы; и тот, кто первым облетит вокруг Луны; и тот, кто совершит на нее посадку. Их имена нам еще неизвестны сегодня, но ты, улетая на Марс, будешь их уже знать.

И когда ты, Землянин, ступишь на марсианскую равнину, ты донесешь туда славу Земли.

Герой Советского Союза
летчик-испытатель **Г. А. Седов**

РАКЕТОПЛАН ГОТОВЯТ К СТАРТУ

Золотисто-оранжевый диск растет и растет. Еще месяц назад он выглядел, как луна на земном небе. Сейчас он уже не помещается на смотровом экране астротелевизора. А если глядеть в иллюминатор ракеты, он занимает почти все поле зрения, оттеснив и закрыв чернобархатный фон космического пространства. Уже невооруженным глазом можно наблюдать движение двух маленьких быстрых спутников планеты — Фобоса и Деймоса.

Тихо и ровно гудит «электронный мозг» корабля — быстродействующая вычислительная машина. Она автоматически сверяет курс корабля, расшифровывает показания приборов, исследующих состав атмосферы, спектрограммы «морей», показания счетчиков космических частиц. Стереокиноаппараты, соединенные с телескопами, стрекочут, снимая цветные фильмы. Отчетливо видны цепи округлых холмов на красноватой равнине. Пилот настраивает специальный топографический локатор-автомат. Локатор не только нащупает и измерит каждую неровность на планете, но и сам нанесет ее на карту.

Марс... Вот он впервые так близок. Для наблюдений уже не нужны никакие оптические приборы. Космический корабль, летящий по вытянутому эллипсу, проходит ближайший к Марсу участок своей орбиты. А в ракетоплане, который Земля послала к Марсу, летишь ты, Юра... Я рад помечтать с тобой об этом.

Каким он будет, этот твой космический корабль? Многое мы уже сейчас можем определить. Видимо, на Марс пойдет ракета. Из всех известных летательных аппаратов только она может передвигаться в космосе.

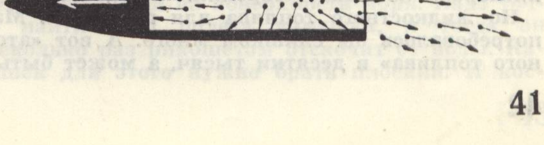
Плот плывет потому, что его держит и несет вода. Самолет летит, опираясь на воздух и отталкиваясь от него своими винтами. Но полет в космос — это полет в безвоздушное пространство. Лететь в пустоте может только ракета. Каким образом?

Вот перед тобой два рисунка. Если в замкнутой камере, которую ты видишь на верхнем рисунке, сжечь порох или другое горючее вещество, то газы с одинаковой силой будут давить на все стенки камеры. Полетит она? Нет! Газы давят в противоположные стороны с одинаковой силой, значит, их суммарная сила равна нулю.

А теперь посмотри на второй рисунок. Мы убрали донышко, и газы, наполнившие камеру ракеты, немедленно начинают вырываться наружу. Сила, которая раньше была приложена к донышку, прекратила свое действие. Сила, приложенная к головной части ракеты, осталась. Так создается реактивная тяга, на которой основано движение ракеты.

Слова «реактивная», «реакция» латинского происхождения. Их смысл передается русскими словами «противодействие», «отдача». Если ты стре-

лял из ружья, то отлично знаешь, что такое отдача. В ружье она появляется в момент выстрела. В ракете, где газы все время, пока работает двигатель, вырываются наружу, отдача непрерывна.

Что же мешает нам сегодня или завтра покинуть земной шар и взять курс на Марс?

Мешает наш собственный вес. Земной шар притягивает предметы с силой, равной их весу. Ракета улетит от Земли, если ее тяга превысит ее вес.

Знаешь, Юра, когда радио сообщило о нашем первом спутнике, в США как раз гостили наши ученые. Американцы настойчиво расспрашивали их: нет ли ошибки в сообщении? Действительно ли так велик советский спутник? Они понимали, что это не шутка — придать космическую скорость телу весом более восьмидесяти килограммов!

По сделанным ранее учеными теоретическим расчетам выходило, что в момент старта на каждый килограмм полезного веса (приборы, радиопередатчики, аккумуляторы) приходится целая тонна веса самой ракеты вместе с горючим и окислителем.

«Какой же колоссальной мощности была ракета, которая вывела спутник на орбиту!» — удивлялись американцы.

Для того, чтобы какое-нибудь тело обратилось в спутник Земли, его скорость должна быть около восьми километров в секунду. Эта скорость называется первой космической скоростью.

Как же получить такую скорость?

Для этого нужно составить целый поезд из ракет — сделать многоступенчатую ракету. Насколько это выгодно, ты сам мог убедиться. Ведь советские спутники были заброшены на орбиту ракетами многоступенчатыми.

Посмотри на рисунок. Когда такая ракета отделяется от земли, в работу включаются двигатели только одной ступени. В других ступенях ракеты двигатели молчат, ждут своей очереди. Когда все топливо первой ступени сгорит, она автоматически отбрасывается, и начинают работать двигатели второй ступени. Потом приходит очередь третьей. Ракета не тащит за собой обоз пустых баков и замолчавших двигателей. Она постепенно становится легче, поэтому ее легче разогнать до нужной скорости.

Скорость, при которой можно освободиться от оков земного тяготения и улететь к Марсу, должна быть около одиннадцати с половиной километров в секунду. Эта скорость называется второй космической скоростью, «скоростью ускользания».

Скорость во многом зависит от того, на каком топливе полетит ракета. Нужно найти такое топливо, чтобы при его сжигании была как можно больше скорость вырывающихся из ракеты газов — продуктов этого топлива. Ведь от этого зависит и скорость ракеты.

На каком же топливе работает ракета?

Самым первым топливом для ракет был порох. Сейчас чаще всего применяют жидкостное топливо.

Ракете нужны два вида жидкостей — горючее (бензин, например) и окислитель (азотная кислота или жидкий кислород). Окислитель необходим в космосе потому, что там нет кислорода, а без кислорода не бывает горения.

Но жидкостного топлива для полета на Марс потребовалось бы слишком много. А вот «атомного топлива» в десятки тысяч, а может быть, и в сотни тысяч раз меньше. Это очень выгодно изменит соотношение между полезным весом (приборы, космонавт) и весом самой ракеты вместе с горючим.

Есть несколько проектов атомных ракет.

Можно, например, использовать для получения топлива огромные температуры, которые возникают в атомном котле. При этих температурах превращаются в раскаленный пар любые вещества, например, металлы.

Эти раскаленные пары, вырываясь из ракеты, и будут создавать реактивную тягу огромной силы. Они будут выходить из ракеты со скоростью около десяти тысяч метров в секунду. Такой скорости не дает ни одно топливо современных ракет.

Кроме того, металлы плотнее жидкостей, значит, займут в ракете меньше места.

Построить атомную ракету — основная задача тех, кто работает над созданием космических кораблей. И, надо думать, она будет выполнена. Сейчас довольно быстро идет решение всех вопросов, связанных с космическими полетами. Это позволяет уровень современной техники.

Вот я расскажу тебе о двух ученых. Один из них уже десятки лет назад разработал теорию космических полетов и доказал теоретически их возможность.

Но потом другой ученый не согласился с ним. Он тоже произвел точные расчеты. И по его цифрам выходило, что такие полеты невозможны.

Это произошло всего пятнадцать лет назад.

В чем же дело? Кто из них ошибся? Ошибки не было ни у одного. Оба были правы. Но мысль первого была направлена к будущему, а второй строил свои доказательства, исходя лишь из того уровня техники, какой был пятнадцать лет назад.

Действительно, тогда космический полет был невозможен...

Первый ученый, о котором мы говорили,— это Циолковский. И вот сейчас наступило уже то время, когда наша техника позволяет инженерам практически использовать его расчеты.

Но инженерам еще многое нужно сделать, чтобы ракета, на которой ты хочешь полететь на Марс, была наконец готова.

Вот, например, как заставить ракету маневрировать, поворачивать в одну, в другую сторону?

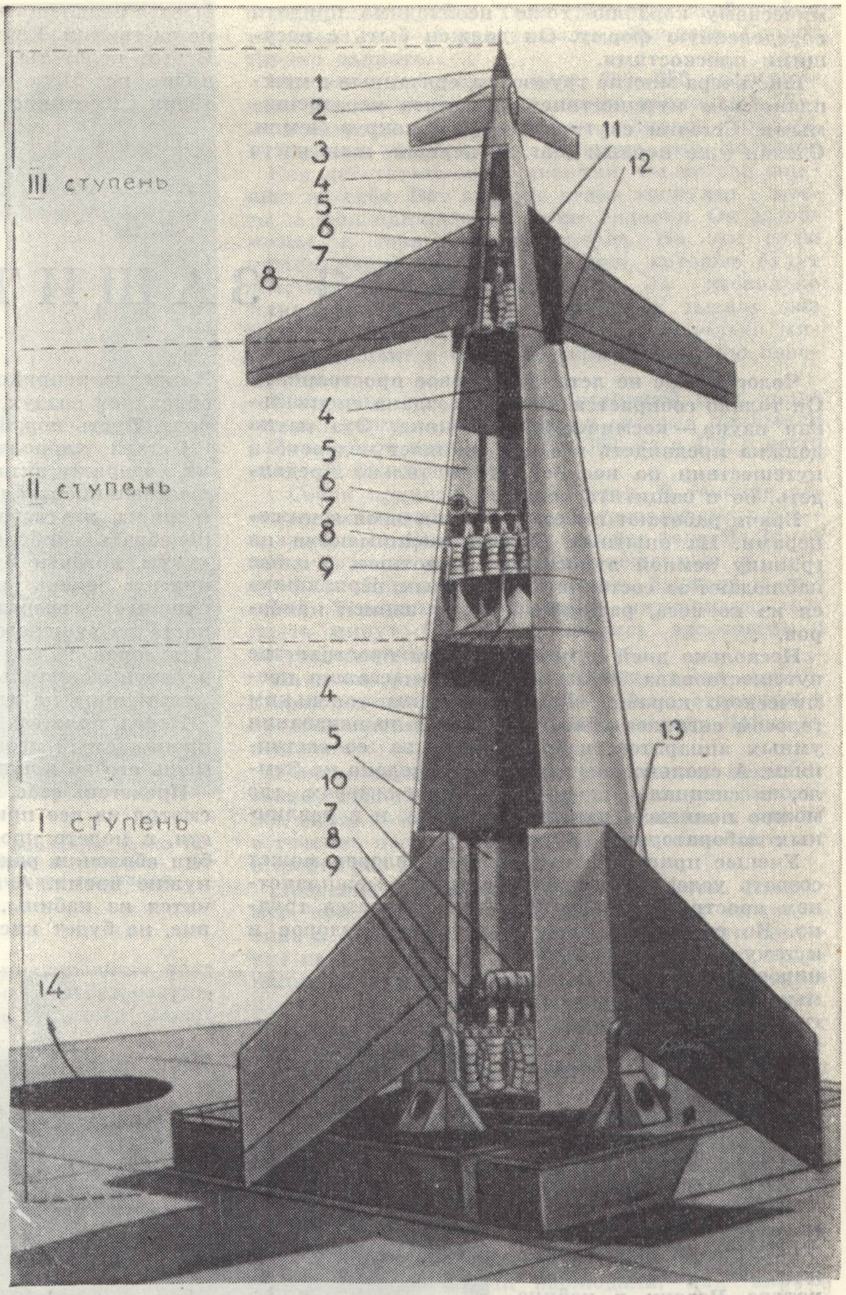
На самолете есть горизонтальные и вертикальные рули. Отклонил летчик рули, на них начал по-другому действовать воздух, и самолет изменил направление.

Но в космосе это невозможно. Верти, не верти рулями в безвоздушном пространстве — не поможет. Как же изменить курс космического корабля?

Инженеры предложили: давайте поставим руль в струю вытекающих из ракеты газов, тогда руль будет действовать, как у обыкновенной лодки. Можно бы, конечно, и так управлять ракетой. Только из чего сделать эти рули? Вспомните, что они будут стоять в струе газов, раскаленных до такой температуры, что не выдержит ни один металл, расплавится. Как же быть?

Нашли другое, совершенно новое решение: почему бы не использовать ту самую реактивную силу, которая движет ракету вперед? Если повернуть в какую-либо сторону часть газовой

Здесь изображена грузовая ракета, спроектированная учеными. Длина ее — восемьдесят метров, диаметр — двадцать пять, стартовый вес — семь тысяч тонн. Чтобы заправить эту ракету топливом, потребуется пять железнодорожных составов по шестьдесят цистерн каждый. Ракету поведет пилот, поэтому в третьей ступени есть пилотская кабина (2), отсек приборов (1) и грузовой отсек (3). В каждой ступени есть двигатели: окислитель (4), топливо (5), контейнер с охлаждающей жидкостью (6, 10), помпы для подачи горючего (7), камеры сгорания (8). Все три ступени вернутся на Землю, потому что у ракеты есть парашюты (9), крылья (12) и стабилизаторы (11, 13). За пятнадцать рейсов такой ракеты можно забросить на орбиту все необходимое, чтобы соорудить искусственный спутник весом около пятисот тонн.

струи, ракета развернется в противоположную сторону.

Так появились струйные рули, не похожие ни на какие рули, существовавшие до сих пор.

А как посадить ракету на Землю? Без решения этого вопроса невозможен твой полет. Должен же ты благополучно вернуться домой!

Задача эта не из легких. Ракета летит со скоростью около 11 километров в секунду. Если с этой скоростью она войдет в плотные слои атмосферы, корабль сгорит так же, как сгорают метеоры. Необходимо придумать способ уменьшить скорость, пока корабль еще на большой высоте. Придумали так: влететь в верхние слои атмосферы, а потом выскочить в безвоздушное пространство. И так несколько раз.

Пока корабль находится в атмосфере, его движение тормозится, но зато он нагревается. А когда он в безвоздушном пространстве, он остывает. Для такого скачущего полета не нужно включать даже двигатель. Корабль будет отражаться от земной атмосферы, как плоский камешек, брошенный на поверхность моря. Надо точно найти угол полета камешка, и тогда он несколько раз рикошетом отскочит от воды. Камешек для этого нужно брать плоский. И кос-

мическому кораблю тоже необходимо придать определенную форму. Он должен быть с несущими плоскостями.

Еще вчера многие трудности, связанные с межпланетным путешествием, казались неразрешимыми. Сегодня спутники мчатся вокруг Земли. Сделан уже первый шаг. А первый шаг часто бывает решающим. И путешествие на Марс, Юра, не за горами. Еще раньше будет полет на Луну. В этот полет ты, быть может, и не успеешь, но полет на Марс совершит, наверно, кто-то из твоих сверстников, а может быть, и ты сам.

Инженер **А. Красильщиков**

ТВОЯ ЗАЩИТА

Человек еще не летал в мировое пространство. Он только собирается. Но уже создана специальная наука — космическая медицина. Эта наука должна предвидеть все, что ожидает человека в путешествии по космосу. И не только предвидеть, но и защитить человека.

Врачи работают вместе с астрономами и инженерами. На опытных ракетах поднимаются на границу земной атмосферы животные. Ученые наблюдают за состоянием животных, вернувшихся из космоса, расшифровывают записи приборов.

Несколько дней в межпланетном пространстве путешествовала Лайка — первый пассажир космического корабля. Радио спутника тоненьким голосом сигналов «бип-бип» сообщало показания умных аппаратов, наблюдавших за ее состоянием. А сколько опытов было проделано на Земле, в специальных комнатах-барокамерах, где можно понижать давление воздуха, и в различных лабораториях!

Ученые пришли к выводу, что человек может создать условия для своей жизни в межпланетном пространстве. Человеку там придется трудно. Но если его организм абсолютно здоров и к тому же заранее натренирован, приучен к самым разнообразным нагрузкам, он сможет в космосе работать.

...Инженеры конструируют ракетоплан. Они снаряжают его специальными аппаратами, чтобы все было близко к условиям Земли. Кабина космонавтов наглухо отделена от безвоздушного пространства. В ней поддерживается ровная температура. Воздух в кабине такой же, как на Земле. В нем достаточно кислорода для дыхания.

Конечно, трудно взять с собой множество баллонов жидкого кислорода, чтобы хватило на все путешествие к Марсу и возвращение на родную планету. И вот на помощь инженерам пришли ботаники. Они предложили поставить в отсеках ракеты ванны с морской водорослью хлореллой.

Четвероногая пассажирка вернулась на Землю из полета в ракете. Люди рады увидеть ее здоровой и веселой, и собака тоже радуется встрече с хозяевами.

Хлорелла неприхотлива, быстро размножается и обновляет воздух, выделяет очень много кислорода. Пусть поработает в космосе!

Кстати, хлореллу можно есть. Она питательна, содержит витамины. Это очень важно. Путешественников надо кормить. Им нужны и белки, и жиры, и углеводы, и витамины, и вода. Надо подобрать наиболее полезные питательные продукты, которые будут занимать мало места. Например, очень выгоден пеммикан — старинное кушанье североамериканских индейцев. Это паста из сушеного мяса, жира и ягодных соков. Лет сорок назад все исследователи полярных районов обязательно запасались пеммиканом. Но такая пища не для привередливых.

Перед полетом ты наденешь скафандр — непроницаемый металлический костюм — и не снимешь его до конца путешествия.

Представь себе, что случилось несчастье. И, несмотря на все приспособления и предосторожности, в полете произошла авария: метеорит пробил оболочки ракеты. Чтобы закрыть пробоину, нужно время. А воздух в одну секунду улетучится из кабины. Исчезнет атмосферное давление, не будет кислорода для дыхания.

Опыт в барокамере. Атмосферное давление резко понизили, и вода в стакане закипела. А человек чувствует себя прекрасно. Его защищает скафандр.

Ты скажешь, нужно надеть кислородную маску. Но это не спасет от опасности. В безвоздушном пространстве кровь в теле человека может закипеть.

Когда давление воздуха низкое, жидкость кипит при температуре меньшей, чем у нас, в обычных условиях. Поэтому, скажем, на высоте в пять тысяч метров сварить картошку очень трудно: вода выкипает, а ста градусов нет. При низком давлении кровь может закипеть даже при температуре человеческого тела.

Скафандр предохранит человека от этого несчастья. Скафандр — это даже не костюм, а кабина, которую человек носит на себе. Между его стенками и телом космонавта будет постоянное давление воздуха, в скафандре установят кислородные приборы, будет поддерживаться постоянная температура. Если воздух начнет выходить из кабины корабля, специальные аппараты это «почувствуют» мгновенно, быстрее, чем путешественник. Шлем скафандра автоматически надвинется и закроет лицо.

Очень серьезное испытание ожидает тебя в самые первые минуты при отлете с Земли.

...Вот загрохотали двигатели ракетоплана, корабль оторвался от стартовой площадки и понесся ввысь, стремительно набирая скорость. За несколько минут он разгонится до сорока тысяч километров в час. В это время ты почувствуешь, что какая-то гигантская сила придавливает тебя к подушкам кресла. Тело сделается необычайно тяжелым, в 4—5 раз тяжелее обычного. Станет трудно дышать...

Человек прибавит в весе 200—250 килограммов? Да, таким будет ощущение космонавта. Дело в том, что корабль быстро набирает скорость. Ускорение увеличивает действие сил инерции.

Как действуют силы инерции, ты не раз ощущал на себе. Вот автобус резко тронулся с места, и тебя прижало к спинке сиденья. Он затормозил, а тебя бросило вперед. Но эти силы крошечные в сравнении с теми, которые будут действовать на космонавта. За несколько минут ракета наберет скорость в тысячу раз большую, чем у автобуса. В эти несколько минут космонавт и будет ощущать огромную перегрузку.

Выдержит ли это наш организм? Ведь наше сердце, наши легкие, нервная система привыкли работать при весе тела не в 300, не в 400, а всего в 80—90 килограммов.

...Собак поднимали на ракетах. В течение нескольких секунд на них действовали силы в 6—8, даже в 10 раз большие, чем вес тела. На Земле собак сажали в кабинки, привешенные к центрифуге. Центрифуга вращалась быстрей и быстрей. Ускорение действовало пятнадцать, двадцать минут. Собаки оставались здоровыми и жизнерадостными.

Наконец, ракета-носитель вывела на орбиту второй спутник. Перегрузка была огромной и продолжительной. И первый космонавт Лайка ее выдержала.

Ученые выяснили, что на реактивных истребителях, выполняющих фигуры высшего пилотажа, сила, которая придавливает пилота к креслу в течение нескольких секунд, превышает его вес в шесть раз и больше.

Действие ускорения можно ослабить. Например, при взлете лечь на спину. Если взлетать, сидя в обычном положении, сила тяжести заставит кровь перелиться в нижнюю половину туловища. Клетки мозга перестанут получать кровь и с ней кислород. Человек потеряет сознание. А если пилот ляжет лицом вверх, кровь будет перемещаться незначительно; от передней поверхности тела к спине. Это менее заметно для организма.

Кроме того, на путешественниках под скафандрами будут надеты противоперегрузочные прорезиненные костюмы, надутые воздухом. Воздух сдавит мышцы и сосуды и помешает отливу крови.

Однако, несмотря на эти меры, не всякий сумеет перенести перегрузку безболезненно.

Авиационные врачи наблюдали, как влияет ускорение на летчиков реактивных самолетов. И пришли к выводу, что организм космонавта должен быть закален и абсолютно здоров. Замечено, например, что курящие летчики перегрузку выносят плохо.

Но вот корабль несется в межпланетном пространстве. Движение стало равномерным. Нет ускорения, нет и перегрузки. Тяжесть, давившая космонавта, больше не прижимает к креслу. Можно отстегнуть ремни и сесть.

Но что это? Астронавт захотел сесть, повернулся и... отделился от кресла, повис в воздухе кабины. Тяжелый скафандр, в котором человек на земле еле-еле двигался, теперь не ощущается на теле... Какой-нибудь аппарат, который с

большим трудом устанавливали в кабине, теперь можно легко поднять.

Невесомость, прямо скажем,— состояние необычное.

В мире без тяжести человеку придется заново учиться передвигаться в пространстве, есть, пить, даже протягивать руку, чтобы взять книжку или инструмент для работы. Ведь наши привычные движения рассчитаны на условия нашей планеты! Скажем, даже выпить стакан воды или молока будет очень сложно: жидкость, потерявшая вес, не станет литься. Ее придется высасывать из специальных поильников. Взрослые дяди, пассажиры космического корабля должны будут перенимать опыт у младенцев!

Один американский ученый наблюдал за тридцатью летчиками, которые были в состоянии невесомости до пятидесяти секунд. Это состояние летчики переносили по-разному. Одни плохо себя чувствовали, другие ничего не испытывали. А сам ученый, профессор Гератеволь, говорил, что никогда не отдыхал так приятно, как в те секунды, когда был невесомым.

Однако невесомость не безразлична для организма. В условиях невесомости изменяется расположение внутренних органов: желудка, кишечника,— изменяется кровообращение (понижается давление крови). Все это не столько опасно, сколько неприятно. Выходит, нужно быть очень терпеливым!.. Впрочем, можно сделать так, чтобы невесомость ощущалась не все время полета. Когда космоплан выйдет на свою орбиту, двигатели заставят корабль вращаться. Разовьется центробежная сила, и ощущение невесомости исчезнет.

Но, кроме ускорения и невесомости, человека ждет еще одно большое испытание — испытание нервной системы.

Дома, на Земле, мы привыкли, просыпаясь, видеть за окном жизнь города или села, идти знакомой улицей по дороге в школу или на работу, мимо разных домов, встречать разных людей, узнавать много новостей.

В ракете этого не будет. Обитаемый мир сузится до размеров кабины корабля, из которой не уйдешь. Никакой привычной смены впечатлений. Все время одно и то же: нет ни дня, ни ночи. За стеклом иллюминатора — неподвижное небо. Рядом все тот же товарищ по экспедиции. И тишина... Вечная, страшная тишина Вселенной.

В ракете придется создавать искусственную ночь, может быть, даже искусственный рассвет и сумерки. Может быть, придется искать какие-то дополнительные постоянные впечатления...

Врачи работают над тем, чтобы космическая тишина не действовала на человека так угнетающе.

Человеку будет трудно в космической тишине, но он справится с ней потому, что унесет с собой в межпланетное пространство свою работу, кусочек тепла своей родной планеты, дыхание замечательной земной жизни, жизни, пославшей его в космос.

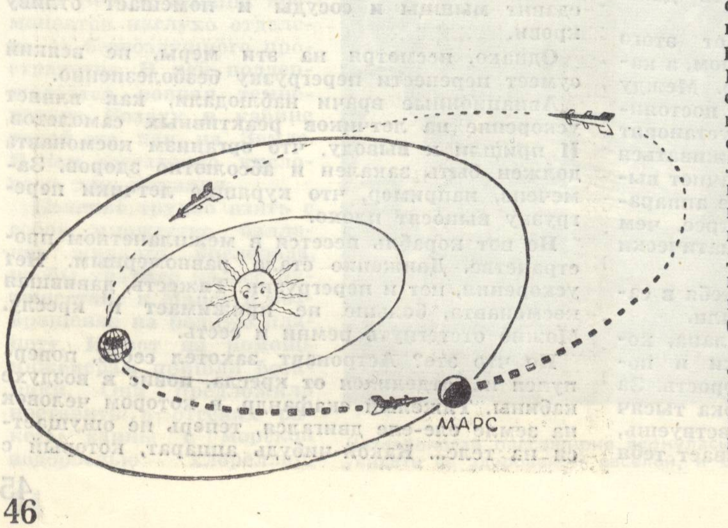
Борис Володин, врач.

МАРШРУТ ПОЛЕТА

Расстояние от Земли до Марса не всегда одинаково. Самое большое — четыреста миллионов километров, самое меньшее — пятьдесят миллионов с лишним. Значит, надо выбирать путь покороче? Ждать, когда Марс подойдет ближе всего?

Нет! Самый короткий путь к Марсу не самый лучший. На самом коротком пути космическому кораблю придется все время вести борьбу с притягивающей силой и Земли и Солнца. А для этого понадобилось бы столько топлива, сколько самая могучая космическая ракета не поднимет.

Здесь нарисован один из выгодных путей полета к Марсу. В момент старта ракеты Марс движется на своей орбите немного впереди Земли. Ракета, стартуя, берет направление по касательной относительно земного шара. При таком направлении ей легче развить вторую космическую скорость. Тогда, победив притяжение Земли, она будет лететь с выключенными двигателями под действием тех же сил, каким повинуются и Земля, и Марс, и все другие планеты. Ракета станет спутником Солнца и полетит вокруг него по вытянутому эллипсу. Скорость и направление вылета с Земли рассчитаны так, чтобы, двигаясь по своей орбите, ракета пересекла орбиту Марса в определенной точке, близ которой он сам будет находиться в это время. Пролетев так близко от Марса, что астронавт сможет хорошо провести все научные наблюдения, ракета помчится дальше по своему пути. Ровно через год она достигнет перигелия, самой дальней точки своей орбиты. Еще через год она вернется к той точке земной орбиты, где была Земля в момент старта. А Земля, успев за это время совершить два оборота вокруг Солнца, тоже подоспеет к этой же точке, и место расставания станет местом встречи корабля с родной планетой.

Е. Владимирова

ПЛАНЕТА ЗАГАДОК

Тот, кто полетит на Марс, должен будет разгадать загадки, давно уже интересующие астрономов.

Прежде всего надо узнать, есть ли на Марсе жизнь. Об этом идут сейчас ожесточенные споры. Одни ученые решительно отвергают возможность жизни на Марсе. Другие так же решительно настаивают: жизнь там есть!

Одни говорят: там слишком мало воды. Если собрать с Марса всю воду, то не наберется и Ладожского озера. Там очень резки температурные скачки. На экваторе днем жара доходит до 20°, а ночью мороз в 50°. Там до сих пор не обнаружен в атмосфере кислород. А какая может быть жизнь без кислорода!

«Нет кислорода? — возражают им другие.— Но как можем мы это утверждать, проверяя атмосферу Марса через толщу своей атмосферы? Через свой кислород? Вот выберемся в безвоздушное пространство, тогда показатели будут точными. А что касается воды, то в наших пустынях ее не больше, но жизнь там все же есть».

Защитники теории жизни на Марсе говорят, что растения на Марсе уж во всяком случае есть. Вот посмотрите на снимок этой планеты. Видите обширные темные пятна? Их называют «морями». Замечено, что весной и летом они приобретают сине-зеленую окраску, осенью делаются бурыми, а зимой светлеют. Почему так? Может быть, эти «моря» весной покрываются растительностью, которая по сезонам изменяет свой цвет?

Нашему делегату на Марс нужно будет проверить эти факты и изучить, какой вид имеет марсианская растительность.

Некоторые ставят вопрос еще смелее. Если есть на Марсе растения, значит, могут быть и животные? А если есть животные, то, может быть, они развились до стадии разумных существ?

Астрономы, упорно наблюдавшие Марс целыми десятилетиями, заметили на его поверхности необычайное явление. Вся поверхность Марса окутана густой сетью каналов, расположенных с удивительной правильностью. Весной видно, как вдоль каналов от полюсов постепенно движется к экватору темная волна оживления, будто они обрастают растительностью. Вся система каналов похожа на грандиозную и очень умную оросительную систему. Недавно на Марсе замечена новая темная область, будто образовался новый оазис, покрытый растительностью.

За последние десятилетия наблюдатели замечали на Марсе короткие резкие вспышки, похожие на атомные взрывы.

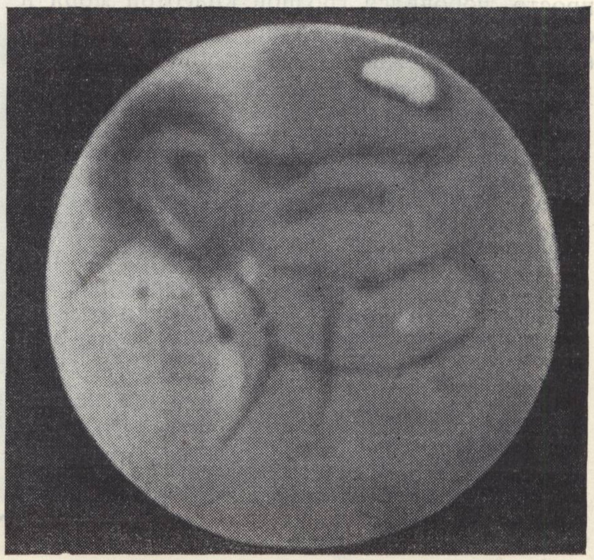
Все это дает повод для предположений о том, что на Марсе есть высокоразвитые существа.

Большинство ученых отрицает это. И каналы многие ученые не считают оросительной системой. Эти ученые отбрасывают всякую мысль о существовании марсиан.

Наука очень осторожна в выводах. Она копит тысячи фактов, тщательно изучает их и только тогда делает окончательный вывод. Но смелые догадки, основанные только на некоторых наблюдениях, тоже двигают науку вперед, заставляя ее искать, допытываться, спорить, находить новые приемы исследования. Пока у нас точных сведений о жизни на Марсе нет.

Полет на Марс решит эти сомнения ученых. Если твоя мечта сбудется, ты привезешь науке очень важные сведения.

К. А. Порцевский, астроном,
лектор Московского планетария.

Вот он, Марс, планета, о которой спорят ученые. Белая шапка над полюсом уже начала уменьшаться: здесь весна. Когда люди отправятся на Марс в полет с посадкой, ракета приблизится к тому полушарию, где будет лето, и сядет как раз неподалеку от шапки, в приполярной области. Днем здесь холоднее, чем на экваторе,—5—10° тепла, зато и ночью не бывает мороза, потому что Солнце пригревает круглые сутки. Таким, как на этой фотографии, мы видим Марс с Земли — в телескоп. Но ты, Юра, из своей ракеты увидишь его гораздо ближе и сделаешь более подробные снимки.

О суровой природе и сильных людях

Как же так, спросите вы, разве это картины о людях?.. Ведь на них изображена природа, а человеческих фигур либо вовсе нет, либо они такие маленькие, что даже лиц не разглядишь...

Верно. И все же картины, которые воспроизведены здесь, на цветных вкладках,— картины о человеке. Человеку — его жизни, ощущениям, мыслям и, главное, его труду — посвящено все творчество американского художника Рокуэлла Кента, с работами которого мы познакомились недавно в Москве, в Музее изобразительных искусств имени Пушкина.

Вглядитесь внимательно в картину «Труженики моря». Над свинцовыми водами вздымается мрачная коричнево-черная неприступная каменная глыба. На нее не взобраться, о нее может вдребезги разбиться лодка,— рыбаки полностью во власти моря. Сейчас оно только дышит, но грозная сила, сокрытая в нем, вот-вот разбушуется. И тогда людям несдобровать. Рыбаки заняты своей трудной работой... «Сколько выдержки, отваги, какая душевная сила нужна рыбакам!» — невольно думаете вы, глядя на картину, и эти мысли подсказаны вам художником.

Да, работая над этой картиной, Кент не просто любовался грозной красотой моря и скал, хотя эта красота передана здесь глубоко и точно. Картина написана человеком, который сочувствует рыбакам и отлично знаком с их жизнью. Да что там знаком, он сам жил жизнью рыбаков!.. Неутомимый путешественник, побывавший на крайнем севере и на крайнем юге, Рокуэлл Кент не просто странствовал. «Я осваивал целый ряд профессий — рыбака, плотника и многих других,— говорит он о себе.— По мере того, как я их постигал, я рос как человек, и тем самым возрастала моя способность видеть и познавать жизнь».

Наблюдения очевидца, и очевидца, не просто созерцающего, а действующего, личный опыт, который не заменишь никакими книжными знаниями, отразились в творчестве Рокуэлла Кента. Только тот, кто сам путешествовал на собаках по ледяным просторам, по снежной целине, на которой впервые отпечатывается человеческий след, мог написать картину «Охотник за тюленями». Посмотрите на эту картину. Вот, оставив упряжку собак, охотник ушел далеко вперед. Он улегся на снегу у тюленьей лунки и подкарауливает зверя. Маленькая фигурка охотника едва видна вдали.

Как точно передано тут чувство настороженности, ожидания и крайнего одиночества человека, затерянного среди льдов и снегов! Как сурова и своеобразно красива природа Гренландии, этого огромного острова, почти сплошь покрытого материковым льдом!

В Гренландии художник провел несколько лет. На картине «Ноябрь в Северной Гренландии» он изобразил вид из окон своего дома. «Мое воображение поразило состояние льда накануне ледостава,— рассказывает он.— Вода уже вот-вот готова была застыть и приобщиться к ледяным глыбам айсбергов. Поэтому и на картине вода должна была выглядеть настолько тяжелой, плотной и холодной, чтобы всем было ясно, что она вот-вот станет льдом».

Однако не только состояние воды показано на этой картине. Кент изобразил здесь любовно и подробно быт жителей поселка. Вот вешала для просушки сети, вот домики с санками на снежных крышах... В таких санках часами работал над своими картинами художник Кент. Все картины, воспроизведенные здесь,— и гренландские пейзажи и канадская гора Ассинибойм — написаны не по памяти и не по этюдам, а прямо с натуры.

Творчество Рокуэлла Кента — глубоко правдивое, жизненное, реалистическое — не по вкусу буржуазным художникам Америки. У нас его глубокие, прекрасные картины нашли десятки тысяч почитателей.

Ю. Новикова

РОКУЭЛЛ КЕНТ.

ОХОТНИК НА ТЮЛЕНЕЙ.
Северная Гренландия.

Внизу:
НОЯБРЬ В СЕВЕРНОЙ ГРЕНЛАНДИИ.

ГОРА АССИНИБОЙН.
Скалистые горы, Канада.

ТРУЖЕНИКИ МОРЯ

«Тайный сигнал барабанщика» или как я вёл дневник

Повесть Анатолия АЛЕКСИНА **Рисунки А. Брея.**

10 ноября.

Вчера вечером, когда я слонялся без дела по коридору, мама сказала:

— Займись-ка лучше дневником. Это — очень хорошее дело! Каждый день записывай в тетрадку все самое важное. А когда-нибудь, через много-много лет, тебе будет очень интересно прочитать ее своим детям или даже внукам и вспомнить, как ты был маленьким.

— Не маленьким, а среднего возраста! — поправил я маму.— Так ведь и в книгах пишут: «Для среднего школьного возраста».

— Ну, пусть так,— согласилась мама.— Только пиши о себе всю правду, ничего не сочиняй. А то тебе же самому будет неинтересно читать свой дневник, если в нем будет неправда.

— Через много-много лет я уж забуду, правда это была или неправда...

— Ничего ты не забудешь: детство никогда не забывается.

Ну, маме это, конечно, виднее!

Доставая из ящика чистую тетрадку, я думал: «А может быть, я стану не просто взрослым, а каким-нибудь знаменитым человеком. Все люди сразу захотят узнать разные подробности о моем детстве. И вот эта самая тетрадка в клеточку им поможет. Тогда уж она будет храниться не в моем сломанном ящике письменного стола, который можно открывать только щипцами да плоскогубцами (голыми руками его не возьмешь!), а где-нибудь в музее, под стеклом».

Для начала я изрисовал всю обложку и края первой страницы человеческими головками, фигурками животных, замысловатыми росписями. Первую фразу я начинал три раза и три раза нарочно зачеркивал: я знал, что так именно поступают со своими рукописями всякие знаменитые писатели и поэты.

Но что делать дальше, я не знал. Тогда я пошел в библиотеку и набрал много толстых и тонких книг. Это были дневники известных людей: путешественников, ученых, писателей... Они все очень подробно описывали в дневниках свою жизнь и жизнь своих ближайших родственников. Прямо изо дня в день: и кто что сделал, и кто что подумал, и кто что кому сказал. Они и природу описывали, и все свои мысли, и настроения. И я так буду делать!

Потом я почитал Димин дневник, который лежит в нашем книжном шкафу. Ну, Дима пишет главным образом о книгах, которые он прочитал, и о международных событиях, и о своей общественной работе. Мне кажется, это не очень интересно записывать. О международных делах можно будет потом, через много-много лет, узнать из газет или журналов. А в дневнике уж лучше писать о своей собственной жизни.

Я попросил всех наших домашних — и маму, и папу, и брата Диму — помогать мне, проверять иногда мой дневник. И сразу приступил к делу: сделал в тетрадке эту самую первую запись.

11 ноября.

Сегодня, ровно в 10 часов 20 минут утра, мне в голову пришла гениальная идея: посадить Лельке Мухиной в парту живого ежа! То есть я не сразу дошел до этого. Сперва я хотел сунуть ей живого ужа.

...Это случилось опять на уроке немецкого языка, у той же самой Анны Рудольфовны. Лелька зачем-то полезла в парту. А там лежала мокрая тряпка, которой доску вытирают. Лелька со страху так заорала, что из соседнего класса прибежали две девчонки: не случился ли с кем-нибудь приступ аппендицита?

Потом Анна Рудольфовна целые пол-урока объясняла нам, что трусость — это очень плохое человеческое качество. И что Бетховен в своем музыкальном произведении «Эгмонт» как раз воспевал смелость, а трусость никогда и никто на свете не воспевал. Все это Анна Рудольфовна объясняла нам на немецком языке, чтобы «приучить нас к разговорной речи». Но так как мы к разговорной речи еще не приучились, она почти каждую фразу со вздохом переводила на русский язык. Так прошло пол-урока — и меня не спросили!

Тогда я подумал: как же завизжит Лелька, если сунуть ей в парту не какую-то мокрую тряпку, а самого настоящего, живого ужа! Надо, решил я, сперва вынуть чернильницу...

Сидит-сидит Лелька на уроке — и вдруг через кругленькое отверстие в парте появляется змея. То есть это Лелька будет так думать, что змея, а на самом деле это будет обыкновенный уж из нашего с Витиком-Нытиком живого уголка. Тут уж Анне Рудольфовне придется читать лекцию о смелости не меньше урока. А может, и переменку прихватит!

Но потом я подумал: если сунуть ужа в начале большой перемены, когда все убегают из класса, он за двадцать минут может преспокойно уползти и не появиться в круглом отверстии для чернильницы. Нет, лучше посадить в парту живого ежика: он заснет себе в темноте, а иголки его и во сне колются.

Решено: не буду сегодня учить немецкого! Ведь завтра вместо урока будет настоящий спектакль!

12 ноября.

Сегодня, в самом начале большой перемены, я сделал все, как было задумано. Положил Лельке в парту своего ежа, которому мой брат Дима дал очень странное имя — Нигилист. Я поинтересовался, кто это такие нигилисты и за что Дима так обозвал ежика, которого я сам нашел в лесу прошлым летом. «За то, что он никого не признает и всех подкалывает!» — ответил Дима. Мама называет ежика «Севкой номер два», потому что я, по ее мнению, тоже иногда бываю колючим. А мы с Витиком-Нытиком зовем его просто Борькой. В общем, у ежа целых три имени, и он ни на одно из них не откликается.

Значит, положил я своего колючего Борьку в парту... И не просто в парту! Я засунул его прямо в мухинский портфель, оказавшийся довольно-таки вместительным. И запер на блестящий, серебристый замочек. Ежик не уж, он не выползет из портфеля! Счастливый, как никогда, побежал я на большую перемену.

Целых двадцать минут я носился по этажам и даже спустился вниз, где занимались первоклассники. Я изучил всю их стенгазету, в которой были всего две маленькие заметочки, написанные огромными печатными буквами, и много разных картинок, нарисованных цветными карандашами: дома, похожие на сундуки, с широкими трубами и толстыми хвостами дыма; пароходы с такими же трубами и хвостами; паровозы — тоже с трубами и тоже с хвостами... Я уж давно заметил, что малыши очень любят рисовать трубы и дым. И почему бы это? Тут ракеты летают, атомные электростанции строятся, а у них дым столбом!

В общем, я старался сделать так, чтобы поскорей промчалась большая перемена: уж очень мне не терпелось узнать, что произойдет на уроке.

А случилось совсем неожиданное.

Я ничего не слышал и ничего не видел, кроме рук Лельки Мухиной. А они полежали немного на крышке парты, словно отдохнули после перемены, потом поправили волосы, а потом... потом полезли в парту за учебником. Я затаил дыхание: что сейчас будет?! Вот Лелькины руки скрылись внутри. Вот сейчас... Сейчас Лелька вскочит и завопит на весь класс, на всю школу, на всю улицу... И все ребята тоже вскочат и побегут на помощь Лельке. А потом увидят нашего мирного Борьку и будут долго-долго хохотать. Вот сейчас, сейчас... Но ничего такого не произошло. Лелька преспокойно достала учебник, по-девчачьи аккуратненько завернутый в белую бумагу. Открыла нужную страницу и стала водить пальцем по строчкам.

— Что у вас такое, Котлов?

Я не верил своим глазам. Как же так? Ведь Борька лежал в портфеле поверх всех учебников и тетрадок. Она не могла, просто не могла не наткнуться на его колючки! И все-таки, словно желая еще больше удивить меня, Лелька снова полезла в портфель и достала оттуда тетрадь с аккуратной розовой ленточкой и такой же аккуратной розовой промокашкой.

Это было какое-то чудо! Чтобы я не так уж сильно удивлялся, Анна Рудольфовна сказала:

— Котлов, раскройте учебник и работайте вместе с нами!

Я сунул руку в свой портфель... И вот тут действительно раздался крик! Но вовсе не Лелькин, а мой собственный. Я вскочил на ноги и стал дуть на руки. И все ребята повернулись ко мне. А Анна Рудольфовна даже поднялась со своего стула:

— Что у вас такое, Котлов?

— Тут эти... ну, как их?.. Которые колются... Гвозди! — сказал я, посасывая два уколотых пальца. Лелька Мухина жалостливо покачала головой.

Чтобы ребята перестали наконец вертеть головами, Анна Рудольфовна решила вызвать меня к доске: там уж меня все сразу увидят.

— Но ведь у меня... эти самые... пальцы...— промямлил я.

— Вы, надеюсь, будете отвечать не пальцами,— строго сказала Анна Рудольфовна.— Разве голова и язык у вас тоже повреждены?

Я поплелся к доске. Но это даже не очень огорчало меня. Одна мысль сидела в голове: «Каким образом Борька попал обратно ко мне в парту? Или он тоже, как и собака, верный друг человека и всегда находит своего хозяина?»

Да-а... Хорош друг! Все, все испортил. Прав был наш Дима, когда назвал его Нигилистом. Типичнейший нигилист!

13 ноября.

С Витькой невозможно стало ходить по улице, он то и дело вскрикивает: «Ой, спутник летит! Спутник летит!..» Вокруг нас сразу собираются прохожие. Витька тычет пальцем в небо, и все задирают головы вверх. Но всегда кто-нибудь догадывается раскрыть газету, где черным по белому написано, что в это самое время спутник должен пролетать над Порт-Саидом или над Аддис-Абебой...

— А мне показалось...— разводит руками Нытик.— Вон там, вон там! Видите?..

Я решил провести наблюдения за спутником серьезно и вполне научно. И хотя некоторые видели спутник, как говорится, невооруженным глазом, я все-таки решил вооружить наши с Витькой глаза. Но чем вооружить?

Мы перерыли все старые сундуки и чемоданы, пропахшие нафталином, но никаких, даже самых старых подзорных труб и телескопов у наших родителей не оказалось. А между тем в «Последних известиях» по радио передали, что завтра, ровно в 6 часов 10 минут утра, второй спутник пролетит над Москвой. Что было делать? Я уж совсем приуныл.

Но вот вечером раздался телефонный звонок, и Витька, захлебываясь, торжествующим шепотом сообщил мне со своего нижнего этажа:

— Ура! Нашел старый бабушкин бинокль. Театральный... Левая трубка не работает... То есть она работает, но только в одну сторону.

— Как в одну?

— Уменьшает!..

— Это нам совсем ни к чему...

— Зато другая и увеличивает тоже! Знаешь, как увеличивает!

— Ну, тащи его сюда!

Ровно через три минуты мы с Витькой уже заперлись в нашей ванной комнате и стали разглядывать бинокль его бабушки. Это был очень старинный бинокль. И красивый: сам весь белый, из камня какого-то (Витька сказал, что из перламутра), а ручка и ободки золотые. Я посмотрел в один глазок — и наша ванна показалась мне маленькой-маленькой, как крышка от белой мыльницы. А посмотрел в другую трубку — и ванна стала огромной, хоть втроем туда залезай! Посмотрел на рыжую кошку Мурку, прикорнувшую на табуретке,— и она показалась мне настоящим рыжим тигром, усатым и страшным.

— Бабушка с этим биноклем в театр ходила!..— как-то мечтательно произнес Нытик.

— Подумаешь, в театр! Всякую там ерунду смотрела!.. А мы вот увидим спутник. Понимаешь, искусственный спутник Земли! Твоя бабушка должна быть просто счастлива за свой бинокль, что ему на старости лет выпала такая честь! Понял?

Решено: завтра, в половине шестого утра, мы уходим из дому для научных наблюдений!

14 ноября.

Мне казалось, что я всю ночь не спал. Но это было, наверно, не совсем так, потому что мне снились сны. А раз они снились, значит, я все-таки немножко спал. Мне снились спутники и ракеты-носители, в которых восседали собаки и преспокойно лаяли на Луну. А Луна хитро улыбалась вверху, словно дразнила их: а ну, достаньте, доберитесь! И мы с Витькой стали добираться до нее. Мы совсем уже почти добрались, но нам помешал будильник.

Я протянул руку, чтобы остановить звонкий, дребезжащий голосок, но будильника на стуле не было. Вот удивительно: ведь вчера я поставил его именно сюда! А теперь он трезвонил откуда-то с книжного шкафа. Опять чудеса!!!

Зато рука моя наткнулась на что-то большое, твердое и продолговатое. Я быстро зажег настольную лампу, и Дима сразу заворочался и заворчал на своем диване:

— Эгоизм! Не может в темноте одеться!

Одеться в темноте я, конечно, мог. Но я никак бы не мог разглядеть предмета, лежавшего на стуле возле моей кровати. А это был настоящий полевой бинокль! Да, да, бинокль! Такой же точно, как те, с которыми ходят и в которые разглядывают поля сражений разные знаменитые полководцы на картинах и в кинофильмах. Честное слово, я подумал, что еще сплю. Я подбежал к дивану и тряхнул брата за плечо:

— Дима, я сплю, а?

— Завтра ночью ты будешь спать в коридоре! Совсем распустился!..

Нет, это было не во сне! Такую фразу мог произнести только мой старший братец Димочка и только наяву.

Но откуда же полевой бинокль? Откуда?! Я осторожно погладил его, прижал к груди, а потом взглянул сквозь его стекла на Диму. И брат сразу уехал на своем диване куда-то далеко-далеко, чуть ли не на край света. Я перевернул би-

нокль — и вдруг увидел прямо перед своим носом огромное, свирепое и малознакомое (потому что без очков) Димино лицо:

— Сейчас же потуши свет!

Одевался я в коридоре... Наша соседка-старушка уже ставила чайник на газовую плиту.

— И что ты так рано поднялся, Сева? Это нам, старикам, не спится. А тебе?..

— На спутник хочу поглядеть, тетя Паша.

— А зачем же вставать так рано? Поглядел бы днем: и светлее и видать лучше.

— Так он, тетя Паша, понимаете ли, в определенное время пролетает. Днем его не будет.

— Ну, погляди, погляди. Потом расскажешь на кухне. Это ты молодец!..

Вышел из комнаты папа, в пижаме и с какой-то бумажкой в руке.

— Тебе, Сева, вчера, поздно вечером, прислали бинокль... Я положил его на стул возле кровати. И еще вот эту записку просили передать.

— Как «прислали»? Как «просили»? Кто именно просил?

— Человек какой-то...

Папа потянулся и зевнул.

— Мужчина или женщина?

— Не знаю... Кто-то из соседей дверь открывал, а я не разглядел... Кажется, мужчина.

— Кажется! И как это можно было не разглядеть?!

Папа не спеша, будто ничего такого не случилось, пошел в ванную комнату.

Записка была напечатана на пишущей машинке: «Посылаем тебе полевой бинокль для наблюдения за спутником. Завтра же, после уроков, оставь его в своей парте и сразу уходи! Не вздумай только следить. Если вздумаешь, будет беда!»

Внизу стояли три большие буквы: «Т С Б».

Что это значило? Кто прислал мне бинокль? И эту записку?! И что такое «ТСБ»? Ведь никто, никто, кроме меня и Витьки, не знал, что мы собираемся наблюдать за спутником!

Но размышлять было некогда: скоро уже этот самый второй спутник должен был появиться над Москвой. И я побежал к вешалке...

На улице было утро. Или, верней сказать, только так считалось, что это утро, а на самом деле еще стояла самая настоящая ночь. Было совсем темно. И шел мокрый снежок. И было холодно. Витька поеживался и по своей противной привычке тихонько скулил:

— Ну да-а, тебе хорошо-о: у тебя теплое пальто. А у меня куртка... Да-а, тебе хорошо-о: ушанку надел. А у меня кепка... А что ты прячешь под пальто?

— Тайна!

— Покажи-и... Ну, покажи-и...

— Не скули! Все равно не покажу. Вот придем на бульвар...

— Покажи сейча-ас!..

— Замолчи!

— А я тогда тебе бабушкин бинокль не дам! Вот!..

— Ха-ха-ха! — сказал я громовым голосом прямо Витьке в лицо.— Сдалось мне твое театральное старье! Отправь его в музей. Понял? У меня есть кое-что получше!

И тут я вытащил из-за пазухи свой полевой бинокль. Витьку на утреннем морозе пот прошиб.

— Бинокль?! Откуда?

— Тайна!.. Сам не знаю.

— Как не знаешь?..

Но тут мы пришли на бульвар. Все лавочки были уже заняты. И это в шесть часов утра! Люди были с телескопами, с подзорными трубами... И только у меня в руках был полевой бинокль!

Рядом с нами на лавочке сидел старичок — маленький, сморщенный, замерзший. А телескоп у него был огромный, на высоком треножнике. Этот телескопище был похож на какую-то птицу с тонкими ногами и длиннющим клювом, только без крыльев.

— Тише, тише, молодые люди! — зашептал он нам.— Мы присутствуем при великом событии!..

И мы с Витькой стали переговариваться торжественным шепотом. Я долго разглядывал в свой могучий бинокль и бледное небо, и снежинки, каждая из которых казалась огромным снежным комом, и памятник великому русскому писателю...

А где-то внизу ныл Витик:

— Дай мне-е... Дай посмотре-еть...

Я оторвался от могучего аппарата и взглянул на Витьку. Он, со своим стареньким бабушкиным биноклем, был какой-то очень несчастный и смешной.

— На, посмотри немножко,— сказал я.

Витька прямо впился в круглые стеклянные линзы. И тут по всему бульвару пошел крик: «Летит! Летит!..». И Витька тоже заорал, как полоумный:

— Лети-ит!..

Я вырвал у Нытика бинокль и направил его прямо в небо. И вдруг сердце у меня забилось, и так сильно, что я даже придержал его локтем: я увидел, как по темному небу мчится красная звездочка. Наша! Красная!..

— Ур-ра! — завопил я на весь бульвар.

И маленький замерзший старичок тоже вдруг подхватил хриплым голоском:

— Ур-ра! Ура, друзья мои!..

А когда мы шли с Витькой обратно домой, мы уже твердо решили, что полетим на Луну, на Марс и куда-нибудь еще подальше. Мы знали: обязательно так и будет! Мы знали это совершенно твердо!

А вот откуда появился вдруг полевой бинокль, мы еще не знали... Откуда же?!!

17 ноября.

Летом можно гонять в футбол, зимой — играть в хоккей. А что делать осенью? На улице слякоть, грязь и вообще противно.

Ребята стали приставать к председателю совета отряда Толе Буланчикову:

— Ну, придумай что-нибудь! Придумай! Не зря ведь мы тебя выбирали!

Толя морщил лоб, чесал затылок, важно вертел в руках самопишущую ручку, но так ничего умного и не придумал. Тогда он созвал совет отряда совместно с активом.

— Пионер должен быть всем ребятам пример,— сказал Толя.— Он должен все время совершать хорошие, общественно полезные дела!

— Это мы без тебя знаем! — крикнул кто-то.— Ты что-нибудь интересное изобрети! Новенькое!

— Давайте подумаем вместе! Всем коллективом! — предложил Толя.

— Собирать металл! — крикнули сзади.

— Мы всегда собирали, собираем и будем собирать металлолом,— сказал Толя. И, заглянув в

ждать. И, наверно, от этого у меня произошло полное затмение мозгов.

Так ничего и не придумав, мы разошлись по домам.

19 ноября.

В последнее время я так привык ко всяким чудесам, что даже перестал обращать на них внимание. И я почти не удивился, когда нашел сегодня в парте записку, опять отпечатанную на пишущей машинке: «Эх, вы, горе-изобретатели! Неужели ж вы забыли, что почти в каждом доме есть люди, которые нуждаются в вашей помощи: пенсионеры, инвалиды войны! И еще: прямо напротив школы вырос новый дом. Неужели не заметили? Да ослепли вы, что ли? Дом еще надо немного принарядить: очистить от мусора и так далее. Тоже ведь неплохое дело, а? Мозгами надо шевелить, ребят-ки!»

И опять в углу стояли те же три буквы: «Т С Б». Я сразу помчался к Толе Буланчикову и потребовал внеочередного созыва совета отряда совместно с активом.

— Мы же только позавчера собирались,— сказал Толя.— Нельзя устраивать заседательскую суетню! Любит наш председатель умные выражения!

— Да при чем тут суетня! Никто вовсе не будет суетиться. Есть гениальные общественно полезные дела! Понял?

На совете отряда я аккуратно изложил все, о чем было напечатано в таинственной записке. Правда, о самой записке я почему-то забыл упомянуть. И все подумали, что новые полезные дела придуманы лично мною. Все хвалили меня.

И только один Витька заныл:

— Да-а... У нас на весь дом только один пенсионер, и Севка его обязательно захватит!

— Как тебе не стыдно! — возмутилась Наташа Мазурина.— Вы можете вдвоем шефствовать над этим пенсионером. Может, он совсем слабый, больной, бессильный...

— Это хорошо-о, если больной,— протянул Витька.— А если здоровый?!

— Ты не должен так говорить! — воскликнула Наташа, самая сознательная девочка в нашем 6-м классе «Б».— И вообще Сева молодец: ведь это он все придумал!

Я стал быстро-быстро собирать книжки... Но, впрочем, неважно, кто это придумал! Важно, что

— Ура! — завопил я на весь бульвар.

тетрадку — словно не помнил наизусть! — добавил: — Из собранного нами металла можно изготовить десять новых автомашин «Победа»!

— А сколько «ЗИМов»? — ехидно крикнул кто-то.

— Насчет «ЗИМов» я не в курсе.

— Знаем! Слышали! Что-нибудь еще придумай!

— Давайте собирать бумажную макулатуру,— пропищала со своей парты Леля Мухина.

— Как тебе известно, Леля, мы и это делаем! — Буланчиков снова заглянул в тетрадку.— Из собранной нами макулатуры можно сделать двадцать тысяч новых тетрадок. И мы будем продолжать эту работу.

— Будем, будем! А что-нибудь еще!.. Что-нибудь, чего мы еще никогда не делали!

— Может быть, Сева Котлов нам поможет? — сказал Буланчиков.— Он ведь у нас великий изобретатель!

Все повернулись, стали смотреть на меня и

дела хорошие. Это ведь самое главное! А кто придумал, я, между прочим, и не знаю даже. От кого приходят эти записки? И кто такой «Т С Б»? Кто?!

30 ноября.

Степан Петрович жил в нашем подъезде, на третьем этаже, но мы с Витькой видели его очень редко. У Степана Петровича были, оказывается, больные глаза, он очень плохо видел и редко спускался вниз. Чаще всего он просто сидел дома или дышал воздухом на своем балконе. А балкон этот выходил не во двор, а в переулок, а в переулке нам с Витькой делать было совершенно нечего...

В общем, мы редко видели Степана Петровича. А он помнил нас только маленькими, когда мы еще не ходили в школу и не гоняли в футбол, мы тогда ездили в каких-то белых колясочках по бульвару и вели самый настоящий паразитический образ жизни: целый день или спали, или ели. Степан Петрович сказал, однако, что мы были очень славные ребята. Узнав про эти его слова, мама вздохнула:

— Ну, тогда, можете не сомневаться, его ждет жестокое разочарование!

И еще мама сказала, что наш подшефный пенсионер станет теперь самым несчастным человеком на свете и что общественность или райсобес должны не медля ни одной минуты спасти его от нашего шефства. Верите ли? Так прямо и сказала: «Спасти!».

— Ничего подобного! — возмущался я.— Мы будем за ним ухаживать: варить ему обед, бегать за всякими там покупками, убирать комнату и читать ему книжки!

Мама заявила, что после того, как мы один раз сварим обед, надо будет вызывать минимум трех уборщиц, чтобы они скребли кастрюли, в которых все пригорит, чистили плиту и мыли пол. В общем, мама почему-то не верила в наши хозяйственные способности... И очень зря! Я сразу блестяще все организовал. Прежде всего я распределил обязанности: Витька варит обед, бегает за покупками и убирает комнату, а я читаю Степану Петровичу книги и газеты.

Витька, конечно, не согласился. И заныл:

— Ну да-а... Выбрал себе самое легкое!

— Не самое легкое, а самое ответственное. Я взял на себя, так сказать, политическую часть шефской работы. Понял?

Тем более, скоро оказалось, что обед варить вовсе не нужно: это делала соседка Степана Петровича. Значит, за Витькой остались только магазины да еще уборка комнаты. И он выполнял эти обязанности с большим удовольствием! Он даже научился различать сорта мяса: какое для супа, а какое для котлет. На рынке Витька обычно долго торговался с молочницами. И тут, между прочим, очень пригодился его характер: он так долго ныл, что молочницы в конце концов уступали ему, лишь бы отвязался. Витька, запыхавшись, влетал в комнату и победным голосом сообщал:

— Сегодня купил молоко на тридцать копеек дешевле!

— Зачем же это, Витя? — спрашивал своим глуховатым голосом Степан Петрович и протягивал вперед руку: разговаривая с человеком, он почему-то обязательно должен был держать его за плечо или за локоть.

Витька подходил поближе и деловито объяснял:

— Да так интересней! А то скучно очень: подошел, заплатил деньги, купил... Никаких событий!

Каждое утро Степан Петрович получал сразу четыре газеты, и я читал ему вслух. Сперва я очень волновался и читал с выражением, будто стихи декламировал.

Но Степан Петрович сказал, чтобы я читал просто и тихо, как разговариваю, а не надрывал себе попусту горло.

И я стал читать по-человечески.

Но дело, конечно, не в этом. А в том, что, читая каждый день по четыре газеты, я стал очень образованным в политическом отношении. Я лучше всех в нашем классе знал теперь о важных событиях, которые происходят у нас в стране и далеко-далеко за ее границами. На переменках я громко наизусть произносил такие мудреные названия заграничных газет, которые и выговорить было трудно.

Я читал Степану Петровичу и книги тоже. Только у нас вышли небольшие, как это пишут в газетах, разногласия. Я больше всего люблю книги про войну, а Степан Петрович таких книг не любит. Ему тяжело вспоминать о войне: ведь он и в финской участвовал и в Отечественной. А в 1945 году под городом Кенигсбергом его сильно контузило, и он с тех пор стал плохо видеть. И два сына его погибли на войне. Их фотографии висят на стене, над кроватью Степана Петровича, в красных, прямо до блеска от-

— Сегодня купил молоко на тридцать копеек дешевле!

полированных рамках. И когда Витька начинал убирать комнату, Степан Петрович всегда просил его не трогать эти рамки, чтобы он случайно не поцарапал их, не попортил, не разбил стекло.

Степан Петрович сам следил за этими фотографиями.

У Степана Петровича большая, лохматая голова. И вся белая, седая. А на лице рябинки попадаются... Иногда, когда я читаю газету или книгу, Степан Петрович вдруг задумывается о чем-то и опускает свою большую голову низко-низко. Я тогда могу замолчать, прекратить чтение, а он и не заметит. Я даже уйти могу — он и этого не заметит. И даже «до свидания» мне не скажет. О чем-то он думает, что-то вспоминает...

А иногда он бывает очень веселым и тогда угощает нас всякими вкусными вещами. Даже неудобно получается: Витька накупит чего-нибудь к чаю, а мы сами все это и съедим. И Степан Петрович очень доволен! В такие минуты он нас очень часто сравнивает со своими ребятами, с теми, которые на стене, в красных отполированных рамках:

— А мои вот сладкого не любили. Кислое им, бывало, подавай: капусту или огурцы. И мои тоже часто вслух читали газеты или журналы. Я тогда еще видел вполне прилично. А они все равно читали мне. И еще друг у друга книжку выхватывали. Один говорит: «Моя очередь!»,— а другой: «Нет, моя!..» И такие книжки читали мне, которые сами чуть ли не наизусть знали. И все предупреждали: «Вот сейчас будет самое интересное, вот сейчас!..»

— И я часто так делаю...— сказал я.

А Степан Петрович в ответ почему-то тихо-тихо погладил меня по голове.

Да, в общем, мы шефствуем над Степаном Петровичем. И я до того увлекся этим делом, что даже целых одиннадцать дней дневник не писал. А сегодня вот все сразу и выложил.

Нет, не все. Я совсем забыл рассказать об одном загадочном происшествии. Оно как раз и Степана Петровича касается.

Спускаюсь я однажды на третий этаж, вынимаю из почтового ящика все четыре газеты, вхожу в комнату и вдруг вижу на стене, возле балкона, полевой бинокль. Тот самый! Честное слово, тот самый, который я, согласно приказу, положил после уроков в свою парту. Я тогда в точности выполнил приказ: не стал подглядывать, куда исчезнет бинокль, кто именно придет за ним. И зря не стал подглядывать: сейчас бы я уже не ломал себе голову, не путался бы в разных дурацких догадках, кто и откуда узнает заранее о всех наших планах, кто интересуется ими... Да я-то полевой бинокль в парту положил, а он вдруг здесь, у Степана Петровича на стене, оказался!

— Степан Петрович, это тот самый бинокль, да? — спросил я тихо.

— Какой «тот самый»?

— Ну, который... возле моей кровати...

— Возле твоей кровати? Ты что-то путаешь, Сева. Этот бинокль — мой боевой спутник! Он со мной на всех фронтах побывал.

— А тогда, ночью... его никто у вас не забирал? Его ведь вчера на стене не было. Он только сегодня появился.

— Брал его у меня один сосед по дому. Он астрономией интересуется.

— Ах, сосед!

Нет, сосед Степана Петровича, конечно, не мог переслать бинокль в нашу квартиру: мы с ним и незнакомы вовсе! А может, это совсем не тот бинокль, в который мы с Витиком-Нытиком спутник наблюдали? Может, это просто двойник того бинокля? Ведь на свете, наверно, много одинаковых биноклей! Да, конечно...

А все же странная какая-то история. И вообще много странного происходит со мной в последнее время. Что все это значит? Не пойму. И никто, я уверен, не поймет. Может быть, рассказать все это моему старшему брату Диме? Нет, нельзя: он на смех поднимет, не поверит, а за колючего Нигилиста просто со свету меня сживет. Он ведь у нас такой дисциплинированный, такой сознательный! Лучше дам ему свое сочинение проверить на тему «О чем я мечтаю».

Я всегда показываю Диме свои сочинения и его дневник, его тетрадки по литературе тоже люблю почитать на досуге. Он, между прочим, недавно написал сочинение про любовь в стихах Пушкина, за которое ему сразу поставили пять с плюсом. Я еще никогда не получал такой отметки.

А это сочинение — «О чем я мечтаю» — мне было особенно трудно писать. Ведь я мечтаю об очень многом: и о полете на Луну; и о новых беговых «норвежках»; и об альбоме с марками (особенно с «треуголками»!); и о том, чтобы наш Димка хоть раз в жизни получил двойку или хотя бы троечку с минусом и перестал быть для меня, как говорит мама, «живым укором»; и о том, чтобы меня приняли в нашу общешкольную футбольную команду, хоть когда-нибудь, пусть даже через десять лет (хотя я ведь тогда уже не буду школьником!); и о том, чтобы разгадать все таинственные случаи, которые произошли со мной в последнее время...

(Продолжение в следующем номере).

В СТРАНЕ БОГАТЕЙШЕЙ ФЛОРЫ И ФАУНЫ

И. СОСНОВСКИЙ,
директор Московского зоопарка

ЗАМАНЧИВОЕ ПИСЬМО

Каждый день рано утром в комендатуру Московского зоопарка приходит почтальон. Из своей сумки он достает толстую пачку писем, газет и журналов. Не успеет уйти почтальон, как появляется разносчик телеграмм.

Нам пишут из самых разных мест. Охотники с далекого Севера предлагают пойманного белого медвежонка, участники экспедиции в Туркмении — кобру, матросы парохода дальнего плавания спрашивают, как воспитывать добытых ими где-то в тропиках попугаев. Немало писем приходит и из зарубежных стран.

Мо Цэ. Рыбная ловля.

Вот однажды, разбирая утреннюю почту, я обратил внимание на большой конверт с адресом, написанным иероглифами. Это было письмо из Пекина. Китайские товарищи приглашали нас к себе — познакомиться с работой их зоопарков и помочь в организации заготовок различных диких животных, которые водятся на территории Китая: удавов, крокодилов, ядовитых змей, леопардов, тигров, гигантских саламандр, попугаев, фазанов.

Это было очень заманчивое предложение. В лесах, горах и пустынях Китая можно встретить самых разнообразных животных. Одних только позвоночных там более трех с половиной тысяч видов. Это примерно одна десятая часть всех видов, ныне существующих на нашей планете.

Предложение китайских товарищей мы, конечно, приняли. Сборы были недолгими, и вот уже поезд Москва — Пекин, изрядно запылившийся за девять суток пути, остановился на перроне Пекинского вокзала.

Пекин... Один из самых древних городов Китая. Ему две с лишним тысячи лет. В Пекине много исторических памятников: дворцы, прежде принадлежавшие императорам, древние храмы, крепостные стены, башни и другие сооружения.

Но меня, как натуралиста, конечно, особенно интересовала природа Пекина и его окрестностей. Хотелось поскорей познакомиться с ней. Это желание начало исполняться быстрей, чем я ожидал.

НЕЖДАННЫЕ ГОСТИ

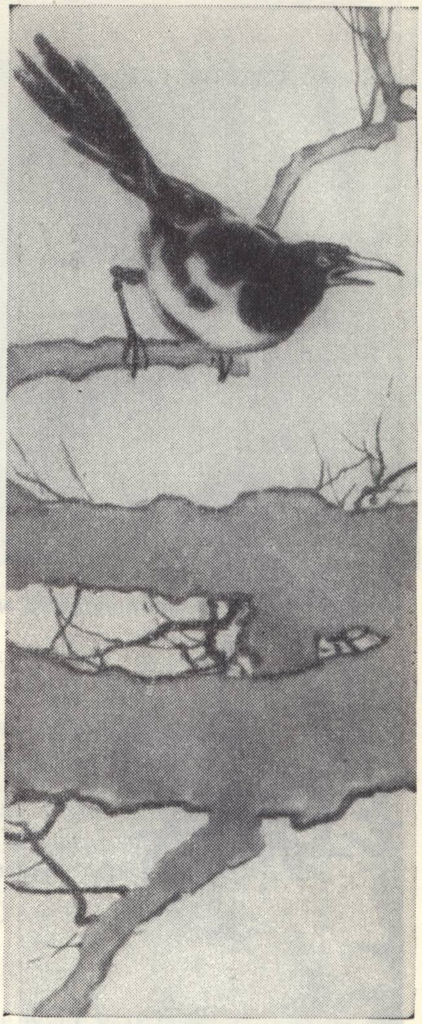
Вместе с другим товарищем из нашей группы меня поместили в особняке, расположенном посреди одного из парков столицы, у пруда с заросшими зеленью берегами.

Было начало июня. В это время года жара в Пекине нередко достигает сорока — пятидесяти градусов и даже ночью не спускается ниже тридцати. Влажность воздуха тоже высокая, и чувствуете вы себя, как в жарко натопленной бане.

Уснуть в такой обстановке с непривычки трудно. Однако сон все же одолел меня. Проснулся я на заре; свет уже пробивался сквозь занавески. Вдруг послышался какой-то странный шорох. Повернув голову, я увидел: на полу что-то шевелится. Всмотрелся — похоже на рака. Движется в сторону моей кровати. Зажег свет. Вот так приятная встреча! Около моих ботинок, высоко подняв хвост и клешни, полз крупный скорпион. Укус его в это время года бывает опасен даже для человека. Недолго думая, я накрыл скорпиона подушкой, а потом с помощью пинцета извлек из-под нее и опустил в банку со спиртом.

Спать после такого случая что-то не хотелось. Я встал и отправился в умывальную комнату, и что бы вы думали?! Здесь меня ждал второй скорпион! Его ножки скользили по гладкой поверхности ванны. Видимо, он упал в нее с потолка и оказался в ловушке. Пришлось мне облить его горячей водой из крана, чтобы отправить к собрату, в банку со спиртом. Так мои первые трофеи сами пришли ко мне.

Впоследствии этот дом у пруда дал мне возможность собрать много интересной живности. С наступлением темноты мы зажигали два ярких фонаря и оставляли их до утра. Свет фонарей привлекал разнообразных ночных бабочек, жуков, комаров, а они, в свою очередь, — летучих мышей, жаб и ночных ящериц, которые охотятся за ними. Многие из насекомых попадались в паутину огромных пауков, живших под карнизом дома. Утром я извлекал их из паутины, подставляя лестницу. А пауков не трогал, они были мне отличными помощниками. Только перед самым отъездом я отловил несколько экземпляров для музейных коллекций.

Сюй Бэй-хун. Сорока.

Среди обильной зелени пекинских улиц, скверов и особенно парков, где много деревьев, насчитывающих больше двухсот — трехсот лет жизни, селится много птиц: скворцы, синицы, удоды, дятлы, дронго, голуби, зимородки. А больше всего сорок. Китайцы оберегают сороку. И хитрая, осторожная «белобока», привыкнув к безопасности, ведет себя в городе необычайно смело: ходит у ваших ног и берет корм из рук. Ночуют сороки на деревьях, где к вечеру их собираются многие тысячи.

На окраинах Пекина встречаются дикие леопардовые кошки. Размером они немногим больше обыкновенной домашней, живут на деревьях и охотятся за птицами. Нам удалось поймать одну из них.

Мы проследили, что она прячется на день в дупле большого дерева. И вот, когда кошка скрылась в дупле, мы привязали к отверстию сетчатый мешок и загнали в него маленького хищника. Кошка яростно сопротивлялась, шипела, металась, старалась вырваться из плена, но напрасно!

ТРИОНИКС

Лодка плыла по большому озеру, на берегах которого среди чудесных садов расположен летний императорский дворец. Впрочем, и сады эти и дворец теперь не императорские. Лодка, собственно, не плыла, а пробивалась сквозь чащу водяных растений. Отталкиваясь от дна длинными бамбуковыми шестами, мы двигали ее вперед. Время от времени приходилось спускаться в воду, чтобы ножами или просто руками расчищать путь.

Ло Пинь. Бамбук.

При этом нельзя было отпускать борт лодки. Озеро неглубокое, но илистое дно моментально засасывает, а длинные, густые водоросли оплетают ноги, как сетью.

Нестерпимо палит солнце. Чтобы не получить солнечного удара, мы защищаем головы круглыми листьями лотоса. Диаметр этих листьев — до семидесяти пяти сантиметров. Прямо как зонтики!

Мы слышим голоса и хлопанье крыльев самых разнообразных птиц. Но камыши вокруг нас такие густые, что увидеть здешних пернатых никак не можем. Зато забавно наблюдать за подводными обитателями озера. Вот метнулся в сторону от лодки похожий на змею угорь и поспешно зарылся в ил. Вот справа и слева по борту то и дело проплывают стайки мелких, ярко окрашенных рыбок. Прямо как в аквариуме!

А вот над поверхностью воды поднялся чей-то хоботок, захватил воздух и исчез. Мы остановились и стали наблюдать. Хоботок высунулся опять. Ясно были видны две ноздри. Потом показалась на длинной шее и вся голова с маленькими острыми глазками. Это трионикс — кожистая водяная черепаха. У нее верхний и нижний щит покрыты мягкой кожей. У трионикcов очень злобный нрав. Они могут сильно поранить челюстями. Челюсти у них хотя и без зубов, но зато с зазубренными, как пилка, роговыми краями.

Продвигаясь дальше и всматриваясь в водоросли, я стал различать маленьких черепашек этого же вида. Размером они были с медный пятачок и копошились среди подводных растений, добывая там себе корм: червей, мальков и улиток. Триониксы-детки выводятся из яиц, отложенных взрослыми самками на берегах озера. Как только яйцо разломается на две скорлупки, молодой черепашонок спешит к воде — и бух в нее! С первых же дней он начинает самостоятельную жизнь.

ПТИЧИЙ ОСТРОВ

Наконец заросли камыша стали редеть. Открылся необыкновенной красоты уголок. На большом пространстве поверхность воды сплошь заросла лотосами. Среди их листьев и цветов плавали изумительные по своей красоте уточки мандаринки. Селезни мандаринок так разноцветно и ярко окрашены, что кажется, кисть волшебника разрисовала их. А самочки совсем невзрачные, серые. Это у них покровительственная окраска. Уточки много времени сидят на гнезде. Будь они в ярком оперении, их легко находили бы хищники. В серенькой, незаметной одежке куда безопаснее и спокойнее выводить птенцов.

Цветы лотоса, большие белые или розовые, очень красивы и издают нежный аромат. А корневище лотоса и семена — орешки, запрятанные в коробочку, вроде детской погремушки,— съедобны и широко используются в пищу. Не пропадают и листья. Китайские торговцы фруктами, ягодами, мясом и другими продуктами используют их вместо оберточной бумаги.

Мы подъехали к острову, на котором расположен птичий заповедник. Привязали лодку и перебрались на берег. Охраны в заповеднике нет. Шелковые ленточки и фанерные дощечки с иероглифами прикреплены к стволам деревьев. Иероглифы

предупреждают: «Лазать на деревья нельзя», «Яйца брать нельзя». Этого вполне достаточно, чтобы приезжающие не нарушали законов заповедной территории.

В центре острова—развалины старинной башни, построенной несколько столетий назад. Забравшись на ее стены, мы смогли наблюдать большую колонию квакв — белых, серых и рыжих цапель. Они строят гнезда из сухих веточек на сучьях деревьев и совершенно не враждуют между собой, несмотря на то, что гнезда их расположены рядом, а иногда и вплотную друг к другу.

Озеро изобилует рыбой, лягушками, моллюсками. И взрослые птицы и птенцы всегда сыты. Враждовать им нет причины. Цапли заметили нас. В воздух взлетело сразу несколько сотен птиц. Потом они все постепенно успокоились и одна за другой снова чинно уселись на зеленые макушки деревьев, высоко запрокинув головы на длинных, гибких шеях.

Панда сердится и шипит.

С разрешения городских властей мы с китайскими товарищами должны были отловить несколько птенцов белых цапель. Они уже настолько подросли, что их можно было разлучать с родителями.

Но не так-то просто оказалось добыть птенцов! У них настолько цепкие лапы, что, падая из гнезда, они легко зацепляются за ветки и виснут на них, иногда даже головой вниз. Все же, изрядно потрудившись, мы справились с задачей и перенесли в лодку шесть будущих жителей зоопарка.

НОЧНАЯ РЫБАЛКА

Вечером на большой плоскодонной лодке мы отправились ловить рыбу. Веслами служили длинные бамбуковые шесты. Они пустотелы, прочны и легки.

Бамбук широко распространен в Китае, и стволы его находят самое разнообразное применение: водопроводные трубы, шляпы, корзины, бумага, крыши домов, мебель, посуда, занавески, художественные изделия и домашняя утварь изготовляются из бамбука. Молодые бамбуковые ростки употребляются в пищу в отваренном виде или засоленные, как огурцы.

Бамбук удивительно быстро растет. Если вечером вы заметите только что про-

Толстый лори проснулся.

бившиеся из земли клиновидные ростки, то к утру они будут уже в несколько сантиметров высотой, а за сутки вытянутся на десять — пятнадцать сантиметров. Разновидностей бамбука очень много. Среди них есть такие, у которых высота больше двадцати метров (семиэтажный дом!), а толщина стволов — с ведро. Хотя в зарослях бамбука можно заблудиться,— это не лес, а сам бамбук не дерево. Он относится к семейству злаков и, значит, в родстве с пшеницей, ячменем, овсом и даже с сорняками вроде пырея.

Но вернемся в нашу лодку, которая уже далеко ушла от берега, бесшумно скользя по гладкой поверхности озера. Лодочники так ловко работают шестами, что видны только их движения и не слышно ни малейшего плеска. Уже стемнело, на носу лодки зажгли яркий фонарь, и луч света направили в толщу воды. Вода была совершенно прозрачной, легко просматривалось дно. Метр за метром двигались мы все дальше и дальше. Около фонаря — два рыбака с трехзубыми острогами наготове. Надо иметь большой навык, точный глаз и руку, чтобы в какие-то доли секунды метнуть острогу и не промахнуться! Вот в лучах фонаря мелькнула тень... Удар!.. В лодке заплескалась большая рыба. Китайцы называют ее черной рыбой. По форме она напоминает нашу щуку. Зоологическое название — змееголов. Это крупный хищник, обитающий во многих реках Азии.

За несколько часов мы наловили крупных змееголовов, сазанов, карасей и угрей, а с помощью сачка на длинной палке — несколько десятков кожистых черепах. Теперь вся эта масса копошилась у нас под ногами...

В ЗМЕИНОМ ПЛЕНУ

В Китае водятся огромные, пятиметровые удавы — тигровые питоны. Это змеи не ядовитые, но опасные. Они обладают большой мускульной силой. Сжатие колец питона смертельно для животных и человека.

Меня давно интересовало размножение этих гигантов современного мира рептилий, а тут представился случай сделать интересные наблюдения. На одну из заготовительных баз Пекинского зоопарка было доставлено шестнадцать питонов, и все крупные. Мы выпустили их в обыкновенную комнату служебного строения базы, предварительно затянув сеткой окно. Пятнадцать питонов, как только открывались крышки транспортного ящика, высовывали головы и быстро выползали в комнату. А один никак не хотел переселяться: шипел, раскрывал пасть, бросался.

В чем дело? Закрыли ящик, стали всматриваться через щели и вентиляционные отверстия ящика, и все сделалось понятно. Это была самка. Она отложила в пути тридцать шесть яиц и не хотела покинуть ящик, ставший гнездом. Пришлось вынимать ее насильно. Яйца взвесили. Вся кладка весила пять с половиной килограммов. Вес одного яйца был сто пятьдесят — сто восемьдесят граммов, в три — четыре раза крупнее куриных. Напомню, что ведь у змеиных яиц нет твердой известковой оболочки, как у птичьих. Она у них мягкая и эластичная.

Когда мы проверяли, нет ли еще самок, готовых к кладке яиц, я случайно остался в комнате один в обществе шестнадцати питонов. В качестве оружия за-

щиты у меня была лишь металлическая палка с крючком вроде кочерги. Что делать?! Главное при любых обстоятельствах — не теряться. Змеи, как правило, нападают только на движущуюся добычу, а стать добычей я никак не хотел. Тихо, чуть заметно передвигаясь, я занял позицию в углу комнаты и замер. Вот несколько питонов подползли вплотную, ощупали мои ноги своими подвижными языками и поползли дальше. Но один из них при этом обвил кочергу и лишил меня единственного моего оружия — пришлось выпустить кочергу из рук. Тогда я медленными движениями снял с себя халат и по сантиметру стал переступать к двери. Большинство удавов интересовалось окном, через которое проникали лучи солнца: им хотелось вырваться на свободу. Вот и дверь близко. Но, как нарочно, один из питонов свернулся у порога. Он все время следил за мной. Поза у него была угрожающая. Тогда я свернул халат комком и бросил его прямо в голову питона. Питон сделал молниеносный бросок передней частью туловища, зубами схватил халат, обвил его кольцами. Видимо, он был очень голоден. Но пока питон догадался, что халат — добыча несъедобная, я открыл дверь и выскользнул наружу.

«ЗАШИТЫЕ» КОБРЫ

Однажды в адрес Пекинского зоопарка с юга Китая снова пришли посылки со змеями. Я помогал разбирать посылки. Был среди них ящик с крупными королевскими кобрами. Длина кобры бывает больше трех метров, а укус ее смертелен.

Мне случалось охотиться на кобру. Кобра сама на человека не нападает, но, заметив опасность, она высоко поднимает голову, расширяет ребра шеи, голова при этом кажется очень большой. Приняв защитную позу, кобра угрожающе шипит и внимательно следит глазами за вашими движениями. Малейшая оплошность — и змея, сделав молниеносный бросок, может укусить вас, поразив своим страшным ядом. В те доли секунды, когда кобра замерла и стоит неподвижно, на нее нужно быстро набросить сачок или прижать ее туловище к земле рогатиной. Змея легко не сдается. Ее длинное и сильное, мускулистое тело извивается, а кончиком хвоста она, как крючком, цепляется за окружающие предметы, отыскивая точку опоры, чтобы вырваться. Но вот все обошлось благополучно. Кобра в мешке, и мешок крепко завязан.

Прогрызть материю змея не может, зубы у нее приспособлены только для схватывания добычи, а большие ядовитые — для защиты и нападения.

Я вспоминал прежние поединки с кобрами, пока вскрывался ящик. И вдруг... китайские товарищи, откинув крышку, стали преспокойно вынимать кобр прямо руками.

Я невольно вскрикнул. Видя мою тревогу и удивление, они засмеялись. Секрет заключался в том, что у каждой кобры верхняя губа была сшита с нижней прочными шелковыми нитками. Змеи шипели, бросались, но пасть открыть не могли. Эта мера предосторожности была принята на месте заготовок кобр. Она вреда змеям не причинила. Вы спросите: как же кобры в дороге питались? А никак! Дело в том, что змеи и другие пресмыкающиеся могут очень долго оставаться без пищи: пять, десять дней, а иногда и несколько месяцев. Их организм живет в эти периоды за счет жировых отложений, накопленных ранее.

Цао Кэ-цзя. Разгневанный тигр.

Желтое с черным... Как ярко! А на сожженной солнцем траве леопард почти не виден.

В ПЕКИНСКОМ ЗООПАРКЕ

Пекинский зоопарк — одна из достопримечательностей города. Население очень любит и охотно посещает парк, где можно увидеть много интересных животных и отдохнуть в живописных уголках местной природы. Здесь и естественные пруды, и каналы, заросшие кувшинками, и красивые аллеи стройных тополей, и чащи кустарников, и масса цветов.

Пройдемся по парку... Вот любимцы всех посетителей — панды. Эти редкие животные обитают в Китае и Индии высоко в горах и ведут скрытный образ жизни. Панда похожа и на кошку, и на медведя, и на росомаху.

Образ жизни панды мало изучен. Почти никто не видал ее детенышей, и неизвестно, как они развиваются. Сейчас китайские товарищи изучают особенности панды, чтобы восполнить этот пробел.

Неподалеку, в просторной вольере, лежат свернувшись серые пушистые зверюшки. Целый день они спят и не двигаются, а пробуждаются только с наступлением темноты. Что образ жизни у них ночной, хорошо видно и по их большим круглым глазам. Это лемуры, или толстые лори. Лори живут в тропических лесах, скрываясь днем среди густой растительности и в дуплах деревьев. Ночью они охотятся за насекомыми, добывают плоды и ягоды. Дневной сон лори настолько глубок, что разбудить их можно лишь с большим трудом. Но стоит спящего зверька поместить днем в темную комнату, как он проснется и станет активным. А откроете окна, дадите свет — лори опять заснет.

В Пекинском зоопарке я увидел впервые самых больших из современных земноводных. Это исполинские саламандры. По форме туловища саламандры похожи на обыкновенных тритонов, но вес их больше восьми килограммов, а длина — до полутора метров. Саламандры — хищники, живут в горных ручьях и реках Японии и некоторых провинций Китая. Затаившись на дне среди камней и коряг, подкарауливают они рыб, лягушек и других мелких животных. Окраска их туловища серая или черная, и различить их в воде трудно. Подолгу лежат саламандры без движения, а потом внезапно короткий бросок — и рыба в зубах.

Вот самка-леопард. Когда у нее было трое котят, она внезапно перестала их кормить и сама перестала есть. В чем дело? Стали наблюдать, всматриваться. Обнаружили, что у зверя загнил один клык. Он почернел, качался и, по-видимому, причинял леопарду сильную боль. Как тут помочь? Представьте-ка зубного врача, залезающего щипцами или бормашиной в пасть свирепого да к тому же еще раздраженного болью зверя...

Едва кто-нибудь подходил к клетке, самка-леопард яростно бросалась на решетку, а голодные котята жалобно пищали. Тогда на решетку натянули мелкую, но прочную сетку. Самку стали дразнить. Она в ярости бросилась вперед и вцепилась зубами в ячейки сетки. Больной клык обнажился. Его мгновенно схватили клещами. Леопард дико зарычал, отпрянул обратно, но... уже без клыка. Прошло несколько часов. «Больная» съела немного мяса, попила воды и растянулась на полу клетки. Маленькие леопардики подползли к матери, стали сосать. Она больше их от себя не отгоняла.

Чтобы познакомиться со всеми обитателями парка, нужно потратить много часов. Слоны, антилопы, дикие быки, крокодилы, тигры, разнообразные птицы и рыбы населяют его.

В парке всегда многолюдно, и особенно охотно его посещают китайские дети.

ПОЕЗД ПЛЫВЕТ ПО ВОДЕ

Знаете ли вы, что такое тропический ливень? Это столько падающей на землю воды, что она может в течение нескольких часов превратить маленький ручеек в речку, речку — в бушующий поток. А если ливень длится несколько суток, то и огромные реки переполняются и выходят из своих берегов. Напор воды разрушает плотины, дамбы, берега. Целые районы суши заливает мутная вода, сметающая на своем пути посевы, огороды, мосты, деревни и даже города.

Ливни в Китае нередки. Они издавна приносили неисчислимые бедствия. Только после победы народа начата планомерная работа по созданию сети отводных каналов и водохранилищ, по укреплению берегов многих рек и в первую очередь таких многоводных и могучих, как Хуанхэ и Янцзы. Но все же они иногда вырываются из-под власти людей.

Закончив все дела в Пекине, мы выехали поездом в Шанхай и на вторые сутки езды попали в полосу сильного наводнения. Все кругом, сколько видел глаз, было затоплено водой. Рабочие, крестьяне, бойцы и офицеры Китайской Народной Армии вели борьбу со стихией, восстанавливая плотины и дамбы, преграждая путь воде.

Наш скорый поезд делал в час пять километров, а то и меньше, потому что полотно железной дороги было скрыто водой. Только рельсы блестели над ее поверхностью, а на отдельных участках и они исчезали.

Непривычно «плыть» на поезде, но ничего не поделаешь: со всех сторон нас окружала вода. Так продолжалось около двух суток.

К вагонам то и дело подплывали рыбы: порой многочисленная стайка мальков, сверкающих на солнце, порой солидный по размерам сазан, змееголов, щука. Любители рыбной ловли из числа пассажиров не стали терять времени. Они вынули из своих чемоданов рыболовные снасти и прямо через окна вагонов или с подножек принялись рыбачить. То и дело крючок с леской выдергивался из воды, в воздухе пролетали серебристые рыбы и исчезали в окнах вагона.

На макушках затопленных деревьев вместо птиц можно было разглядеть водяных черепах, змей, пресноводных крабов.

Но вот мы уже приблизились к Шанхаю. Кончился район затопления, и наш поезд мчался с предельной скоростью. Ночь на юге наступает быстро. В черном бархатном небе вспыхнули мириады ярких звезд, а в воздухе вокруг поезда и на земле вдоль полотна дороги заблистали тысячи мерцающих фосфорическим светом точек. Это летали жуки-светляки. Они так похожи на маленькие звездочки и так ярко светились, что казалось, мы не в поезде, а в космической ракете, мчимся не по земле, а в пространстве среди звезд, число которых беспредельно...

* * *

Наша поездка укрепила дружеские и деловые связи с работниками зоопарков Китая.

Если вы сейчас посетите Московский зоопарк, то нередко на оградах вольер или клеток увидите надписи: «Подарок Пекинского зоопарка». А посчастливится вам побывать в Пекинском зоопарке, вы увидите надписи: «Подарок Московского зоопарка».

А. ТУРКОВ

Голос с книжной полки

— Осмелюсь доложить: я — Иозеф Швейк, пехотинец одиннадцатой маршевой роты Девяносто первого полка армии его величества государя императора Австро-Венгерской монархии!

По правде сказать, я их всех давно пережил — и роту, и полк, и всю армию, и государя императора, и даже всю империю заодно. Ничего от них не осталось, а я живехонек и все такой же, каким тридцать пять лет назад вышел из-под пера моего соотечественника чеха Ярослава Гашека, автора «Похождений бравого солдата Швейка во время мировой войны».

А что за империя была, что за армия! Одни господа офицеры чего стоят!.. Какие шумные попойки — я хотел сказать «победы», вечно я оговариваюсь! А генералы! Этакая бестолочь — тьфу ты, опять! — этакая бездна ума, дарований!

Помню, один до того любил команду «На первый-второй рассчитайсь!», что выстраивал обоих своих денщиков, и те у него целыми днями орали: «Первый! Второй! Первый! Второй!»

Нет, нет, только злые и бессердечные люди могли утверждать, что этот славный старик впал в детство.

А другой! Тот, который, утешая наш батальон, когда нам несколько суток нечего было есть в дороге, говорил, что это не беда и что, чем дольше продлится война, тем больше будет порядка.

«Могу привести вам конкретный пример,— говорил он,— эшелоны, проезжавшие здесь два дня тому назад, не получили хлеба, а вы его завтра получите».

Что и говорить, о нас заботились, никогда не забывали чем-нибудь порадовать. То преподнесут тебе полный маникюрный набор — будет чем заняться в окопах! Ничто так не успокаивает нервы во время артиллерийского обстрела, как полировка ногтей. То — как раз в самую голодуху — пришлют целый тюк молитвенников. Это тоже очень поднимает воинский дух.

Я всегда горячо высказывал чистосердечную благодарность своим дорогим начальникам и нашему победоносному императору за все, что они для нас по доброте своей делали.

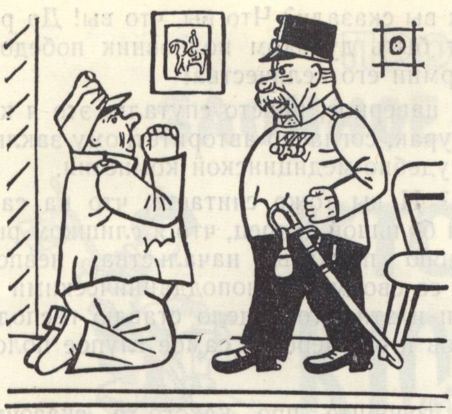
Меня только озадачивали и удивляли неожиданные результаты этих моих патриотических выступлений и поступков.

Начальники всегда почему-то очень сердились, и половина утверждала, что я идиот, а другая настаивала на том, что я прохвост и издеваюсь над военной службой.

Да боже меня упаси над ней издеваться, у меня ничего такого и в мыслях не было! Я всегда хочу поправить дело, чтобы все было по-хорошему, и никогда ничего из этого не выходит, кроме неприятностей и для меня и для других.

Швейк отправляется на призывной пункт.

Швейк и капитан Шнабель.

Шел я однажды под конвоем (ни за что ни про что меня вдруг арестовали), гляжу: перед манифестом об объявлении войны стоит толпа, и все молчат. Я пришел в волнение, увидев, что никто не проявляет никаких признаков радости по поводу такого великого события, и, чтобы воспламенить патриотизм, закричал: «Да здравствует император Франц-Иосиф! Мы победим!»

Стоило мне таким образом выказать свою глубокую преданность императору и веру в победу, как на меня пали самые тяжелые подозрения. Меня спасли только врачи, да и то потому, что — мне, право, стыдно за них! — усмотрели в моем восторженном приветствии императору просто доказательство того, что я круглый дурак.

Но меня все это не смутило, я по-прежнему стоял на своем, и, когда нас с поручиком Лукашем, чьим денщиком я тогда был, отправили на фронт, я радостно сказал господину поручику:

«Как это будет прекрасно, когда мы с вами оба падем на поле брани за государя императора и всю августейшую семью!»

И снова господин поручик почему-то был недоволен, хотя, мне кажется, я не сказал ничего нового по сравнению с тем, что можно было прочесть в тогдашних газетах, и хотя в светлую минуту он, наверно, подумал: «Боже мой, ведь я сам часто несу такую же дичь!»

Сколько сил я положил на то, чтобы поднять солдатский дух!

«Ну какой ты солдат, если пули боишься! — урезонивал я одного парня.— Каждого солдата все это должно только радовать, каждый солдат должен знать, что чем больше по нему даст выстрелов неприятель, тем меньше у противника останется боеприпасов. Выстрел, который по тебе делает неприятельский солдат, понижает его боеспособность».

Я охотно пересказываю своими словами все, что узнаю из газет о славных победах императорских войск. Это для меня лучше всякой сказки! Кому, например, не захочется повторить подвиг, столь правдиво описанный в одной из моих любимых песен:

Он пушку заряжал,
Ой ладо, гей люли!
И песню распевал,
Ой ладо, гей люли!
Снаряд вдруг пронесло,
Ой ладо, гей люли!
Башку оторвало,
Ой ладо, гей люли!
А он все заряжал,
Ой ладо, гей люли!
И песню распевал,
Ой ладо, гей люли!

Слушаешь эту песню и понимаешь: именно так на войне и бывает, до того точно все описано.

Швейк и поручик Лукаш.

Просто удивляюсь, отчего это мысли о мудрости императора, о непобедимости австрийской армии и о нерушимости империи, которые солдаты выслушивают от генералов и офицеров в угрюмом молчании,— те же самые мысли в моем изложении, сдобренные различными житейскими примерами, вызывают у начальства несправедливые нарекания на меня за агитацию!

Видно, нет у меня того красноречия, каким щедро одарены господа офицеры и воен-

ные священники, напутствующие нас на кровавую бойню... то бишь битву.

Помню, как меня до слез проняла проповедь Отто Каца:

«Помните, скоты, что вы — люди...»

Нет, что ни говорите, ораторствовать так красиво и прочувствованно не всякому дано, да еще будучи мертвецки пьяным (обычное состояние господина Отто Каца).

А полковник фон Циллергут! Как пламенно требовал он расстреливать пленных и плясать среди трупов и как охотно в мирные минуты делился с окружающими разными замечательными открытиями! От него вы всегда можете узнать, что шоссе — это дорога, по обеим сторонам которой тянутся канавы, что канава — не что иное, как выкопанное значительным числом рабочих углубление, а фасад дома — это та его часть, которая видна с мостовой или тротуара. Большого ума и редкого дара речи человек!

Как вы сказали? Что вы, что вы! Да разве может быть дураком полковник победоносной армии его величества!

Вы, наверное, просто спутали: это я круглый дурак, согласно авторитетному заключению судебно-медицинской комиссии.

Что? И вы тоже считаете, что на самом деле я большой хитрец, что я слишком рьяно исполняю приказы начальства, невпопад суюсь со своими верноподданническими чувствами и этим то и дело ставлю господ генералов и офицеров в самое глупое положение?!

Вы говорите про какого-то сказочного Ивана-дурачка, который в действительности умнее всех остальных героев и выходит победителем из борьбы с врагами? Право, я ничего о нем не слыхивал. Быть может, мы и впрямь родственники,— воля ваша! Где мне с вами спорить!

Признайтесь, вы, наверно, подумали, что я решил написать еще одну главу в знаменитую книгу о похождениях бравого солдата Швейка? Вот и ошиблись. Просто мне надо было рассказать вам, кто такой Швейк. И я подумал: а как бы сам Швейк стал рассказывать о себе, если бы его попросили?

А теперь несколько слов о том, кто создал Швейка.

Автор романа «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» — замечательный чешский писатель Ярослав Гашек.

Что такое война, Гашек знал не понаслышке: он сам оказался среди призванных в австрийскую армию и вынес из всего пережитого в эту пору ненависть к империалистической войне и к людям, ее затеявшим и на ней богатевшим.

После Октябрьской революции Гашек, бывший тогда военнопленным в России, становится коммунистом, вступает в Красную Армию и борется против интервентов и белогвардейцев.

Вернувшись на родину, Ярослав Гашек работает над романом «Похождения бравого солдата Швейка», который принес ему мировую славу.

Имя Швейка давно стало нарицательным, его не то простодушная, не то плутоватая физиономия, появляясь на киноэкране, всегда вызывает веселое оживление в зале.

В чем секрет бессмертия Швейка? Почему революционер Гашек отдал свои последние годы, чтобы вызвать к жизни образ этого «простака»?

Ответить на этот вопрос помогают слова замечательного чешского писателя-коммуниста Юлиуса Фучика:

«Своей пародией на послушание, своей простонародной шуткой Швейк подрывает с таким трудом создаваемую реакционерами силу их власти, он, как червь, точит реакционный строй...»

Самые лучшие рисунки к «Похождениям бравого солдата Швейка» (некоторые из них вы здесь видите) сделаны другом Гашека, известным чешским художником Иозефом Ладой.

Книга о Швейке осталась незаконченной. Последние главы Гашек диктовал, будучи тяжело больным.

На этом рисунке художник изобразил Гашека, прощающегося со своим героем.

ПРОДОЛЖАЕМ
ЗАОЧНОЕ СОСТЯЗАНИЕ

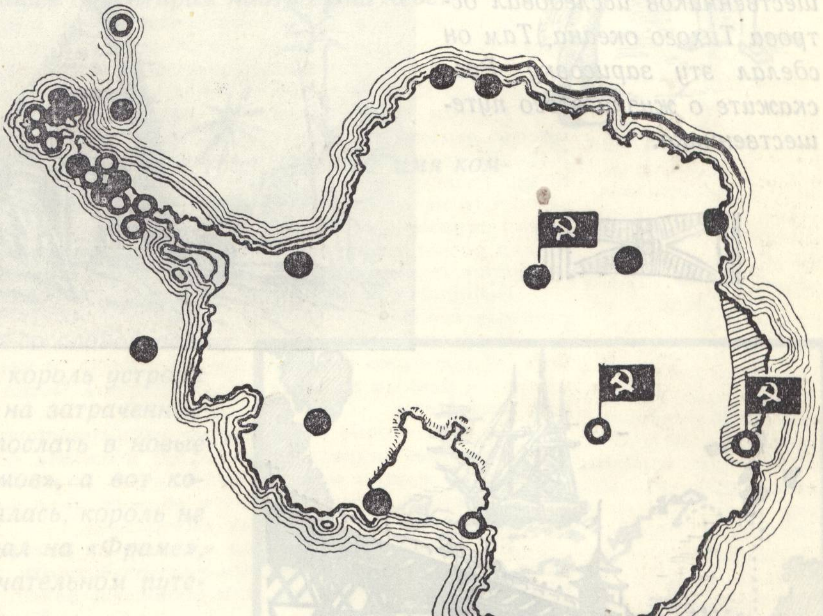
КТО знает больше,
КТО ответит лучше, быстрее, подробнее.

Серия вторая

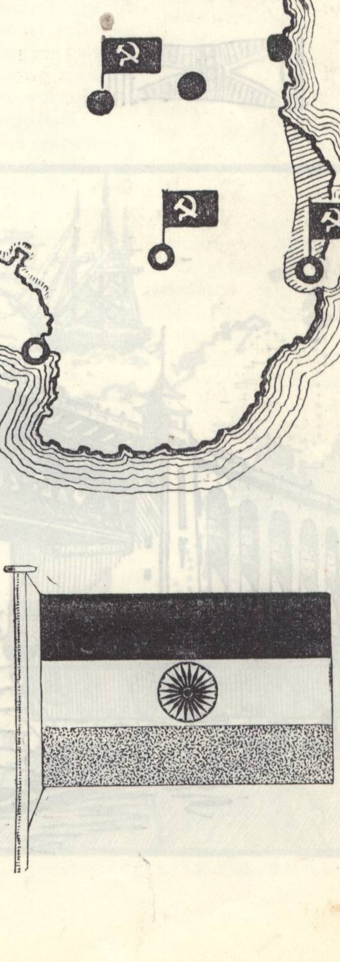
НАШИ ВОПРОСЫ

1. Когда, в связи с какими событиями был установлен праздник 1 Мая? Кстати сказать, ребятам, читавшим наш журнал в прошлом году, ответить на этот вопрос будет легко.

2. Какой материк изображен на этой карте, когда и кем он был открыт, какие исследования ведутся там сейчас?

3. Это флаг одной из крупнейших стран Азии. Молодая республика выбрала такой рисунок флага с глубоким значением. Верхняя полоса оранжевого цвета — это цвет льва, цвет силы. Белая полоса означает мир. Зеленая полоса внизу — цвет урожая, цвет земли-кормилицы. В центре помещено колесо — символ движения вперед. Чей это флаг?

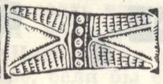

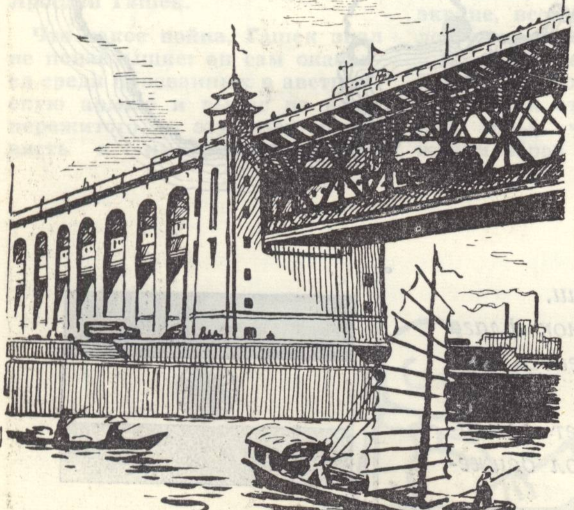
4. Вот портрет замечательной французской девушки. Во время «грязной войны», которую вела Франция во Вьетнаме, она остановила поезд с оружием. Назовите имя героини и расскажите о ее подвиге.

5. Один из американских ученых использовал детскую игрушку — змей — для доказательства того, что молния — это электрическая искра. Знаете ли вы этого ученого? В какую эпоху он жил?

6. Один из русских путешественников исследовал острова Тихого океана. Там он сделал эту зарисовку. Расскажите о жизни этого путешественника.

7. Торжественно праздновалось в конце прошлого года открытие этого крупнейшего в Азии сооружения. Где оно построено, что вы знаете о его строительстве?

8. Что вы знаете о хоре «Поющие голоса Японии»? В связи с чем возникло это движение?

9. Сколько было чемпионов мира по шахматам? Расскажите, кого вы считаете из них самым замечательным и почему?

10. Как звали литературных героев, жизнь которых так странно изменилась благодаря их удивительному сходству? Назовите автора книги. Какое из его произведений вы больше всего любите?

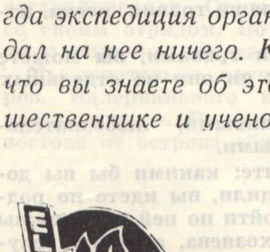

11. Бетельгейзе — красный сверхгигант — одна из крупнейших звезд нашей Галактики. Ее диаметр в 350 раз больше, чем у Солнца. В каком она созвездии? По каким ориентирам найти ее на небе?

12. У нас в стране есть города, залив, остров, носящие имя комсомола. Нанесите их на контурную карту и пришлите.

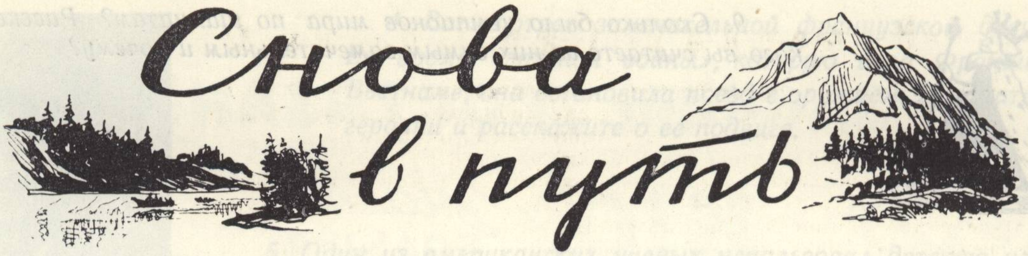
13. Когда корабль «Фрам» со славой вернулся в Христианию (Осло), король устроил такую пышную встречу, что на затраченные им деньги можно было бы послать в новые экспедиции несколько «Фрамов», а вот когда экспедиция организовывалась, король не дал на нее ничего. Кто плавал на «Фраме», что вы знаете об этом замечательном путешественнике и ученом?

14. Это новый значок пионеров одной из социалистических стран. Девиз пионеров остался прежним: «elõre» — «вперед», а рисунок значка изменился. Чей это значок?

Снова в путь

Скоро, уже совсем скоро по тысячам разных дорог страны разойдутся отряды юных путешественников. А страна у нас огромная, необъятная. Сколько еще неизведанных тайн, несчитанных богатств хранят тайга и тундра, реки и горы! Пусть эти тайны откроются перед вами. Пусть каждая из туристских дорог станет дорогой находок, больших и маленьких открытий, интересных встреч.

Какие планы на лето у вашего отряда? По какому маршруту вы идете в поход? Какое у вас задание? Это надо продумать заранее. Тщательно разработайте план вашей экспедиции, наметьте, к кому и куда вы пойдете. Может быть, стоит уже сейчас выслать разведку?

Помните, что почти в каждой области нашей страны есть различные научно-исследовательские институты, станции, заповедники, научные общества. Смело обращайтесь в эти организации. Здесь вам помогут разработать маршрут, взять наиболее интересное и важное для вашего края задание.

В прошлом году во Всесоюзной экспедиции пионеров и школьников участвовало около миллиона ребят. Ну, а нынешним летом, конечно, будет еще больше!

В этом году исполняется сорок лет Ленинскому Комсомолу. И, наверное, многие отряды захотят собрать материалы о героических делах комсомольцев. Хорошо, если вы встретитесь и познакомитесь с первыми комсомольцами своего края. Разыщите тех людей, которые участвовали в революционных боях, и запишите их воспоминания. Разыщите тех, кто в свои молодые годы организовывал первые колхозы, кто строил заводы и фабрики первых пятилеток, кто создавал новые советские города. Познакомьтесь с комсомольцами, которые сегодня покоряют целину и осваивают богатства Севера и Дальнего Востока.

Собирайте фотографии, документы, боевое оружие, письма и личные вещи славных героев.

Чтобы собранные вами материалы можно было использовать в научной работе, обязательно записывайте, где, когда, у кого вы достали эту вещь или документ, с какими событиями они связаны. Четко пишите имена, фамилии, названия мест, даты.

По всей стране у нас сейчас идут грандиозные стройки. Растут гиганты-заводы, мощные гидроэлектростанции и шахты, новые жилые дома и школы. Для всего этого нужно много строительных материалов. Вы, ребята, по-настоящему можете помочь своему району и области, если найдете залежи гравия, песка, извести и других строительных материалов.

Вы можете отправиться в поход за лекарственными травами, вы можете стать исследователями малых рек: определить, пригодны ли они на отдельных участках для судоходства или орошения полей.

Будьте пытливыми, любознательными, настойчивыми.

И еще помните: какими бы вы дорогами ни проходили, вы идете по родной стране. И пройти по ней вы должны как заботливые хозяева, а не как случайные гости. Пусть везде после вас останется добрая память: на колхозном поле вы помогли прополоть всходы или убрать урожай, вы посадили цветы у памятника погибшим героям, починили мост, через который шли, а где-то выступили с веселым концертом...

О том, какими разными могут быть маршруты и задания экспедиционных отрядов, вы можете судить по отрывкам из походных дневников, выступлений и донесений юных туристов, которые мы здесь печатаем.

В песках Сары-Ишик-Отрау

Сары-Ишик-Отрау — это необжитое, малоисследованное место. Селения там встречаются лишь вдоль Туркестано-Сибирской железной дороги да по реке Или. Дорог и троп нет. И вот именно сюда направился экспедиционный отряд 19-й железнодорожной школы станции Сары-Булак.

Экспедиция была хорошо оснащена технически. Совхоз Сары-Булак дал ребятам два трактора «ДТ-54», две тележки к ним, две автомашины «ГАЗ-51» и радиостанцию для поддержания связи с совхозом.

На десять дней запаслись ребята продовольствием, водой, горючим.

В результате похода было установлено, что местность в районе оврага Шуруки и колодцев Бубек и Сугур вполне пригодна для выпаса скота. И даже не только для выпаса, но и для сенокосов.

Пресная вода там расположена на глубине не больше восьми — десяти метров.

Сейчас совхоз Сары-Булак и многие колхозы района построили там кошары, жилье для чабанов, вырыли колодцы и уже перегнали скот на зимовку. В песках Сары-Ишик-Отрау будет зимовать около сорока тысяч голов скота.

Из доклада секретаря райкома партии тов. Гришагина.

За валериановыми каплями

Наш отряд шел вниз по Дону, по направлению к городу Цимлянску. У нас было задание городского аптекоуправления найти и собрать валериановый корень, ценное лекарственное растение, которого на Дону очень мало.

Мы уже прошли не один десяток километров. Кругом было много интересного. Но валериановый корень нигде не встречался. Обращались с расспросами к местным жителям: и к старикам, и к ребятам. Никто не мог нам помочь.

Миновав станицу Константиновку, отряд переправился на остров Жилой.

По рассказам местных жителей, на этом острове когда-то останавливался Степан Разин со своим отрядом. Вот почему он и получил это название.

Мы тщательно изучили остров. Валерианового корня не нашли и здесь. Но зато на юго-востоке от острова обнаружили другой островок, которого на карте не было. Заинтересовались им. Определили, что островок образовался совсем недавно и, вероятно, вследствие того, что громадные стройки на Дону изменили направление русла реки. Образовался новый изгиб. И вот на этом-то изгибе и появился островок. Назвали мы его Новый.

Остров заинтересовал не только нас, но и научные организации города Новошахтинска. Этим летом мы пойдем по заданию ученых в специальный поход на остров Новый.

Мы уже подходили к Цимлянску, когда, наконец, в лесу нашли то, что искали так долго,— валериановый корень. Вот они, мелкие целебные корешки. Собрали двадцать килограммов валерианового корня. Когда высушили его, получилось четыре килограмма. Но и это немало. Из четырех килограммов можно получить двадцать литров валериановых капель.

Из донесения экспедиционного отряда № 5664 гор. Новошахтинска, Ростовской области.

Торф колхозу

Началось все совершенно неожиданно. Совхоз «Рассвет» выделил для нашей школы участок в пять гектаров. Мы, конечно, мечтали удивить всех богатым урожаем.

А участок оказался плохим. Надо было хорошенько удобрить почву. И вот тогда мы отправились на поиски торфа. Сначала исследовали ближнее болото, потом другое, третье, снарядили целую экспедицию по району. И нашли! Исключительно богатые торфяники оказались на Пустом болоте. Мы добыли первые тонны торфа и отвезли на свой участок. Сейчас на Пустом болоте совхоз ведет крупную добычу торфа, колхозные поля на несколько лет обеспечены органическим удобрением.

Из донесения юных туристов Шильцевской школы, Лужского района, Ленинградской области.

Партизанскими тропами

Здесь был партизанский лагерь.

...Сегодня, 24 июня, наш отряд вышел в путь. Нас двадцать семь человек. У нас задание Брянского краеведческого музея: «Пройти по местам стоянок и лагерей партизанского отряда Дмитрия Ефремовича Кравцова, сделать фотоснимки мест, связанных с действиями отряда, собрать дополнительные сведения от бывших партизан и от населения о боевых действиях народных мстителей в годы Великой Отечественной войны».

...Бывший партизан И. В. Морин рассказал нам о том, как в отряд пришел самый молодой его член — Володя Ефимцев:

«...Это было в селе Коммуна Гигант, Карачевского района. Когда партизаны освободили от фашистов село, к нам пришел мальчик Володя Ефимцев. Он показал место, где немцы при отступлении спрятали оружие. Мы забрали оружие и повезли его в свой лагерь. Володя показал нам короткий путь через лес и проводил до самого лагеря.

Когда Володя вернулся в село, там уже снова были фашисты.

Гитлеровцы страшно зверствовали, пытаясь узнать у жителей место, где расположился партизанский отряд. Они убили Володину мать и сестру, младшую сестренку избили до полусмерти. Володя ночью на лошади привез сестренку к нам в лагерь. К сожалению, нам не удалось спасти ее. Володя остался в нашем партизанском лагере.

Сейчас Владимир Ефимцев работает в Навлинском районе, он комбайнер».

Из походного дневника туристов школы № 4 г. Брянска

Вечная слава

Наш экспедиционный отряд № 8220 1-й средней школы г. Тырныауза, Кабардино-Балкарской АССР, совершил восхождение на высоту около четырех тысяч метров в Эльбрусском районе. У нас было задание: исследовать горные тропы, по которым шли доблестные советские воины в дни Великой Отечественной войны.

Спустившись в расщелину перевала Донгаз-орун-баши, где проходили жестокие бои с фашистами, мы нашли блиндаж. Мы были первыми людьми, которые пришли сюда после жестокого боя, разыгравшегося здесь пятнадцать лет назад.

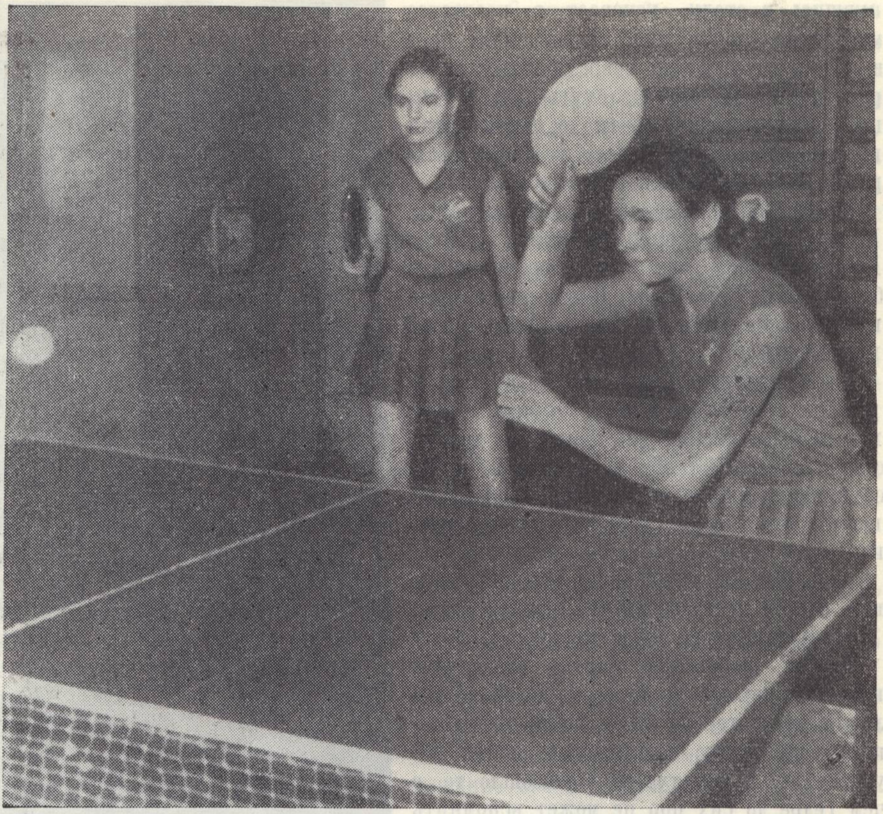
На стенках блиндажа увидели много высеченных надписей: имена и адреса погибших героев. Аккуратно переписали их в свои тетради. Нашли простреленную каску и планшетку с документами майора Мартынова, тоже погибшего в этом бою. Среди документов сохранилось и письмо из дома с обратным адресом: г. Орехово-Зуево, Московской области.

По этим скупым документам мы прочитали историю героической смерти защитников перевала. Материалы экспедиции мы передали в военкомат.

Сейчас мы готовимся к тому, чтобы летом 1958 года вновь подняться в горы и установить памятник майору Мартынову и другим погибшим героям.

Из выступления делегата II Всесоюзного слета юных туристов Володи Котенева.

СПОРТ

Подруги Гедре и Даля часто играют в одной команде.

ДВОЙНАЯ ПОБЕДА

Виктор ВАСИЛЬЕВ

Все началось в тот злосчастный день, когда тренер Бронислава Иосифовна Балайшене решила устроить для своих учеников товарищеские соревнования по настольному теннису.

Мечтали о победе и две подружки, шестиклассницы Гедре Вазалинскайте и Даля Беляускайте. Это были их первые состязания, и девочки очень волновались. Даля выиграла свой матч, а Гедре должна была играть с Лаймой Балайшите.

Хотя Лайма была на три года младше Гедре, но играла она очень смело и все время атаковала своего противника.

Вы, конечно, можете сказать: «Ну какая там смелость в настольном теннисе!» Но вы ошибаетесь. В настольном теннисе так же, как и во всяком виде спорта, часто побеждает тот, кто смелее, увереннее ведет борьбу. Знаете ли вы, что надо набрать 21 очко, чтобы выиграть партию? Так вот представьте себе, что счет игры 17 : 20. Обладателю 17 очков не так-то легко решиться сильно и резко бить по мячу. Если мяч попадет в сетку или улетит в сторону, не задев стола на стороне противника, все будет кончено: партия проиграна.

А Лайма при любом счете не прекращала атак. И эта смелость приносила ей частые победы.

Итак, судья подал команду, и матч начался. Гедре в ответ на сильные удары Лаймы уверенно посылала мячи то в правый, то в левый угол стола. Первую партию выиграла Гедре.

Она встретилась глазами с Далей, стоявшей неподалеку у стены, и негромко сказала ей:

— Все будет в порядке!

Гедре была спокойна и уверена в себе.

Началась вторая партия. Маленькая Лайма, которую едва было видно из-за стола, продолжала, несмотря на неудачу, резко атаковать. Вот сильным ударом она посылает мяч по диагонали в левый угол стола. Но Гедре начеку. Подпрыгнув и повернувшись почти спиной к столу, она отбивает трудный мяч. Тогда Лайма снова сильно бьет в другой угол. Гедре приходится отбежать на несколько шагов от стола, чтобы успеть принять этот мяч уже на излете, когда он едва не упал на пол. Лайма начинает хитрить: мягким, неслышным прикосновением резиновой ракетки она опускает мяч возле самой сетки. Но Гедре вовремя разгадывает этот маневр и, мет-

нувшись к столу, успевает в последнее мгновение отбить мяч. Лайма снова бьет в левый угол. Гедре вовремя подставляет ракетку, но на этот раз чуть-чуть неточно — мяч долетает почти до самой сетки и, потеряв скорость, падает на стороне Гедре. Лайма выиграла первое очко.

После этого она не ослабляла атак. И упорство маленькой соперницы смутило Гедре. «Почему она так уверена в себе?» — подумала Гедре. И как-то незаметно для себя Гедре уступила воле своей противницы.

Гедре перестала нападать, она лишь оборонялась, заботясь только о том, чтобы как-нибудь перекинуть мяч на другую сторону стола. Такой податливый и послушный прежде, маленький беленький шарик стал вдруг капризным и своенравным.

Казалось, он умышленно норовил полететь совсем не туда, где его ждала Гедре.

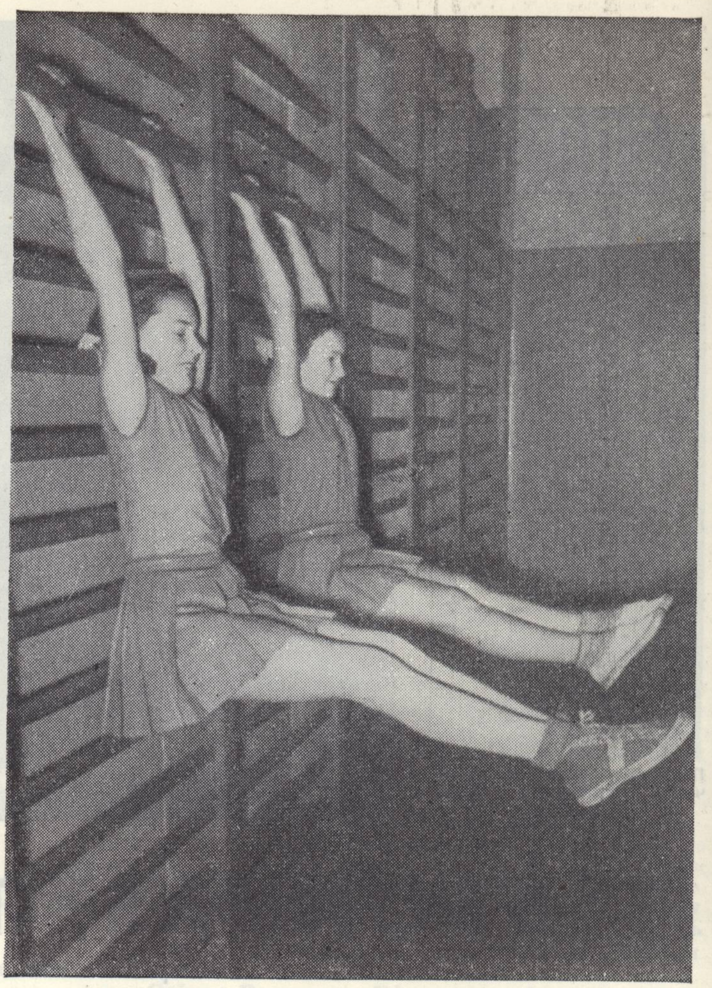
Вторую партию Гедре проиграла.

Третья, решающая, партия была удивительно похожа на вторую. Хозяйкой зеленого стола теперь была Лайма. Гедре попрежнему только защищалась, и все неувереннее. И вот тут-то произошло то, о чем Гедре до сих пор не может вспомнить без смущения.

После одного, особенно удачного удара Лаймы в зале зааплодировали, и Гедре расплакалась.

Когда матч закончился и Гедре с мокрым от слез лицом пожала руку Лайме, кто-то из мальчиков в зале громко сказал:

— Ну и плакса!

Теннисистка должна быть выносливой, крепкой и ловкой, и Гедре тренируется на гимнастической стенке.

С тех пор Гедре не раз случалось плакать во время соревнований. Ей было стыдно, она знала, что над ней снова будут смеяться, но ничего с собой поделать не могла. Ей не хватало выдержки.

Стоило Гедре несколько раз неудачно ударить по мячу, как она совсем терялась и проигрывала без особого сопротивления, хотя играла-то она совсем неплохо и, когда не волновалась, побеждала сильных теннисисток. Однажды, после очередной неудачи, Бронислава Иосифовна позвала к себе Гедре.

— Ну вот, Гедре,— сказала она.— Выигрывать ты уже немного научилась. А вот проигрывать — еще нет. Это ведь тоже надо уметь — проиграть спокойно, с достоинством. Иначе спортсменки из тебя не получится.

...Прошел год. Только одна Даля да Бронислава Иосифовна знали, какой это был важный год в жизни Гедре Вазалинскайте. В первые месяцы после разговора с тренером Гедре не участвовала в соревнованиях. Зато она много играла с Далей и, случалось, часто выигрывала у нее. Когда же побеждала Даля, Гедре не переходила в оборону, как это прежде бывало с ней, а все так же смело и настойчиво продолжала атаковать.

Потом она стала играть и с другими девочками. Она специально выбирала теннисисток, которые играли лучше нее. Чаще всего Гедре им проигрывала. Но до последнего очка она, сжав зубы, боролась за победу. А когда ее противница все же побеждала, Гедре с улыбкой подходила к ней, пожимала руку и спокойно шла в раздевалку.

Постепенно она научилась владеть собой, но прозвище «плакса» по-прежнему сопровождало ее: в соревнованиях Гедре не участвовала, и ребята не знали, сможет ли она «выдержать характер» в ответственной игре.

Как-то раз стало известно, что спортсмены Каунаса вызвали на матч команду Вильнюса. Всех девочек интересовало: кто же удостоится чести играть в команде своего родного города? Когда Бронислава

Иосифовна выстроила ребят и назвала тех, кто включен в команду, раздался шепот удивления: среди других была и Гедре.

Гедре была благодарна ей за доверие, но внутренне она вся затрепетала от волнения: наконец-то все поймут, что она сумела перебороть себя, что она стала настоящей спортсменкой! Но сумеет ли она это доказать?

Случилось так, что, когда Гедре вызвали к столу, теннисисты Каунаса одерживали победу. Гедре нужно было обязательно выиграть, иначе поражение команды Вильнюса было почти неминуемо.

Вот тут кое-кто пожалел, что «плаксу» включили в команду. И хотя Бронислава Иосифовна верила, что Гедре не подведет команду, волновалась и она. Но больше всех волновалась, конечно, сама Гедре.

Перед началом встречи все ребята стали подбадривать ее. «Боятся за меня»,— подумала Гедре, выходя к столу. Противница Гедре уверенно начала игру. Она умело посылала крученые удары, после которых мяч, ударившись об стол, резко отскакивал в сторону. Пока Гедре приноровилась к таким ударам, много очков было потеряно и, хотя игра потом выровнялась, партию спасти уже было нельзя.

И вот Гедре, провожаемая осуждающими взглядами товарищей, переходит на другую сторону стола. Она составила твердый план действий. Ее соперница любит играть неторопливо, атакуя кручеными ударами. Значит, чтобы лишить ее этого преимущества, надо самой непрерывно атаковать, стремительно вести игру.

Так повела Гедре вторую партию. На любой удар соперницы она отвечала еще более сильным ударом. Теперь она не ждала, пока мяч высоко отскочит, а настигала его возле самого стола и посылала то в правый, то в левый угол. Гедре теперь играла не только умело, но и хладнокровно, она совсем овладела собой. Вот Гедре сильно ударила справа. Ее противница отбежала в сторону от стола и, подпрыгнув, успела достать ракеткой мяч. После этого она тут же помчалась к другому углу стола, уверенная, что мяч будет направлен именно туда. Но Гедре снова бьет направо. Еще одно очко!

Словом, Гедре выиграла и вторую и третью партии и помогла своей команде выиграть матч. Какая это была радостная минута! Все ее поздравляли. Особенно радовалась за подругу Даля.

— Какая же ты все-таки молодчина, Гедре! — воскликнула она.— Теперь-то уж никто не скажет, что тебя зря включили в команду.

— И никто не назовет меня «плаксой»!—гордо добавила Гедре.

...Вот и вся история трудной победы, которую одержала Гедре Вазалинскайте. За эту победу она не получила ни диплома, ни грамоты, но зато завоевала уважение своих товарищей.

БЕЗ КОНЬКОВ

Наступила весна, растаял лед... Ты как следует вычистил конькобежные ботинки, протер коньки, смазал лезвия вазелином, надел на них чехлы, завернул все в бумагу и спрятал до будущей зимы.

А не приходилось ли тебе на будущую зиму с досадой убеждаться, что вот опять за лето все пошло насмарку: бегать на коньках ты стал хуже, посадка неправильная, толчок вялый, поворот не получается... Как говорят конькобежцы, забыл «технику».

Обидно, не правда ли? Ну что ж, ты можешь себе помочь. Попробуй проделывать упражнения, которые ты здесь видишь. Они напоминают движения конькобежца на льду. Их даже так и называют: подражательными, или имитационными, от латинского слова imitatio — подражание.

Конечно, тебе захочется летом заниматься летними видами спорта: плавать, грести, бегать, прыгать, играть в мяч, кататься на велосипеде. Очень хорошо. Все это поможет приобрести силу, выносливость, ловкость, без которых ты не станешь хорошим конькобежцем. А чтобы не забыть технику, ты проделывай имитационные упражнения, включая их либо в утреннюю зарядку, либо в другие занятия физическими упражнениями.

Сразу же, с первых занятий, стремись каждое упражнение исполнять предельно точно. Ведь ты разучиваешь технику, а какая же техника без точности? Вначале хорошо бы упражняться перед зеркалом, чтобы исправлять свои ошибки. Еще лучше, если ты будешь заниматься не один, а с товарищами. Тогда поочередно каждый из вас пусть следит за тем, как исполняют упражнения другие, и поправляет их: ведь со стороны виднее.

Лучше заниматься не в комнате, а на свежем воздухе, на утрамбованной площадке, например, на волейбольной. Это удобнее потому, что часть упражнений вы будете делать, продвигаясь вперед. Значит, понадобится много места.

Исполняй не все сразу, а в первую неделю — первые два—три упражнения, потом следующие два и т. д. Каждое движение повторяй вначале пять—восемь раз. Потом, когда мышцы окрепнут, можно увеличить число повторений.

Следи за дыханием, не задерживай его. Дыши ровно и глубоко. Вдыхай через нос, выдыхай через нос и слегка приоткрытый рот.

Помни, что эти упражнения — только часть общей гимнастической зарядки. Поэтому ни в коем случае не прекращай ежедневной утренней гимнастики.

Прежде всего позаботься о том, чтобы не забыть правильной основной посадки конькобежца (рис. 1). Именно так он пробегает большую часть длинной дистанции. В этом положении тело приобретает наиболее обтекаемую форму, человек легче преодолевает сопротивление воздуха, а значит, он быстрее бежит.

Основная посадка конькобежца: ноги плотно составлены, ступни параллельны, колени согнуты. Туловище наклонено вперед, голова приподнята, руки за спиной, пальцы правой руки слегка охватывают левое запястье.

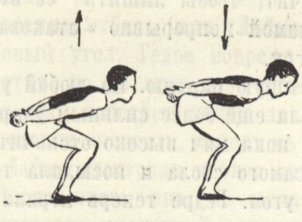

Рис. 1.

Первое упражнение: прими такую позу и чуть-чуть пружинисто покачивайся в коленях вверх-вниз примерно полминуты. Ступни не отрывай от пола!

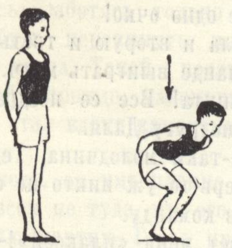

Рис. 2.

Второе упражнение: ноги вместе, ступни параллельны, руки за спиной, как на рис. 2.

На счет один — присядь. На счет два — вернись в исходное положение. На счет три — присядь, отводя правую ногу в сторону, как показано на рис. 3. На счет четыре — вернись в исходное положение, выпрямись.

Потом сделай то же, но отводи в сторону левую ногу.

Рис. 3.

Третье упражнение: проделай все так же, как в предыдущем, но из основной посадки конькобежца. Вытянутую ногу ставь не на всю ступню, а на внутреннюю ее сторону, «на ребро». Колено выпрямляй до отказа. Следи за тем, чтобы туловище не поднималось. Смотри прямо вперед.

Выпрямляя ногу, ты подражаешь отталкиванию коньком ото льда. Такое отталкивание одним коньком позволяет конькобежцу дольше скользить на другом коньке.

Четвертое упражнение (из основной посадки конькобежца). На счет один — отведи правую ногу по дуге назад, поставь ее

Рис. 4.

точно позади опорной ноги. На счет два — вернись в исходное положение. То же левой ногой (рис. 4).

Когда отводишь ногу, касайся земли только носком. Голень параллельна земле.

На льду конькобежец после отталкивания отводит ногу назад. Здесь имитируется это движение.

Пятое упражнение: ходьба пригибным шагом на сильно согнутых ногах. Шаг делай короткий, туловище сильно наклони вперед. Только не смотри под ноги, гляди прямо вперед (рис. 5). Следи, чтобы ступни во время движения были строго на одной прямой, не

Рис. 5.

разворачивай носки наружу. Чтобы не сбиться, проведи на земле прямую черту.

Упражнение хорошо укрепляет ноги и спину. Это позволяет конькобежцу находиться продолжительное время в основной посадке.

Шестое упражнение (из посадки конькобежца). На счет один — подайся всем телом влево (ног от пола не отрывай!); потом сделай небольшой шаг в ту же сторону. На счет два — приставь правую ногу к левой (рис. 6).

Рис. 6.

На счет три — четыре — сделай то же самое, но вправо.

Это очень полезное упражнение для того, чтобы толчок стал более энергичным, сильным. Правда, упражнение довольно трудное. Ведь, наклоняя туловище, ты теряешь точку опоры и, чтобы не упасть, инстинктивно стремишься сначала сделать шаг в сторону, а потом уж наклонить туловище. Проследи за тем, чтобы опорную ногу подтягивать возможно позднее и предельно сгибать ее потом.

Если сразу не получится, то проделай все это сначала выпрямившись, с руками за спиной.

Седьмое упражнение (из посадки конькобежца). На счет один — сдвинь туловище в левую сторону, одновременно отводи в сторону правую ногу, как было показано на рис. 3. На счет два — отведи эту ногу назад за опорную, носком слегка касаясь земли, как на рис. 4. На счет три — приставь ее вплотную к опорной ноге. То же — в правую сторону.

В этом имитационном упражнении ты соединяешь два предварительных движения в одно и подражаешь законченному движению конькобежца одной ногой, выполняя упражнение на месте.

Отводи ногу назад плавно, расслабленно. Не качай при этом плечами, следи, чтобы колено опорной ноги находилось строго над ступней. Если ты будешь раскачивать плечами и коленями, исчезнет прямолинейность движения. Значит, на дистанции, когда ты будешь по-настоящему бежать на коньках, тебе потребуется лишнее время и энергия.

Восьмое упражнение (из посадки конькобежца). Отведи левую ногу за правую так, чтобы она была совсем прямая. Наружной стороной ступни, по всей ее длине, касайся земли (рис. 7). Повтори то же в другую сторону.

Рис. 7.

Это — подводящее упражнение к повороту.

Девятое упражнение (из посадки конькобежца). На счет один — наклони туловище влево, сделай левой ногой шаг в ту же сторону и переступи правой ногой через левую (рис. 8). На счет два — приставь левую ногу к правой. Движение исполняют только в левую сторону. Ты, вероятно, догадался, почему: ведь это поворот на беговой дорожке. А повороты делают только влево.

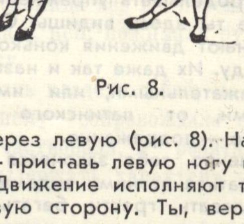

Рис. 8.

Е. Степаненко, В. Кречетова.

Рассказ Р. РОМЫ

Рисунки В. Константинова.

Тимка сидит у стола и ест кашу. Ему только что попало от мамы: он опять вмешивался в разговоры взрослых. Надо как можно скорее вырасти и стать взрослым. Тимка смотрит на свою руку. Она очень большая. Вот она перед самым носом держит ложку. Вообще Тимка вырос. Он уже гораздо выше стола, а раньше, когда он подходил к столу и хотел что-нибудь достать, то хлебные крошки впивались ему в подбородок.

Тут Тимка отвлекся от своих мыслей, потому что папа сказал маме:

— Ты знаешь, что жук ест шкаф. Надо что-то сделать, иначе он съест всю мебель.

Тимка не вмешался в разговор, он стал думать сам:

«Как же это так? Жук ест шкаф! Что же это за жук? Наверно, он такой огромный, что не проходит в дверь. Наверное, у него зубы, как топоры, как пилы, если он может съесть всю мебель. Его просто надо застрелить из ружья, как тигра. Но почему его никогда не видно? Наверно, он приходит ночью». И Тимка решил подкараулить жука...

В первую ночь он проснулся и увидел, что уже утро. В следующий раз Тимка проснулся и подумал, что еще спит. Было так темно, как будто он не открывал глаз. Но постепенно Тимка увидел на полу у стены свое ружье, лошадь и вообще все, что было в комнате днем. «Да, это ночь»,— решил он. Ему стало страшно и показалось, что под столом что-то шевелится... «Я храбрый, я мальчик».— подумал Тимка и укрылся с головой. Стало еще страшнее. Тимка вылез из-под одеяла, схватил ружье и выскочил в коридор. В коридоре горела тусклая лампочка. Он тихонько прошел в кухню, взял табуретку и сел на нее в передней. «Дам ее жуку вместо шкафа,— думал Тимка,— шкаф все-таки лучше табуретки».

Тимка уже стал задремывать, а жука все не было. На табуретке сидеть было очень неудобно: жестко и шатко. На подстилке в углу спал Жулик. Валентин Иванович, хозяин Жулика, дал ему имя Джулио, но вся квартира звала его Жулик, потому что эта кличка больше подходила к собаке.

— Подвинься! — сказал Тимка Жулику, улегся рядом с ним на подстилку и положил голову на его костлявый теплый бок. Жулик попытался выбраться из-под Тимкиной головы, но Тимка придержал его рукой, как подушку, и скоро оба крепко заснули.

Вдруг на лестнице раздался ужасный грохот и лязг. Жулик и Тимка вскочили. Жулик залаял, а Тимка завизжал и бросился в спальню к папе и маме. За ними побежал Валентин Иванович, который выскочил из своей комнаты, услышав лай. Захлопали двери, и вся коммунальная квартира примчалась за Тимкой в спальню его родителей. Тут была и учительница английского языка Серафима Алексеевна, растрепанная, в разных туфлях и в зеленом халате, из-под которого торчала ночная сорочка; тут был шестиклассник Додик, босой, в трусиках, и его

толстая мама в платье, надетом наизнанку и задом наперед.

Все шумели и выкрикивали на разные голоса: «Боже мой!», «Что случилось?», «Айай-ай!», «Не может быть!», «Что с ребенком?», «В чем дело?»...

Тимкин папа долго не мог проснуться окончательно, потом спустил ноги на пол, оглядел всех, вспомнил что-то и опять спрятал ноги под одеяло. А мама вдруг закричала, прижав к себе Тимку: «Звоните в милицию!» И тут из бессвязных выкриков Тимки стало понятно, что идет жук, который сейчас съест шкаф и всю мебель. Жители квартиры номер десять по Греческому проспекту никогда так не смеялись днем, как в этот ночной час в спальне Тимкиных родителей. Валентин Иванович быстро ушел, не переставая смеяться, за ним выбежал Жулик. Учительница Серафима Алексеевна, несмотря на халат и неподходящее время, популярно объяснила Тимке, что шкафы и вообще дерево ест крошечный жучок-древоточец, что он не один, а их очень много, что они прогрызают в дереве множество ходов и что в конце концов предмет, который они едят, рассыпается в труху, пронизанный этими ходами.

— И чего только не выдумает один маленький ребенок! — сказала Додина мама, зевая и почесывая спину.— Простите, что я прибежала к вам, как сумасшедшая. Думала, бог знает что случилось. Подняли такой крик, топот и тарарам! У нас в Умани жучок съел целый дом, и то ничего.

Когда все вышли, мама снова уложила Тимку спать.

— Откуда ты взял всю эту историю про жука, дурачок ты этакий?

— Папа же сказал, что жук ест шкаф и съест всю мебель.

— А почему ты не спросил, что это за жук?

— Вы же мне не позволили вмешиваться во взрослые разговоры,— сказал Тимка. Он не слышал, что ответила мама на это: он заснул.

Тут кончается рассказ про Тимку и жука, но есть еще один вопрос: что же так гремело и лязгало на лестнице? Я должна знать это, раз написала рассказ, и я это знаю. Гремел и лязгал металлический бритвенный прибор, состоявший из подносика, чашечки и стаканчика, не говоря уже о бритве.

Вы опять спросите меня, как ночью на лестнице очутился бритвенный прибор. И это я знаю: он выпал из чемодана. А как там очутился чемодан? Пожалуйста: его нес жилец из верхней квартиры. Этот жилец опаздывал на аэродром к самолету. Когда он, придерживая шляпу, несся по лестнице, чемодан вдруг распахнулся, и все из него высыпалось. Несмотря на то, что на лестницу выпали еще и рубашки, полотенце, трусики, мыло и зубной порошок, об этом не стоит говорить, потому что они не произвели никакого шума. Жилец погнался за подносиком, чашечкой и стаканчиком, которые с грохотом летели вниз по лестнице. Он даже не подозревал о том, что произошло в нижней квартире.

Вот и все, что я могу рассказать об этом случае.

С глубоким уважением ко всем, кто прочтет этот рассказ

Р. Рома.

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

Послушайте сначала, как все это произошло.

Я и мой брат Владимир собрались на прогулку в лес. Конечно, мама и тетя Лида наказали нам далеко не забираться и быть осторожными. Путь наш лежал на юг. Пройдя белую церковь, расположенную в роще, за поселком, мы свернули с шоссе на тропинку и вскоре, обойдя пологий холм, достигли леса. Здесь заповедник, и мы не удивились, найдя следы зверей. Вот прошла медведица с медвежатами, а вот робкая лань, чуя опасность, поспешила умчаться в глубь чащи. Мы спустились на дно оврага и видели, как в кустах скользнул уж. Я схватил было прут, но брат удержал меня: нельзя, ведь мы в заповеднике. «Смотри-ка,— сказал он, показывая куда-то вверх,— неужели это орел?» «Что ты,— засмеялся я,— это не орел, а сокол». В это время почти из-под ног у нас вылетел тетерев.

В лесу нам встретились лесник Ерофей Павлович и его племянница Лена. Мы пошли вместе и

рассказали им про следы зверей. «А следы львов и тигров вам не попадались?» — шутливо спросил лесник, но похвалил нас за наблюдательность. «Ай!» — вскрикнул вдруг мой братишка и затряс рукой. Его ужалила оса. Нам удалось извлечь жало из ранки. «Должно быть, ты сладкий, как изюм»,— сказал лесник, но братишке было не до смеха.

Скоро мы вышли на дорогу и простились с нашими спутниками. Белая лошадь показалась из-за поворота. Это ехал порожняком из города наш сосед, дядя Станислав. Он и довез нас до дому.

Вот, собственно говоря, и все. «А при чем же тут география?» — вероятно, спросите вы. И если у вас действительно возникнет такой вопрос, то перечитайте рассказанную нами историю повнимательней еще раз и постарайтесь найти в тексте описания нашей прогулки 23 географических названия. Поищите их на карте нашей Родины.

Составили **П. Метревели** и **Н. Васильев.**

ЗАГАДКИ

1. Маленький конек из черного озерка воду берет, белое поле поливает.
2. Сам верхом, а ноги за ушами.
3. Ходит пани в серебряном жупане. С крыльями, а не летает. Без ног, а не догонишь.
4. Зеленый теленочек привязан веревочкой; лежит на боку и толстеет.
5. Кругло-кругло, да не месяц; зелено-зелено, да не веник; есть хвост, да не мышь.
6. Заря-заряница, красная девица,
По небу гуляла, слезы потеряла.
Месяц видел — не поднял,
Солнце встало — подобрало.

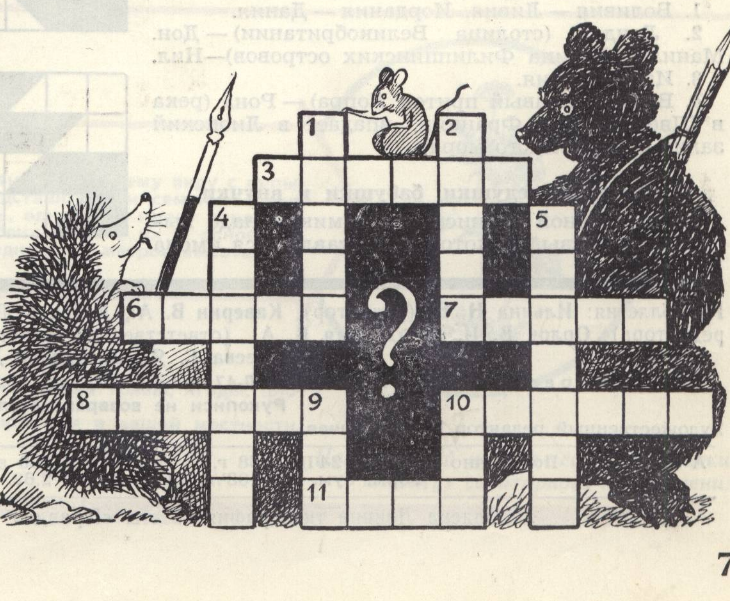
Прислал **Геннадий Баркан,**
Московская область.

В МИРЕ ЖИВОТНЫХ

По горизонтали: 3. Хищник, живущий в норах. 6. Порода оленей. 7. Пушной зверек. 8. Грызун. 10. Морское животное. 11. Хищник из семейства кошачьих.

По вертикали: 1. Степной хищник. 2. Разновидность дикой лошади. 4. Животное, легко переносящее условия пустынь. 5. Человекообразная обезьяна. 9. Крупное морское животное. 10. Горный козел.

Составил **Н. Чикалев,**
Ярославская область.

КАК ЗОВУТ НАШУ СОБАКУ?

Если от клички нашей собаки отнимать с конца по одной букве, то каждый раз все новые слова будут получаться, пока не останется одна заглавная буква.

Не подумайте, что у нашей собаки какая-нибудь необыкновенная кличка — вам не раз приходилось ее слышать. И в баснях она, наверно, вам попадалась.

Вот и догадайтесь теперь, как зовут нашу собаку. И назовите слова, которые могут получиться из ее клички.

Составила **Вероника Якунина,**
Ленинград.

ОТВЕТЫ
на задачи, помещенные в № 3

Загадка в ребусах

Тысячи братьев одним поясом подпоясаны. (Сноп).

Пушкинские строки

В каждом ряду читают сначала буквы под фигурами — ферзем, ладьей и конем,— а затем под пешками. Решение задачи:

«Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!»

Из стихотворения А. С. Пушкина «К Чаадаеву».

Прочитайте плакат

Каждое число на плакате обозначает какую-либо букву и является произведением двух чисел. Головоломка легко решается при помощи ключа. Любая клетка в ключе находится на пересечении вертикального и горизонтального рядов. Перемножьте числа, которыми помечены ряды, и вы получите числовое обозначение буквы, находящейся в этой клетке. Заменив все числа на плакате соответствующими им буквами, вы прочитаете полный текст головоломки: «Называться пионером легко, быть пионером труднее».

Географические названия

1. Боливия — Ливия. Иордания — Дания.
2. Лондон (столица Великобритании) — Дон. Манила (столица Филиппинских островов)—Нил.
3. Инд — Индия.
4. Ворона (правый приток Хопра) — Рона (река в Швейцарии и Франции, впадает в Лионский залив Средиземного моря).

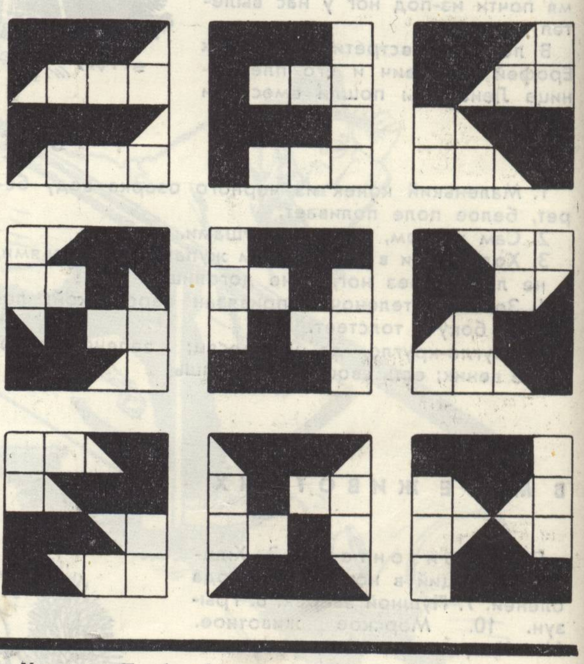
С помощью дедушки, бабушки и внучки...

Из загадочной надписи над домиком надо вычеркнуть буквы, из которых составляются имена дедушки, бабушки и внучки. Оставшиеся буквы составят текст народной пословицы: «Нет друга — ищи, а нашел — береги!»

Народная загадка

В воде купался, а сух остался. (Гусь).

На четыре равные части

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **А. Ефимова**

А 00561. Подписано к печати 24/III 1958 г. Тираж 400 000 экз. Изд. № 390. Заказ № 463.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ЯДОВИТЫХ РАСТЕНИЙ!

Ребята! Летом вы отправитесь в походы, будете бродить по лесам и полям. Вам необходимо хорошо знать растения, окружающие вас. Умеете ли вы отличать полезные растения от опасных?

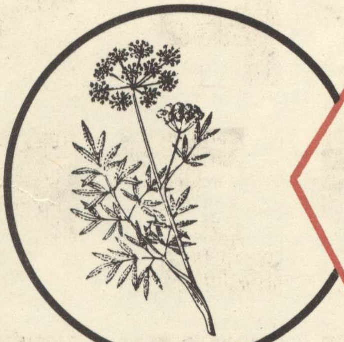
Вот некоторые ядовитые растения. Их ягодами, стеблями, корнями или листьями можно отравиться.

БЕЛЛАДОННА (КРАСАВКА, ИЛИ СОННАЯ ОДУРЬ). Ее блестящие черные или желтоватые ягоды напоминают вишню. Растет чаще в районах с мягким климатом на вырубках, в редких лесах.

БЕЛЕНА И ДУРМАН — сорняки, встречающиеся по обочинам дорог, в канавах, на запущенных огородах. Крупные семенные коробочки дурмана похожи на орешки, а семена белены — на съедобный мак.

ВЕХ ЯДОВИТЫЙ — высокое растение с белыми, собранными в зонтики цветками. В средней полосе нашей страны обычно можно увидеть его на болотах, по берегам прудов и рек. У веха мясистое зеленовато-белое корневище, похожее на съедобные корнеплоды. Известны случаи, когда смерть наступала даже оттого, что сок веха попадал в царапины.

БОЛИГОЛОВ ПЯТНИСТЫЙ. Очень сходен по внешнему виду с купырем лесным и другими безвредными представителями семейства зонтичных. У болиголова тоже полый стебель, однако он имеет характерную примету: красно-ржавые пятна. Особенно много их у основания главного стебля. Болиголов достигает нередко двух метров высоты.

Ребята!
Никогда не пробуйте на вкус неизвестные вам травы, ягоды, плоды, не делайте из них игрушек!
Изучайте ядовитые растения, встречающиеся в вашей местности.

Центральный научно-исследовательский институт санитарного просвещения.

Цена 2 р. 50 к.

Сын фотолюбитель

Геннадий МАМЛИН

Рисунок Е. Ведерникова.

Если сын — фотолюбитель,
То забудьте о покое.

Надевает папа китель —
Китель в пятнах. Что такое?

Квас в бутылке. Не хотите ль?
Папа морщится:
— Отрава!
— Нет,— кричит фотолюбитель,—
Квас в другой бутылке, справа!

Смотрит бабушка с опаской
На пробирки с порошками.
Банки с хреном и закваской
Под семью хранит замками.

Носит соль она в кармане:
— Посудите: долго ль, скажем,
Если зрение обманет,
Посолить уху фиксажем?

Пленки сушатся в столовой,
На полу лежат клеенки,
И свисают с люстры новой,
Словно змеи, эти пленки.

Гасит свет фотолюбитель,
Свет любителю не нужен.
Папа, как пещерный житель,
В темноте съедает ужин.

Папа встал сегодня рано,
Папа едет на охоту.
Гонит папу сын из ванной:
Утром в ванной мокнут фото.

Папа поднял бунт:
— Довольно!
Я хозяин в доме этом.

Но склонился он невольно
Над своим цветным портрéтом,
Подошел с портретом к свету —
И смирил свой гнев родитель...

О покое думать? Где тут!
В доме сын — фотолюбитель.